
ОГОНЁК
№ 20 МАЙ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

У памятника А. В. Суворову в Ленинграде.
Фото Д. Трахтенберга

На первой странице обложки: Александр Васильевич Суворов.
Портрет работы художника Б. Щербакова

ОГОНЁК № 20 (1197) 14 МАЯ 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

БОЕВЫЕ ПОДРУГИ ВСТРЕЧАЮТСЯ СНОВА

Это было решено за несколько дней до победы над гитлеровцами: каждая из летчиц женского полка ночных бомбардировщиков, каждая, кто 2 мая будет в Москве, должна придти в сквер у Большого театра на традиционную встречу боевых подруг.

Встреча состоялась и в нынешнем году в ослепительно яркий праздничный день.

...В последний раз они виделись год назад, а сколько радостных событий произошло в их жизни! Герой Советского Союза, студентка института иностранных языков Полина Гельман родила ребенка и сегодня пришла на встречу со своим первенцем. Бывший начальник штаба полка Ирина Ракобольская учится в аспирантуре. Есть о чем рассказать, есть что вспомнить...

...Уже прошел час, другой, и совсем не хочется расставаться.

— Значит, через год, в тот же день и в тот же час, девушки,— сказала на прощание Мария Чечнева.— Смотрите, не опаздывайте!

На снимке: традиционная встреча боевых летчиц в сквере у Большого театра.

Фото Е. Умнова

СЛАВА РУССКОГО НАРОДА

Академик Е. ТАРЛЕ

23 мая 1800 года в Петербурге, в Александро-Невской лавре, опущено было в могилу тело одного из замечательнейших людей, рожденных русским народом, — генералиссимуса Александра Васильевича Суворова.

Легенда стала окружать имя Суворова еще при жизни великого полководца. Его постоянные и поразительные по своим размерам и по своим последствиям победы решительно над всеми врагами, с которыми за свой долгий век он воевал, доходившие до обожания любовь и доверие к нему всей армии — все это рисовало и представляло народному воображению его личность в грандиозных, фантастических размерах.

Его странности, неожиданные выходки, своенравное нежелание подчиняться каким бы то ни было условностям, общепринятым в военном или гражданском быту, не говоря уже о правилах придворного этикета, его манера не стесняться в резких выражениях, даже если собеседниками оказывались Екатерина II, или Павел I, или австрийский император Франц, — все это сделало имя Суворова широко известным в России, а за Россией — в остальной Европе задолго до того, как в нем полностью оценили великого военного гения, непревзойденного воспитателя моральной доблести и военного искусства в армии, героя, подвиги которого отражались на ходе тогдашней мировой политики.

Легендарным народным героем Суворов становился постепенно, сначала в тех частях и подразделениях армии, где солдаты наблюдали его вблизи и непосредственно, затем в больших армиях, которые уже поручались ему, как ответственному командиру, наконец, во всем русском войске — от Крыма до Финляндии, от Кубани до Дуная, от Вислы до Альпийских гор. Современники говорили о его «гремящей славе», о том, что он «ступит на горы — горы трещат», и никакие восторги и восхваления не представлялись им преувеличенными, и все рассказы о Суворове оказывались бледнее действительности. Его слава складывалась из двух элементов: из преклонения перед его самоотвержением и из восхищения перед высоким стратегическим и тактическим талантом, приносившим ему неизменные удачи в его патриотическом служении России, продолжавшемся всю жизнь.

Началась его слава с первых же шагов боевой службы в кавалерии во время Семилетней войны, когда он командовал небольшими отрядами. Сегодня «с двумя тысячами солдат целый день задерживал Фридриха II, противоборствовал армии под королем прусским целый день, а к ночи сбил их форпосты». Завтра переплывал через Нейссе с казачьим полком и вламывался в ворота Ландсберга. Послезавтра «гнал прусский отряд штыками через весь город за прорывные ворота и мост до лагеря, где побито и взято было много в плен», причем тут (как и всегда) Суворов мчался впереди, мало затрудняясь тем, что его нога была контужена, а грудь изранена осколками картечи.

Но вот окончилась война с пруссаками, и еще не началась война с поляками. Суворов — полковник и полковой командир в Тверском, потом в Архенгело-городском, потом в Астраханском, наконец, в своем любимом, Суздальском полку. Здесь он — несравненный воспитатель солдат, вдохновляющий их на грядущие подвиги.

«Братцы! Вы — богатыри! Неприятель от вас дрожит! Вы русские!» — повторял он им.

Родина, победа, слава! Все моральное воспитание солдат сводилось к этому высокому идеалу, и чисто военная учеба, боевая подготовка в суворовских полках, а затем в суворовских армиях, при всех ее неимоверных трудностях, казалась легко переносимой. «Мне солдат дороже всего!» — говорил он, когда боролся против злоупотреблений и воровства чиновников, кравших солдатский паек.

О нем говорили с любовью, с восхищением уже после Семилетней войны, когда он умудрялся в малых чинах делать большие дела. Каждая новая большая война прибавляла новые и новые изумительные факты, поражавшие наблюдателей. Чем самостоятельнее становилась роль Суворова как военачальника и чем более явственно сказывалось и расширялось влияние Суворова как воспитателя армии, тем грандиознее вырастал образ этого поразительного человека. Он ничуть не скрывал, что требует прежде всего от себя, а затем и от своих солдат не просто хорошей службы, а постоянной готовности к подвигам.

Чтобы открыто требовать от своих войск полного забвения страха, презрения к смертельной опасности, нужно для этого иметь очень большие права. И солдаты и офицеры ежедневно и ежечасно убеждались в полной неоспоримости этих прав. Солдатам приходилось на походе, даже когда не было и не предвиделось боев, ложиться часов в 9—10 вечера, вставать в 4—5 утра, а их начальник ложился позже них, а вставал в 3, а иногда и в 2 часа ночи. Солдаты спали на соломе, если не было ничего другого, чтобы подостлать на ночь, а Суворов спал на соломе, даже когда к его услугам была удобная постель.

Солдаты питались не очень сытно и невкусно — и Суворов питался так, что офицеры или другие гости очень затруднялись воспользоваться предлагаемыми гостеприимным хозяином блюдами. Гренадеры носили грубые холщовые куртки — и Суворов носил такую же. Состоятельные дворяне — офицеры и генералы — возили с собой пахучие мыла и духи, а туалет Суворова (даже в октябре и ноябре) заключался в том, что по утрам солдат окатывал его из ведра ледяной водой.

Когда солдатам не присылали во-время зимних мундиров (так случилось и в Польше и перед переходом через Чортов мост), то и Суворов тоже отказывался надеть зимнее платье и ходил в летнем кителе, пока все его солдаты не получали, наконец, зимней одежды.

Но не только это твердое желание жить солдатской жизнью удивляло и умиляло рядовых суворовской армии. Нескончаемыми были восторженные рассказы о героизме Суворова в бою. На мысль и воображение его соратников непреодолимо действовала похожая порой на сказку боевая жизнь Суворова, которая долгие годы протекала перед их глазами.

В кровавой битве на Кинбурнской косе (1 (12) октября 1787 года) Суворова окружают турки, и его спасает от навалившихся на него трех янычар солдат Новиков. Спустя немного времени, в разгаре все того же продолжающегося боя, Суворов получает рану осколком картечи под сердце и лишается чувств. Придя в сознание, он продолжает руководить боем, тяжко страдая от раны. К ночи победа склоняется на сторону русских, а увлекшийся Суворов снова впереди и получает другую рану — в руку. Блестящий успех одержан, и тогда только израненного генерала начинают лечить.

Идет затем долгая осада Очакова. Суворов тяжело ранен в шею. Рана загрязнилась, так как в нее попал обрывок сукна. Еще не прошло воспаление, как взрывается артиллерийская лаборатория, — Суворова ранит в грудь и более легко в руки и ноги.

После взятия Очакова боевая деятельность Суворова переносится на Дунай. Здесь, и при Фокшанах и при Рымнике, Суворов, беспрестанно рискуя головой, появлялся в самых опасных местах. Но турки в эту войну — вторую, которую против них вела в царствование Екатерины Россия, — дерутся совсем не так, как в первую войну, — 1768—1784 годов.

Дело очень осложняется. Неприступен грозный Измаил, много лет укреплявшийся французскими, английскими, бельгийскими инженерами. Местность такова, что делает всякое поползновение к штурму, казалось бы, безнадежным. Императрица Екатерина и главнокомандующий Потемкин просто растерялись, потому что, пока Измаил не взят, турки и слышать не хотят о мире. А в Лондоне первый министр Питт открыто грозит объявить России войну. Надежда одна — это знает и армия и народ — Суворов. Потемкин, давно раздражаемый своенравным, непослушным, невоздержанным на язык Александром Васильевичем, пишет ему из Бендер 25 ноября (6 декабря) 1790 года то, что должно было безошибочно подействовать на решение Суворова:

«Остается предпринять, с божьей помощью, на овладение Измаилом. Извольте поспешить туда для принятия всех частей в вашу команду. Моя надежда на бога и на вашу храбрость».

Суворов спешит под Измаил и немедленно начинает готовить штурм. Он приехал 2 (13) декабря, а 11 (22) декабря, ровно через девять дней, Измаил был взят после отчаянного, кровопролитнейшего штурма.

Вокруг этого события, поразившего Европу, воспетого поэтами — Державиным в России, Байроном в Англии, — стали немедленно возникать предания, которым верила армия: до такой степени они похожи были на все, что современники Суворова о нем знали. Как известно, в разгар штурма, после того как на левом фланге командовавший там Кутузов послал адъютанта к Суворову просить подкреплений, Суворов, не дав их, приказал известить Кутузова, что назначает его комендантом Измаила. Говорили, будто уже по взятии крепости Кутузов спросил Суворова, что означал этот ответ. Суворов ответил: «Если бы Измаил не был взят, то ни меня, ни тебя сегодня в живых уже не было бы, а мертвым — не стыдно».

Вмешательство Англии в войну после Измаила стало невозможным. Турецкое сопротивление было сломлено этим страшным поражением, уничтожившим полностью лучшую из турецких армий (численностью в 42 тысячи человек), защищавших Измаил. Турция пошла на мир.

Русская военная слава широко распространялась в Европе. Имя героя, совершившего то, что признавалось всеми военными экспертами решительно немыслимым, переходило из уст в уста.

Военный гений Суворова давно уже с большим беспокойством учитывался в Париже, Лондоне, Берлине, Вене. Еще мало знали о ранних подвигах Суворова в Семилетнюю войну, но его победы над польскими, очень храбро сражавшимися войсками Барской конфедерации и над полковником Дюмурье, прибывшим из Франции и руководившим этими войсками, затем действия Суворова против турок в первую турецкую войну на Кубани и в Крыму, победы во вторую турецкую войну на Кинбурнской косе, под Фокшанами и Рымником — все это еще задолго до Измаила живейшим образом интересовало и тревожило зарубежных дипломатов и генералов.

Но ничто не произвело все же такого колоссального впечатления, как взятие Измаила. Было одно лишь «успокоительное» соображение: на седьмом десятке жизни самые талантливые полководцы обыкновенно кончают, а не продолжают свою военную деятельность.

Однако эта надежда противников России оказалась тщетной. Свой седьмой десяток Суворов начал взятием Измаила, продолжил штурмом Праги-варшавской, а кончил разгромом французских войск в Северной Италии и сказочным переходом через Чортов мост.

⁂

Как стратег и тактик Суворов шел по совершенно новым для тогдашней Европы путям и в своих новаторских и реформаторских достижениях в очень многом предвосхитил тактику и стратегию французской буржуазной революции и Наполеона. Но именно поэтому ему неоднократно приходилось вступать в острые столкновения с царившей в его время рутиной. Из современников его понимал и поддерживал в сущности один только Румянцев. Генералитет, где подавляющее большин-

ство составляли немцы, благоговевшие перед Фридрихом II, неоднократно норовил отдать Суворова под военный суд за неповиновение прямым приказам высшего начальства. Жестоко ссорился с Суворовым, например, генерал Веймарн в 1771 году, когда Суворов ослушался его прямого приказа и именно вследствие этого ослушания наголову разгромил врага. Жаловались на него и другие начальники, но Екатерина, хотя она и недолюбливала Суворова за его резкие выходки и дерзости, все же на все предложения наказать Суворова неизменно отвечала: «Победителя не судят».

В военном искусстве Суворов был отчасти продолжателем гениальных новшеств, внесенных Петром I, отчасти сам обогатил русскую национальную стратегию и тактику новыми достижениями. Стремительными действиями, чего бы это ни стоило, захватить инициативу в свои руки, не только не смущаться численным превосходством неприятеля, но, напротив, пользоваться тем, что неприятель, полагаясь на свой перевес в силах, не ждет удара, и затем «не взирать на труды, преследовать неприятеля денно и нощно до тех пор пока истреблен будет» — вот заветы Суворова. И одно из важнейших дел: «побивши неприятеля — гони его до истребления».

Суворов при этом решительно отличал цели стратегические от целей тактических: бывают случаи, когда перевес врага слишком уж велик. Так бывало, например, в итальянскую кампанию, где близкий тыл давал французам большие преимущества. Тогда Суворов начинал маневрировать, отходить и вновь приближаться, пока не заманивал неприятеля на выгодную для русских позицию, и здесь внезапным ударом обрушивался на него, заставив его предварительно разделить свои силы. Прекрасно умел он и делать обходы неприятеля, крепко памятуя при этом, что обход — маневр обоюдоострый, так как неприятель при малейшей оплошности может обойти тебя самого. На первом месте для него всегда был вопрос времени. Счастье дается только тому полководцу, который умеет «быстро схватить фортуну за власы», когда она быстро пролетает мимо. А она летает очень быстро: «молнийно»!

А из этого основного требования логически вытекало многое другое. И полководец и армия должны постоянно учиться и готовиться к тем решающим моментам в войне, когда потребуется «делать невозможное»: «Делай на войне то, что противник почитает за невозможное». И Суворов очень часто молниеносным натиском опрокидывал врага, который проигрывал бой именно потому, что не понимал, что для Суворова и для воспитанных им русских солдат «нет невозможного».

Суворов, один из образованнейших людей екатерининского времени, читавший книги и периодические издания на нескольких языках, решительно отверг принципы, порядки, навыки современной ему западноевропейской военной школы, поклонявшейся Фридриху II.

Но нигде русский гений не обнаружил себя настолько самобытным, как в установлении основного суворовского правила: каждый солдат должен **знать** смысл маневра, в котором он принимает участие; младшие начальники должны ему это разъяснять. Русский солдат не машина, а «чудо-богатырь», которого готовят к подвигам. Результаты были налицо.

Сравните беспредельное обожание, которое окружало Суворова в солдатской массе, с положением Фридриха II, который в минуту откровенности сказал своим генералам: «Самое для меня удивительное и непонятное — это как нас с вами солдаты не убивают в лагере».

* * *

Умерла Екатерина, и отношения Суворова со двором не улучшились, а сильно ухудшились. Суворов терпеть не мог императора Павла, ненавидел немецкие порядки и прусскую муштру, которую вводил Павел в армии, и не пропускал случая обнаружить истинные свои чувства. Он был сослан в деревню под надзор полиции. Но наступил 1798 год, и в конце его Австрия, перед лицом грозной опасности со стороны французской республики, обратилась к Павлу с просьбой не только о военной помощи, но и о том, чтобы во главе союзной русско-австрийской армии был поставлен непременно «вечный счастливец» Суворов.

В феврале 1799 года Суворов получил назначение и вскоре выехал в Вену, чтобы принять на себя командование австрийскими войсками, которые должны были соединиться с русскими, шедшими на помощь.

Отношения между победоносным корифеем чисто русского, вполне национального военного искусства и представителями затхлой немецкой рутины, безраздельно царившей в Австрии, с самого начала стали натянутыми. Да и суворовская, всегда победоносная армия нисколько не походила на австрийское «союзное» воинство.

Всем своим тонким и проникновенным разумом Суворов понимал русского солдата и всем своим сердцем, до которого столько раз подбиралась, и однажды чуть не добралась, неприятельская картечь, он любил своих «чудо-богатырей». Ставя русскую армию безусловно выше всех других, Суворов охотно отдавал должное воинской доблести всюду, где ее усматривал. Польскому партизану Пулавскому он однажды послал в подарок фарфоровую табакерку, хваля его за один хорошо задуманный маневр, исполненный против него же, Суворова.

Приходилось ему хвалить за храбрость и поляков, и турок, и французов. Но австрийцев хвалить за что бы то ни было ему не случалось решительно никогда в жизни. За австрийцами Суворов признавал лишь «привычку битыми быть». А он совсем не ценил эту привычку в военных людях. Вот почему не следует удивляться поведению примчавшегося в Вену Суворова по отношению к союзникам.

Император Франц милостиво вручил великому русскому полководцу составленный в общих чертах план («начертание») предстоящей кампании. Суворов, очень почтительно беседуя с австрийским монархом о разных предметах, не выпускал из рук это «начертание» и незаметно, как бы увлекшись беседой, все время рвал бумагу на мелкие кусочки, завершив эту операцию к концу аудиенции. Таков был дебют Суворова при венском дворе.

Конечно, дело этим кончиться не могло. Придворный военный совет (гофкригсрат) настоятельно просил Суворова пожаловать на совещание по выработке подробного плана предстоящей кампании. Суворов не пошел. Совет выработал план и послал его Суворову на дом. Суворов перечеркнул все листы документа крестообразно, сверху донизу, и, ограничив этим свою работу, возвратил план в таком виде авторам. Они потом долго мстили Суворову, вмешиваясь в его действия, задерживая доставку провианта войскам, клевеща на главнокомандующего.

Началась навеки славная итальянская кампания 1799 года. Суворов еще в 1796 году, издалека следя за действиями молодого Бонапарта, завоевывавшего Италию, говорил с беспокойством: «Далеко шагает, пора унять молодца!»

Обоим знаменитым стратегам так и не удалось встретиться на поле брани: в 1799 году Бонапарт уже завоевывал Египет. Но зато Суворову своими блестящими победами над французскими очень талантливыми генералами Жубером, Макдональдом, Моро скоро удалось свести к нулю все плоды прежних бонапартовских завоеваний в Италии и изгнать французов, сидевших там с 1796—1797 годов, очень, казалось, прочно.

Заметим, что когда впоследствии, в ноябре 1799 года, вернувшийся из Египта Наполеон низверг французское правительство (Директорию), то он прямо признал, что Суворов отнял у Франции все завоевания 1796—1797 годов. Но сколько тревог, опасностей, затруднений пришлось пережить Суворову, одерживая одну за другой эти грандиозные победы над храбрыми французскими войсками и их талантливыми начальниками! Французские войска были храбрее всех других войск, к р о м е р у с с к и х. Французские генералы были талантливее всех других, к р о м е р у с с к и х, кроме Суворова, его учеников Кутузова, Багратиона и других воспитанников его школы. Но больше всего ненависть и ярость Суворова возбуждали не открытые враги — французы, — а тайные — австрийские «союзники», мешавшие на каждом шагу.

Особенно возмущал фельдмаршала австрийский министр (он же председатель придворного военного совета) Тугут, которого Суворов называл совой, предателем «коварным» и человеком «несмысленным». Суворов все не мог решить вопроса о Тугуте: «Сия сова не с ума ли сошла или никогда его не имела?» И он в бумагах, которые могли попасть (и попадали) в Вену, задавал всем этот заинтересовавший его вопрос... «Повеления, поминутно присылаемые из Гофкригсрата расстраивают мне здоровье», — писал фельдмаршал.

Портились постепенно отношения не только Суворова с австрийскими генералами и министрами, но и Павла с Австрией и Англией. Суворовский план похода на Ривьеру был австрийцами отвергнут. Нужно было идти из Италии в Швейцарию через Альпы, вслед за полетом горных орлов. Старый русский орел не колебался. Начался заключительный этап славного итальянского похода. В конце сентября в Альпах стояла стужа. Перед русскими был Сен-Готард, защищаемый сильной колонной французов. Суворов велел штурмовать гору фронтальной атакой. После трех отчаянных попыток русские Сен-Готард взяли. Но это было лишь началом. Французы, выбитые и отошедшие от Сен-Готарда, получив подкрепление, снова загородили дорогу.

Перед русскими оказался естественный каменный мост — прямо над оглушительно воющим, ниспадающим с крутых высот водопадом. Те, кто знал о существовании этого моста, назвали его давно Чортовым мостом. Казалось, неизбежная смерть ждала людей, которые отважатся пройти по нему. Французы хоть и много ждали от Суворова и его солдат — атака в лоб Сен-Готарда лишний раз еще накануне напомнила им о том, кто такой стоит перед ними, — но перехода через Чортов мост, через эту висящую над бездной арку, где местами пройти враз двум конным, а кое-где и пешим было невозможно, — этого даже и от суворовских солдат не ждали. Но русские пошли — и прошли.

Тогда французы стали разрушать и выбрасывать камни у спуска с моста. Русские, осыпаемые пулями неприятеля, притащили несколько бревен, связали их шарфами и чем попало — и перешли... Близ этого места стоит памятник Суворову, напоминающий о невероятном деле, совершенном русским полководцем и русскими людьми.

Путь в Швейцарию был открыт. Из Швейцарии Суворов согласно повелению Павла повел армию в Россию: Павел решил выйти из антифранцузской коалиции. Суворова царь произвел в генералиссимусы. Суворов возвратился больной и скончался вскоре после возвращения. И мемуаристы, наблюдавшие его при жизни, и историки, и биографы, писавшие о нем, неоднократно выражали недоумение: как мог он, слабый физически, хилый, часто и тяжело болевший, прожить до семидесяти лет, ведя такую жизнь, какую он вел? Необъятная нервная мощь, внутренний огонь, всегда в нем пламеневший, бодрый дух, поддерживавший «немощную плоть», могучая сила идеи служения Родине, неслыханная энергия, полнейшее презрение к опасности — все это нужно постоянно вспоминать, когда мы думаем о жизни этого исключительного человека и когда мы хотим уразуметь, как этот высохший, худой старик со своими всегда молодыми, восторженными, полными веселья глазами, даже на портретах куда-то как будто устремляющийся, весь в каком-то увлекающем его вперед и вперед порыве, мог и прожить так долго и совершить так много.

Его не очень любила Екатерина, его совсем не любил полусумасшедший Павел, успевший отравить ему, тяжко больному, последние дни внезапной новой, нелепой своей «немилостью». Но народная память отнеслась к Суворову иначе. Россия давно признала его одним из своих великих военных героев. Но только советская власть воздала ему по заслугам. В наше время орден его имени — одна из высших наград, какие дает Советский Союз за исключительные военные заслуги. К советам и указаниям великого автора «Науки побеждать» с серьезным вниманием относятся те, кто неустанно работает над боевым воспитанием Советской Армии. Вся Советская страна отмечает 150-летнюю годовщину со дня смерти великого сына русского народа Александра Васильевича Суворова и свято чтит его память.

Суворов для нас не только непреходящая слава, но и живая современность.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ А. В. СУВОРОВА

Александр Васильевич Суворов.
Портрет В. А. Серова.

За более чем 50-летнюю полководческую деятельность А. В. Суворова накопилось огромное количество документальных материалов. Это приказы, распоряжения, рапорты, донесения, инструкции, планы, диспозиции, реляции, журналы военных действий.

Умея блестяще реализовать в боевой обстановке свои стратегические и тактические принципы, Суворов, к сожалению, не успел свести их воедино. Многие его ценнейшие высказывания можно найти в документах Государственных архивов Союза ССР, где они были собраны после Великой Октябрьской социалистической революции. Центральный государственный военно-исторический архив СССР также хранит многие тысячи подлинных документов и автографов А. В. Суворова, представляющих национальное достояние советского народа. Военному искусству Суворова посвящены многочисленные труды советских ученых. Проведена значительная работа по изучению и публикации документального наследства Суворова. Сейчас готовится к печати многотомный сборник, куда войдет до 3 тысяч документов, издается опись документальных материалов именного фонда Суворова.

В процессе работы над сборником и описью обнаружено много до сих пор неизвестных или малоизвестных документов. Некоторые из них публикуются ниже.

1778 г. июля 14.— Письмо А. В. Суворова капитану паше Газы Гассану и Гаджи Али-паше об их неосновательных претензиях, угрожающих нарушением мира.

После заключения с Турцией Кучук-Кайнарджийского договора (1774 год) Крым был объявлен независимым от Турции. Для поддержки крымского хана Шагин-Гирея, симпатизировавшего России, осенью 1776 года в Крым были введены войска генерала Прозоровского. Помощником командующего Крымским корпусом, а позже командующим Крымским и Кубанским корпусами был назначен А. В. Суворов.

Приводимый ниже документ — доказательство того, что многочисленные угрозы и попытки турок овладеть Крымским полуостровом не могли сломить силы и решимость Суворова. Этот документ показывает Суворова не только как великого полководца, но и как умелого и гибкого политика и дипломата. Не прибегая к оружию, Суворов менее чем за год вынудил турок убраться из Крыма, укрепив тем самым положение России в Крыму.

Письмо от вас, через нарочного присланное, здесь получено [1] и в рассуждении странной претензии, тщеславных угроз и неприязненного злословия в нем израженных, отнесено к вышшему месту [2]. Что ж до меня, то я не позволяю себе верить, чтоб Блистательной Порты флот мог быть когда-либо у крымских и до области татарской всех принадлежащих берегов. Особливо в нынешнее время, когда Крым пользуется совершенным спокойствием и когда Блистательная Порта неоднократно утверждала, чтоб в татарские дела не мешатца, предоставляя все в нем на собственную волю сего народа как независимого! Впротчем, таковое ваше предприятие иначе принято быть не может, как точным разрушением с стороны вашей мира, а потому и имею я долг употребить все меры к защищению вольности и независимости сих народов. В знак дружеского упреждения не хочу верить, чтоб оное письмо к предместнику моему господину генерал-порутчику и кавалеру князю Прозоровскому точно от вас писано, ибо особам на таком степени, на каковом вы, не точию обязательствы своего государя, но всякую благопристойность и вежливость свято хранить должно. Выражении же в нем касательно кораблей российских, плавающих в море, омывающем часть границ наших и дружеской ни от кого зависимой области татарской, суть явной вид неприязни, обнаруживающий оную. Следовательно, право я имею встретить при божьей помощи сильною рукою стремлении толь неправедно разрушить освященной мир по одним прихотям ищущих и за все из того последствие, как и за начало, пред богом, государем и пред целым светом по всей справедливости падет ответ на вас.

[1] К документу приложен перевод письма капитан-паши Газы Гассана и Гаджи Али-паши А. А. Прозоровскому о запрещении плавания по Черному морю, вдоль крымских берегов, русским военным кораблям и с предупреждением, что в случае появления русских кораблей, они будут обстрелены и потоплены.

[2] П. А. Румянцеву.

1787 г. октября 1.— Из реляции А. В. Суворова Г. А. Потемкину о сражении при Кинбурне.

После присоединения в 1783 году Крыма к России военно-политическая обстановка на Юге оказалась весьма напряженной. Оборона важнейшего района Юга — Херсоно-Кинбурнского — была поручена Суворову, командовавшему 3-ей дивизией Екатеринославской армии.

В приводимом документе дана высокая оценка храбрости и мужества русских воинов.

...Позвольте, светлейший князь, донесть: и в нижнем звании бывают герои. Неприятельское корабельное войско, какого я лутче у них не видал, преследовало наших с полным духом; я бился в передних рядах Шлиссельбургского полку; гранодер Степан Новиков, на которого уже сабля взнесена была в близости моей, обратился на своего противника, умертвил его штыком, другого, за ним следующего, застрелил и, бросаясь на третьего — они побежали назад. Следуя храброму примеру Новикова, часть наших погналась за неприятелем на штыках, особливо военными увещеваниями остановил задние ряды сержант Рыловников, которой потом убит. Наш фронт баталии паки справился; мы вступили в сражение и выгнали неприятеля из нескольких ложементов.

Сие было около 6-ти часов пополудни.

Галера «Десна», лейтенант(а) Ломбард(а), наступила на левое крыло неприятельского флота, сбила несколько судов с места; крепостная артиллерия исправностию артиллерии капитана Крупенникова потопила у неприятеля два канонирных судна...

...Орлова полку казак Ефим Турченков, видя турками отвозимую нашу пушку, при ней одного из них сколол и с последуемым за ним казаком Нестером Рекуновым скололи четырех. Казаки сломили варваров. Солнце было низко! Я обновил третий раз сражение.

С отличным мужеством легкой баталион муромских солдат под предводительством капитана Калантаева (которой ранен пулею и картечью), Шлиссельбургские и Орловская роты на неприятеля наступили: секундированье легкоконными и обретающимися в действии казачьими полками — варвары в их 15-ти окопах держались слабо. Уже была ночь, как они из них всех выбиты были, опровержены на угол косы, которой мы одержали; тут вдоль нас стреляли из неприятельского флота паче картечами и частью каркасами и пробивали наши фланги. Оставалась узкая стрелка косы до мыса сажен сто, мы бросили неприятеля в воду за его эстакад. Артиллерия наша, руководствам капрала Михайлы Борисова Шлиссельбургского полку, его картечами нещетно перестреляла. Ротмистр Шуханов с легкоконными вел свои атаки по кучам неприятельских трупов,— все орудия у него отбил. Победа совершенная! Поздравляю вашу светлость. Флот неприятельской умолк. Незадолго пред полуночью мы дело кончили и пред тем я был ранен в левую руку навылет пулею. По объявлению пленных было варваров 5.000 отборных морских солдат, из них около 500 спастись могло. В покорности моей 14 их знамен пред вашу светлость представляю.

Генерал Александр СУВОРОВ

1790 г. декабря 7.— Обращение А. В. Суворова к измаильским властям с требованием сдачи города [*]

После разгрома Суворовым турецкой армии на реке Рымник, в сентябре 1789 года, турецкое командование отвело свои основные силы за Дунай, а остальные войска были расположены в крепостях, главным образом в Измаиле. Суворов был назначен командующим войсками, осаждающими Измаил, куда и прибыл 2 декабря 1790 года. Суворов начал энергично готовиться к штурму крепости. Уже через 5 дней после своего прибытия под Измаил он послал приводимое ниже обращение к измаильским властям с требованием сдать город. Но комендант крепости Айдос Махмед не выполнил требования Суворова. 11 декабря 1790 года Измаил был взят штурмом.

Превосходительному господину сераскиру Мегамет-паше Айдозле, командующему в Измаиле; почтенным султанам и прочим пашам и всем чиновникам.

Приступая к осаде и штурму Измаила российскими войсками, в знатном числе состоящими, но соблюдая долг человечества, дабы отвратить кровопролитие и жестокость при том бываемую, даю знать чрез сие вашему превосходительству и почтенным султанам и требую отдачи города без сопротивления. Тут будут показаны всевозможные способы к выгодам вашим и всех жителей, о чем и ожидаю от сего чрез двадцать четыре часа решительного от вас уведомления к восприятию мне действий. В противном же случае поздно будет пособить человечеству, когда не могут быть пощажены не только никто, но и самые женщины и невинные младенцы от раздраженного воинства, и за то никто, как вы и все чиновники пред богом ответ дать должны.

[*] В деле имеется также черновая записка Суворова, обращенная к измаильскому сераскиру, следующего содержания:

«Сераскиру, старшинам и всему обществу. Я с войском сюда прибыл. 24 часа на размышление для сдачи и воля: первые мои выстрелы уже неволя, штурм — смерть, чего оставляю вам на рассмотрение».

Эта записка, написанная рукой адъютанта Суворова, в оригинале перечеркнута.

1799 г. июня 10. — Сообщение А. В. Суворова эрцгерцогу Карлу о сражении на реке Треббии.

Образовавшаяся в конце 1798 года для борьбы против буржуазно-республиканской Франции коалиция, в состав которой входили Англия, Россия, Австрия, Турция и Неаполь, не справлялась с противником. Союзники просили Павла I срочно выслать русские войска во главе с Суворовым в Италию, на помощь австрийской армии.

После долгого пребывания в опале и ссылке в селе Кончанском Суворов снова стал во главе русской армии.

Итальянский и Швейцарский походы показывают, что это была вершина военного искусства Суворова, которому тогда было почти 70 лет.

Приводимые ниже два документа отражают наиболее блестящие победы Суворова на реке Треббии и при Нови.

Лагерь у Нурм, подножье горы под Пармой.

Хотя мы и побили врага довольно чувствительно 17-го и 18-го числа, он 19-го[1] отважился добиваться связи с генералом Моро. Это сражение было самым жарким; вся река Треббия была в огне, и только высокая храбрость нашей армии могла победить противника, дравшегося с отчаянным сопротивлением.

Тем чувствительней были значительные потери неприятеля: мы отобрали его артиллерию, знамена, взяли пленных и побили его наголову с такой силой, что он оставил много сотен убитыми и ранеными на поле боя и в ночь на 20-е начал двумя колоннами свое отступление.

Мы преследовали его на таком близком расстоянии, что уже в Сен-Джорджио гнали по пятам, а когда он попытался восстановить свое положение силами своей гвардии, то нападение на него было совершено с такой решительностью, что у него снова были отобраны: 1 пушка, 1 гаубица и в плен взята половина бригады, т. е. около одной тысячи человек вместе с командующим и всеми офицерами.

В Пиаченце, где противника принудили к быстрому отступлению, он оставил 4000 раненых, среди которых были дивизионные генералы — Руска и Оливье, бригадные генералы — Сальме и Камбра.

Благодаря этому счастливому сражению и быстрому преследованию врага, к нам в руки попало затем до 6 генералов и все штабные и высшие офицеры, 8000 пленных, 9 гаубиц, 4 пушки, 6 знамен и один штандарт.

Сегодня я снова следую за неприятелем, не дам ему ни покоя, ни возможности уйти частями или получить сведения из Мантуи. Затем оставлю один корпус между Пармой и Моденой, а остаток армии с войсками генералов Бельгарда и Гадика выставлю в Нови, между Скривией и Карнелой для блокирования Тортоны и осады Александрии.

[1] В тексте документа даты даны по новому стилю.

1799 г. августа 11. — Письмо А. В. Суворова Ф. Ф. Ушакову о сражении при Нови.

Асти

Милостивый государь мой Федор Федорович!

Я спешу сообщить вашему превосходительству о сильном поражении неприятеля. 4/15 сего месяца показался он на хребтах гор около Нови, состоявшей в 37 000 человеках и выстроился в боевой порядок, имея с левой стороны за собою Гавию, а правым крылом простирался к Серавалле. В таком положении был он атакован, совершенно разбит и обращен в бегство. Урон его простирается, по признанию самих французов, до 20 000 человек. На месте убито свыше 6000 человек, в том числе и командовавший армиею генерал Жуберт, дивизионный генерал Ватрант и бри(гадный) г(енерал) Гаро; в плен взято 4 генерала: генерал-аншеф Периниан, дивизионный генерал Груши и Колли; бригадный генерал Бартоло, а штаб, обер-офицеров и рядовых близ 5000; разбежалось за 4000 человек; пушек отбито 39, с порохом ящиков 48.

Пребуду навсегда с совершенным почтением, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейший слуга. —

НА СНИМКАХ (слева направо):

1. Пушка, захваченная войсками Суворова в сражении при Нови в 1799 году. (Хранится в Артиллерийском историческом музее в Ленинграде.)

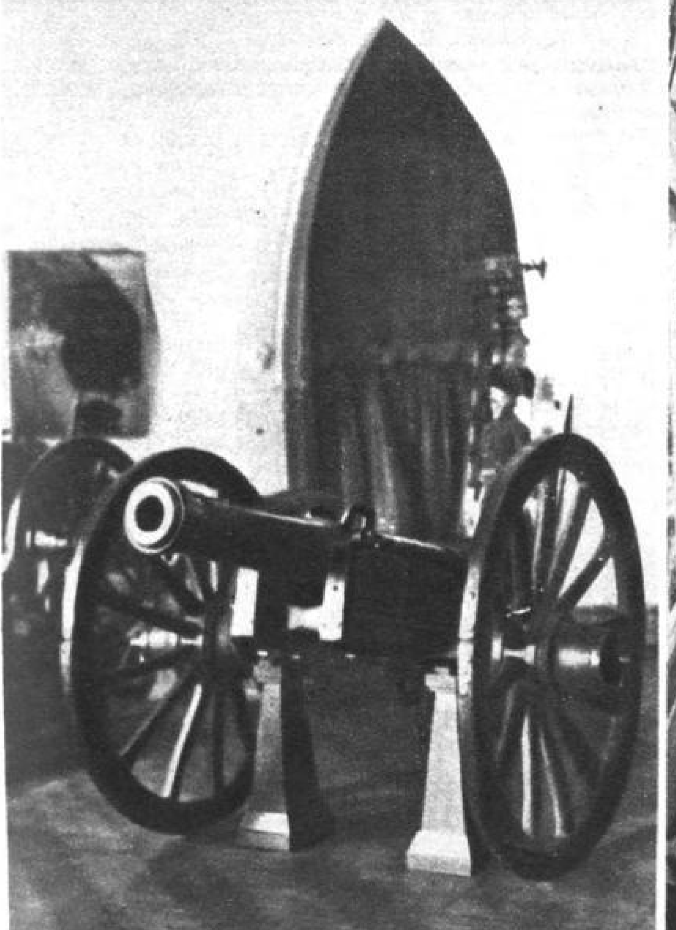
Фото Н. Янова (ТАСС)

2. Экскурсанты в одном из залов Измаильского исторического музея А. В. Суворова. На переднем плане — трофейное турецкое и французское оружие.

Фото А. Фатеева (ТАСС)

3. Старший научный сотрудник отдела военной истории Артиллерийского исторического музея в Ленинграде, полковник Т. Н. Воробьев показывает экскурсантам ключи от крепости Измаил, взятой Суворовым в 1790 году.

Фото Д. Трахтенберга

Слово Суворова

Рисунки В. Высоцкого

Живое слово было могучим военно-воспитательным средством Суворова.

Каждое учение, каждый смотр Суворов завершал речью; в ней он образно и доступно излагал солдатам основные правила своей науки побеждать.

Он любил эти «разговоры с солдатами их языком», когда лошади его некуда было двинуться: до того тесным кольцом обступали его суворовцы. Голос его не был ни громок, ни звучен, но могли ли пропасть даром слова Суворова?! Те, кто стояли в передних рядах, ловили их и передавали товарищам. И Суворов знал: его слова слышит вся армия.

Схваченные на слух, на лету, наставления «нашего» Суворова задерживались и повторялись неграмотной солдатской массой. Его поучения были понятны всем. Его речи были облечены в красочную, доходчивую форму и легко запечатлевались в памяти.

Великий полководец был в то же время и великим чародеем слова. Суворовские чудо-богатыри за счастье почитали, когда он заговаривал с ними «по-своему». Он умел одним словом зажечь солдатское сердце.

В солдате Суворов выше всего ценил человека и воспитывал в нем не только боевые, но и человеческие качества. Он хотел, чтобы человек стал достоин почетного звания — солдат, а солдат — не менее высокого звания — человек.

«Без добродетели нет ни славы, ни чести» — таково было убеждение Суворова. Он добивался, чтобы эта мысль глубоко проникла в сознание каждого воина — от рядового до генерала.

Язык Суворова — это язык начальника, кровно связанного с солдатской массой, а через нее — с родным народом. Из вековой сокровищницы народной мудрости брал он сверкающие самородки пословиц и поговорок, в свою очередь обогащая эту сокровищницу чистым золотом «суворовских» изречений.

А. В. Суворов часто и охотно прибегал к афоризмам, как к доходчивой форме воздействия на солдатское воображение и на солдатскую память. Ими пересыпана его «Наука побеждать», ими уснащены его приказы и письма, ими пестрела его живая речь. Крылатые слова Суворова перелетали из уст в уста, а с ними вместе передавались и усваивались суворовские заветы.

Афоризмы Суворова — плод богатейшего боевого и жизненного опыта. В них сказался не только Суворов-полководец, но и Суворов-мудрец, наследник и хранитель лучших национальных традиций русского народа.

Содержание суворовских афоризмов разнообразно. Служение родине, уверенность в несокрушимости русского оружия, основы военной службы и военного искусства, неразрывность нравственных и боевых качеств воина, значение военных знаний, выручка в бою, непримиримость к сопротивляющемуся противнику, стремление к высоким подвигам — вот далеко не полный перечень тем суворовских афоризмов.

Заветы гениального полководца не стареют.

К. ПИГАРЕВ

За ученого трех неученых дают: нам мало трех, давай нам шесть; нам мало шести, давай нам десять на одного; всех побьем, повалим, в полон возьмем.

Три воинские искусства: первое — глазомер, второе — быстрота, третье — натиск.

Никогда самолюбие, чаще всего порождаемое мгновенным порывом, не управляло моими действиями, и я забывал себя, когда дело шло о пользе отечества.

Доброе имя должно быть у каждого честного человека; лично я видел это доброе имя в славе своего отечества: мои успехи имели исключительной целью его благоденствие.

Без добродетели нет ни славы, ни чести.

Возьми себе в образец героя древних времен, наблюдай его, иди за ним вслед; поровняйся, обгони, — слава тебе!

Горжусь, что я русский!

От храброго российского гренадера.. никакое войско в свете устоять не может.

Оттеснен враг — неудача, отрезан, окружен, рассеян — удача.

Победителю прилично великодушие.

С пленными поступать человеколюбиво и стыдиться варварства.

Вся земля не стоит даже одной капли бесполезно пролитой крови.

Мне солдат дороже себя.

Моя тактика: отважность, храбрость, проницательность, прозорливость, порядок, мера, правило, глазомер, быстрота, натиск, человечность, мир, забвение.

Одна минута решает исход баталии, один час — успех кампании, один день — судьбы империи. Я действую не часами, а минутами.

Приучайся к неутомимой деятельности.

Где проходит олень, там пройдет и солдат.

Никогда не презирай своего неприятеля, каков бы он ни был; знай хорошенько его оружие и способы обращения с ним; знай, в чем сила и в чем слабость врага.

Люби истинную славу.

Тщетно двигнется на Россию вся Европа: она найдет там Фермопилы, Леонида[1] и свой гроб.

Русак не трусак.

У нас, русских, нет тыла.

Покажи на деле, что ты русский!

Крепость сильна, гарнизон — целая армия, но ничто не устоит против русского оружия — мы сильны и уверены в себе.

Субординация, экзерциция, дисциплина, чистота, опрятность, здоровье, бодрость, смелость, храбрость, победа, слава, слава, слава!

Субординация или послушание — мать дисциплины или военному искусству.

Дисциплина — мать победы.

Лучше голова долой, нежели что ни есть утратить моей чести; смертями пятьюстами научился смерти не бояться.

Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, только тщетны они, ежели не будут истекать от искусства, которое возрастает от испытаний, при внушениях и затверждениях каждому должности его.

Каждый воин должен понимать свой маневр.

Тяжело в ученье — легко в походе, легко в ученье — тяжело в походе.

[1] Леонид — царь спартанский, павший в бою, защищая в 480 г. до н. э. Фермопильское ущелье от наступавших персов.

Сам погибай, а товарища выручай.

Храни в памяти имена великих людей и в своих походах и действиях с благоразумием следуй их примеру.

Жалко подражание, похвально соревнование. Подражание есть признание в недостатке собственных своих способностей; соревнование — порыв благородной души, которая хочет выказать оспариваемое у нее преимущество.

Я люблю правду без украшениев.

Дарование в человеке есть бриллиант в коре. Отыскав его, надобно тотчас очистить и показать его блеск.

Загребающий жар чужими руками после их пережжет.

Милосердие покрывает строгость. При строгости надобна милость, иначе строгость — тиранство.

Истинная слава не может быть отыскана; она проистекает из самопожертвования на пользу блага общего.

ПОПРЕЖНЕМУ РЯДОМ

В. ВИКТОРОВ

Герой Советского Союза подполковник Дмитрий Степанович Ковешников.

Подполковник Дмитрий Степанович Ковешников поднимался с этажа на этаж по широкой лестнице Академии имени Фрунзе, разглядывая таблички на бесчисленных дверях аудиторий. Теперь, когда последние формальности были завершены, ему, новому слушателю Академии, оставалось только узнать расписание лекций на утро.

Но у доски, где висело курсовое расписание, скопилось столько слушателей, что разглядеть можно было лишь бронзовый бюст Суворова. Полководец не то улыбался, не то хмурился, и тонкий его профиль четко вырисовывался на фоне белой стены.

Что поразило подполковника Ковешникова в этом соседстве Суворова с молчаливой и внимательно читающей группой офицеров? Где-то он уже видел нечто подобное.

И он вспомнил июльский знойный день 1942 года под Туапсе, где располагалась на отдых его часть, и только что полученную газету, над которой склонилась большая группа однополчан. Там, в газете, рядом со сводкой Информбюро, сообщавшей об ожесточенных боях в районе Воронежа, Цымлянской, Батайска, Клецкой, было напечатано изображение ордена Суворова и Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении военных орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского. Офицеры, склонившиеся над газетным листом, обсуждали статут ордена Суворова, которым могли быть награждены командиры Красной Армии, отличившиеся в деле управления войсками, в умелой организации боевых операций, и каждый из офицеров втайне мечтал стать именно таким командиром.

С того самого дня облик Суворова стал для Ковешникова, для его фронтовых товарищей, для всей армии воплощением спокойствия и уверенности. А вскоре Ковешников и его товарищи-однополчане смогли на деле испытать свои силы, свое воинское уменье. 11 сентября сводка Советского Информбюро сообщила, что идут бои в районе Новороссийска, и через четыре дня часть Дмитрия Ковешникова уже контратаковала отборные вражеские подразделения на окраине города и выбивала их из цехов цементного завода «Красный Октябрь».

С того дня Дмитрий Ковешников надолго связал свою судьбу с большим южным городом, раскинувшимся на берегу глубокой морской бухты.

Часть, в которой он воевал, занимала место на левом фланге огромного фронта, протянувшегося от Баренцова до Черного моря.

Укрепившись на цементном заводе, она контролировала Новороссийскую бухту и лишала врагов возможности использовать гавань. Она также преграждала движение немецких частей к Туапсе и дальше на Кавказ. Вот почему немцы, не жалея сил, яростно пытались смять, стереть в порошок наши позиции. Битва не затихала ни днем, ни ночью, вражеские атаки шли непрерывно, и во время одной из них Дмитрий Ковешников был тяжело ранен... Только в декабре вернулся он к себе в часть с новым назначением — на пост начальника штаба.

Все ему здесь казалось родным, как могут быть родными места, где прольешь свою кровь...

Близилась годовщина обороны «Красного Октября», и «домоседы», как называли себя старожилы-новороссийцы, собирались уже отмечать эту знаменательную дату, но десятого сентября был получен приказ — передать позиции новой части и сосредоточиться под Геленджиком.

Командира части подполковника Каданчика и его начальника штаба майора Ковешникова вызвали в штаб фронта. Там им вручили боевое задание...

Только те, кто знали, чего стоил шаг вперед, один только шаг по этой изрытой окопами, начиненной минами новороссийской земле, могли оценить истинный смысл приказа: погрузиться на суда, с ходу ворваться в Новороссийскую бухту и высадиться на побережье, в двух километрах от линии фронта, с целью захватить укрепленный вражеский пункт на цементном заводе «Пролетарий».

Это была дерзкая операция головокружительной смелости, и Ковешникову, как начальнику штаба, предстояло разработать ее до мельчайших деталей...

Темной сентябрьской ночью отряд сторожевых катеров вышел в море, имея на борту стрелковый полк.

Дмитрий Ковешников шел на первом катере, с головным отрядом.

Было темно, тихо, только вода шипела за бортом. И вдруг море разом озарилось безжизненным светом осветительных ракет.

По плану операции командир сторожевых катеров должен был торпедировать боны, преграждающие вход в бухту; теперь на это не оставалось времени. Вокруг рвались снаряды, вздымались столбы воды. И передовые катеры, развив полную скорость, промчались мимо мола и влетели в бухту.

Где-то справа в яростных отблесках артподготовки лежала линия фронта и видны были знакомые корпуса «Красного Октября».

Почувствовав под ногами испытанно прочную землю, пусть даже начиненную вражескими минами и оплетенную проволокой, Ковешников вспомнил слова лихого морского командира Григория Гнатенко, доставившего его сюда: «На берег подброшу, а там уж ваша работа». Да, теперь начиналась его работа. Нужен был немедленный бросок вперед, в глубь вражеской обороны, пока десантников не изрезали кинжальным огнем, не сбросили назад, в море.

При свете горевшего в бухте катера Ковешников отдавал приказания командирам:

— Рота автоматчиков, вперед, вдоль берега! Батальон, прямо, на штурм цементного завода!..

Третий удар надо было направить к линии фронта, на соединение с нашими частями, но на это не хватило людей. Бой уже разгорался в цехах «Пролетария», а связи с артиллерией установить не удавалось: рации, промокшие в море, вышли из строя.

Ковешников не знал судьбы остальных катеров: удалось ли им прорваться в бухту? Кто ему мог ответить на этот вопрос в огневой сутолоке ночного боя!

К рассвету стало ясно, что другие катеры не прорвались, что десантники, высадившиеся с Ковешниковым, отрезаны от основных сил на пятачке, глубиной в пятьсот метров, что надо хоть как-нибудь обозначить свою территорию, иначе попадешь под огонь своих же батарей. И Ковешников отдал приказ:

— Вывесить красные флаги!

Над разбитыми зданиями цехов, над накатами блиндажей поднялись красные полотнища. Трепещущий в воздухе красный пунктир флагов хорошо был виден оттуда, с линии фронта. Но видели его и враги.

В течение всего дня — бесконечно длинного, беспощадного дня — атака следовала за атакой, а Ковешников в это время оттягивал к своему командному пункту лучших автоматчиков и готовил их к решающему броску на соединение с нашими частями.

Ночью горсточка бойцов перешла от обороны к наступлению. И когда на рассвете атакующим удалось приблизиться к самой линии фронта, в бухту прорвались наконец остальные корабли.

В тот день Дмитрий Ковешников был представлен к ордену Суворова 3-й степени и через месяц, в Тамани, получал орден из рук прославленного генерала.

Надо ли говорить, что́ значила для него эта награда! Ведь орден Суворова был для него символом общей, окончательной победы.

— Поздравляю с наградой и желаю удачи в новой десантной операции! Воюйте, как Суворов нам завещал,— сказал Дмитрию Ковешникову генерал. — Помните его лозунг: «Глазомер, быстрота, натиск!» Чем не лозунг для десантника!..

В эту ночь Ковешников снова уходил в десант, на этот раз к берегам Керчи. Но теперь у него был опыт ночного броска в Новороссийскую бухту, а на груди — орден Суворова.

Во главе головного отряда Дмитрий Ковешников высадился на берег и с честью выполнил поставленную перед ним задачу.

Седьмого ноября по радио был передан в район Керчи на «Огненную землю» Указ о присвоении звания Героя Советского Союза майору Ковешникову и еще двадцати четырем его товарищам по части. Но не могли они отметить этот вдвойне праздничный день. Десант был блокирован, продовольствие и боеприпасы сбрасывали им с самолетов, пили они горько-соленую морскую воду, дрались за каждую пядь кремнистого пляжа, и Ковешников все повторял себе и бойцам суворовский совет: «Береги пулю на три дня, а иногда на целую кампанию, как негде взять».

По этому совету и действовали огнеземельцы, побеждая врагов глазомером, быстротой, натиском...

Отошли в прошлое дни войны, но сейчас подполковник Ковешников чувствовал себя почти так же, как и в тот день, когда получал боевую задачу. Разве это не боевая задача — учиться, совершенствовать свое военное мастерство?..

— Будем учиться,— сказал себе Ковешников. — Будем и тут, в Академии, действовать по суворовскому наказу. Как говорил об учебе Александр Васильевич?.. За ученого трех неученых дают: нам мало трех, давай нам шесть; нам мало шести, давай нам десять на одного; всех побьем, повалим, в полон возьмем. Вот как говорил — и, вспоминая эти слова, словно обращенные к нему, офицеру Советской Армии, подполковник Ковешников подошел к учебному расписанию.

Суворов попрежнему был рядом с ним.

ВЫДАЮЩИЙСЯ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ

(К ПЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ А. С. ЩЕРБАКОВА)

Советский народ бережно хранит в памяти светлый образ своего верного сына, одного из талантливейших деятелей партии Ленина—Сталина и советского государства, пламенного патриота нашей Родины Александра Сергеевича Щербакова.

Всю свою сознательную жизнь товарищ Щербаков посвятил беззаветному служению партии, советскому народу, борьбе за укрепление могущества советского государства.

Сын рабочего, он с двенадцати лет начал работать в типографии, потом на железной дороге. В период Великой Октябрьской социалистической революции товарищ Щербаков в рядах Красной гвардии с оружием в руках защищает первое в мире социалистическое государство. В 1918 году, семнадцатилетним юношей, он вступает в ряды коммунистической партии и с тех пор до последнего дня своей жизни отдает себя делу партии Ленина—Сталина.

Какие бы труднейшие задачи ни поручала ему партия, на какие бы участки ни посылала его, — везде и всегда Александр Сергеевич был примером высокого сознания большевистского долга, дисциплины, творческого горения. Он был беспощаден к врагам народа, заботлив и чуток к советским людям, требователен к себе и товарищам по работе.

Вооруженный всепобеждающей силой марксистско-ленинского учения, он глубоко проникал в самые разнообразные области знаний — экономики, науки и культуры. Он был блестящим пропагандистом; его статьи и выступления по важнейшим вопросам партийного строительства и развития социалистического государства являются большим вкладом в партийную литературу.

Его неразрывная связь с массами, глубокое знание жизни и труда народа, советской интеллигенции в сочетании с огромными теоретическими знаниями и неукротимой волей большевика к борьбе с любыми трудностями — все это характеризовало А. С. Щербакова как руководителя сталинского типа.

Много сил и энергии отдавал товарищ Щербаков делу коммунистического воспитания молодого поколения. Его хорошо знали и любили молодежь Средней Азии и сибиряки, москвичи и горьковчане, ленинградцы и донбассовцы. Александр Сергеевич был талантливейшим большевистским педагогом и воспитателем.

На XVIII съезде партии товарищ Щербаков был избран членом Центрального Комитета; в 1941 году — секретарем Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

В годы Великой Отечественной войны, когда над столицей нашей Родины нависла угроза вторжения немецко-фашистских захватчиков, товарищ Щербаков становится одним из организаторов героической обороны Москвы.

Интересы Родины, партии были для него превыше всего. Не щадя себя, с исключительной энергией сплачивает он силы московской партийной организации и всего населения столицы на священное дело помощи фронту. В эти дни, как и всегда, Александр Сергеевич был с народом: он приходил туда, где было тяжелее всего. В течение дня его можно было увидеть в окопах среди солдат и офицеров, на заводе, где изготовлялись боеприпасы и вооружение, в госпитале у постели раненых бойцов, в ремесленном училище, у железнодорожников — его пламенные, проникновенные слова зажигали в сердцах веру в победу. В эти тяжелые для нашей страны дни он снискал себе еще бо́льшую любовь и уважение партии и народа. И среди неисчислимых дел огромной государственной и политической важности он не забывал об отдельных людях, об их нуждах.

Секретарь Центрального Комитета и Московского комитета партии, начальник Главного политического управления Красной Армии, начальник Советского Информбюро, товарищ Щербаков, верный ученик великого Сталина, вкладывал всю душу и энергию в огромное и ответственное дело, порученное ему партией. Он непосредственно руководил деятельностью политорганов и войсковых партийных организаций. «Война — суровая школа и лучшая проверка для каждого большевика, — говорил товарищ Щербаков. — Многие тысячи коммунистов ушли на фронт. Как и в памятные годы гражданской войны, они цементируют ряды нашей армии. Они находятся в первых рядах бойцов, увлекая их своим примером в борьбе с врагом».

Товарищ Щербаков с глубочайшей сердечностью вникал в солдатские интересы и нужды. Он знал, чем живет солдат, неустанно заботился о защитниках Отечества и требовал от каждого политработника армии, начиная с членов Военных советов фронтов, непосредственного участия в массовой политико-воспитательной работе.

Однажды, критикуя ошибки крупного фронтового работника, товарищ Щербаков с гневным упреком говорил: «Вы перестали заниматься черновой работой, а политработники должны заниматься черновой работой. Почему газета плохая? Почему снимки неудачны? Почему кино не работает, почему в тылу триста пятьдесят сеансов, а на фронте шестьдесят?»

Большое внимание Александр Сергеевич уделял армейской печати. Стоило фронтовой, армейской или даже дивизионной газете опубликовать яркую статью, хорошие рассказ или стихи, интересную корреспонденцию или оригинальный фотоснимок, как товарищ Щербаков сейчас же запрашивал, кто автор. Военные журналисты, писатели и фотокорреспонденты с благоговением хранят в памяти все те драгоценные указания, которые давал им товарищ Щербаков.

Александр Сергеевич был другом советской литературы. Он внимательно наблюдал за работой писателей. Его высказывания по вопросам советской литературы не мало содействовали ее развитию и успехам. Среди бесчисленных огромных дел он находил время для встречи с писателями, чтобы помочь им, направить их по верному пути.

Голос Советского Информбюро, руководимого товарищем Щербаковым, звучал во всем мире как голос несокрушимой правды советского народа. Для советских людей сводки Информбюро были частицей жизни, они вдохновляли на труд и подвиг. Простые и величественные, они обозначали великий победоносный путь Советской Армии.

Верный ученик и соратник великого Сталина, Александр Сергеевич Щербаков глубоко, беспредельно любил вождя большевистской партии и советского народа. Характеризуя историческую роль товарища Сталина в Великой Отечественной войне, он говорил: «Руководство военными действиями Верховным Главнокомандованием Красной Армии опрокинуло все расчеты врага и повернуло ход войны в нашу пользу. История войн не знает таких примеров, когда течение войны, в начале столь неблагоприятное для одной стороны, было бы с таким искусством переломлено, а армия, направляемая твердой рукой военного гения, одерживала бы такие победы. Великая Отечественная война советского народа против немецких извергов, направляемая и вдохновляемая товарищем Сталиным, войдет в историю войн как изумительный образец руководства войсками, высшего искусства ведения войны».

Совершенствуя свое боевое мастерство, воспитываемые армейскими большевиками, воины Советской Армии прошли огромный путь исторических побед. Сотни тысяч беспартийных воинов вступили за годы войны в большевистскую партию. Товарищ Щербаков уделял огромное внимание воспитанию молодых армейских коммунистов.

Руководя московской партийной организацией, товарищ Щербаков неутомимо работал над укреплением и развитием промышленности и сельского хозяйства Московской области и городского хозяйства Москвы.

В годы Великой Отечественной войны не было буквально ни одного вопроса экономики военного времени, которым бы он не занимался. Производство вооружения, боеприпасов, станкостроения, строительство метро третьей очереди, снабжение Москвы топливом, строительство газопровода, бытовые нужды трудящихся и множество других государственной важности дел наполняли его трудовые напряженные дни.

С зоркостью большевика товарищ Щербаков подмечал малейшие ростки творческой трудовой инициативы масс и умел придавать им государственное значение. Он верил в могущественные творческие силы советского народа и, как верный ученик великого Сталина, талантливо организовывал и направлял эти силы на разрешение грандиозных задач.

Товарищ Щербаков стал душой восстановления разрушенного гитлеровцами хозяйства районов Московской области.

Исторические победы Советской Армии, грандиозные успехи социалистической экономики, показавшие всю непобедимость советского строя, вызвали у некоторых работников чувство самоуспокоенности, самодовольства. Товарищ Щербаков, подметив это, обратил против этих людей оружие большевистской критики и самокритики.

Уже будучи тяжело больным, прикованным к постели, отлично зная, что нет сил, которые могли бы восстановить его натруженное безмерной работой сердце, Александр Сергеевич, таясь от врачей, с упоением работал над послевоенными проблемами.

Товарищ Щербаков умер, как воин, как труженик. Его вдохновенная деятельность отражала великую, самоотверженную творческую деятельность большевистской партии в годы Великой Отечественной войны. Мы все помним слова товарища Щербакова: «Никогда еще наш народ не был так организован, как сейчас. И это объясняется тем, что во главе народа стоит такой вождь и организатор, как партия Ленина—Сталина. Крепкие узы связи с народом умножают силы партии, а народ, сплоченный вокруг партии, является непобедимым».

Жизнь Александра Сергеевича Щербакова — яркий пример беззаветного служения народу, пример самоотверженной борьбы за укрепление и дальнейший расцвет нашей великой социалистической Родины.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Александр Сергеевич ЩЕРБАКОВ.

ВЫСШАЯ ГОРНАЯ ШКОЛА

Около 5 тысяч инженеров подготовил за полвека своего существования днепропетровский ордена Трудового Красного Знамени Горный институт имени Артема.

Повсюду на командных постах в горной промышленности Советского Союза работают питомцы института — инженеры различных специальностей. Многие из них руководят трестами, шахтами, рудниками, ведут исследовательскую работу. Среди бывших воспитанников института семь Героев Социалистического Труда и свыше 20 лауреатов Сталинской премии.

На кафедрах и в лабораториях института ведется большая научная работа, неразрывно связанная с производством. Это постоянное содружество с практикой усиливает ведущую, преобразующую роль науки в социалистической горной промышленности, помогает лучше и быстрее осваивать новейшие машины и механизмы.

На снимке: в лаборатории горных машин. Кандидат технических наук, доцент М. А. Корсунь объясняет студентам конструкцию угольного комбайна «Донбасс».

Фото С. Фридлянда

СУВОРОВЕЦ

Б. ЗУБАВИН

В Ленинграде некогда проживала семья Федоровых: Андрей Михайлович, Евдокия Андреевна, мальчик Валя и бабушка. Доброе счастье было у этой семьи, но не долго оно длилось.

Сперва не стало Андрея Михайловича. Ушел Андрей Михайлович на фронт защищать свою Родину от врага — и ни весточки от него, ни слуха. Только потом, через много месяцев, получили Федоровы письмо, в котором однополчане сообщали, что Андрей Михайлович погиб в сражении с фашистами.

А весной 1942 года была смертельно ранена Евдокия Андреевна. Ранило ее осколком артиллерийского снаряда, когда она работала на заводе имени Марти.

И остались от всей семьи только Валя да бабушка. Трудно им стало жить. Бабушка была очень старая, Валя — мал. А в городе рвались снаряды и бомбы, над городом выли фашистские самолеты, и есть стало совсем нечего...

В одну из частей Ленинградского фронта однажды осенью после долгих странствий забрел бледный, худенький одиннадцатилетний мальчик с печальным и строгим лицом.

Мальчика привели к командиру, расспросили, кто он и откуда, накормили и — что же с ним делать? — зачислили приказом по части на все виды войскового довольствия. И стал он с той поры зваться подразделения связи рядовым Валентином Андреевичем Федоровым.

Подразделение под командованием лейтенанта Новикова держало телефонную связь штаба части. Телефонистам то и дело приходилось выбегать, как они говорили, «на линию», «на порыв», потому что не проходило и часа, чтобы где-нибудь не порвало провода осколками или пулей.

Если на фронте было затишье, бегал восстанавливать линию и рядовой Федоров. При других же обстоятельствах командир ни за что не выпускал его из блиндажа.

— Разрешите, товарищ лейтенант! — умолял мальчик.

Лейтенант отмахивался от него, как от назойливой мухи:

— Э, нет, нельзя.

— Почему? — обиженно понурясь, спрашивал тот. — Вы ведь...

— Мы — другое дело, а тебе нельзя. Мало ли что может быть... У тебя впереди вся жизнь. Если нас не станет,— мы сделали свое дело, выполнили свой долг, чтобы вам было легче. А вам коммунизм надо будет строить. Для этого стоит жить! Славное будет время! Ты вот лучше смотри и запоминай все.

И рядовой Федоров смотрел и запоминал. С тех пор прошли годы. Был он суворовцем, а теперь сержант, учится в пехотном училище имени Верховного Совета РСФСР, но память до сих пор отчетливо сохранила все, как было. Как, например, один солдат — беспокойный человек — все приставал тогда к лейтенанту Новикову:

— Это что же, товарищ лейтенант? В Новгороде все памятники разрушили, советских людей кого в плен гонят, кого газами травят... Это зачем? Ленинград из тяжелых орудий обстреливать — зачем? Звали их? Они все это строили? Как же я после всего этого с немцем по-человечески разговаривать буду?

— Вы путаете,— мягко возражал ему Новиков.— Народ с фашистами путаете. А это нельзя. Это у фашистов только нет ничего святого на земле.

— Я понимаю,— бормотал солдат,— только как же так?..

И шел думать свою нелегкую думу. А лейтенант говорил мальчику:

— Все это ты запоминай, Валентин Андреевич; вот запутался солдат, видел? Ну, я понимаю: в душе он строитель, а фашисты кругом разрушают все. Ему и тяжело. Только они и у себя на родине ничем не дорожат. А у германского народа есть много великих людей, которыми не только немцы — весь мир гордится. Нельзя к нему, к народу, так вот, как этот солдат... У них Тельман и другие борцы за свободу в тюрьме посейчас сидят. Ты запомни это. Мы не только нашу социалистическую Родину, мы мировую культуру защищать от фашизма призваны.

— Учиться бы тебе, Валентин Андреевич, надо,— раздумчиво говорил он через некоторое время.

— Я учусь,— оправдывался мальчик.— Вот уже аппараты научился чинить.

— Не то, не то... Тебе надо всерьез учиться, офицером бы тебе стать, а?

И в один прекрасный день, распрощавшись с фронтовыми друзьями, рядовой Федоров поехал учиться. На груди у него сияла медаль «За оборону Ленинграда», а в кармане солдатской гимнастерки хранилось аккуратно сложенное предписание явиться в Горьковское суворовское училище для прохождения дальнейшей службы.

Здесь воспитанием мальчика занялись опытные педагоги. Но мальчики всегда привязываются к кому-нибудь одному, и скоро то место, которое занимал в сердце Вали лейтенант Новиков, было занято майором Едуновым, командиром роты, в которую по прибытии в училище был зачислен наш будущий офицер.

Отношение к окружающей действительности, восприятие и истолкование событий мало различало офицеров Новикова и Едунова, чье влияние впоследствии так благотворно сказалось на духовном развитии мальчика. Они оба расценивали все с точки зрения коммунистов, большевиков, оба любили свою Родину и старались привить ребенку те высокие моральные качества, которые присущи советским людям. И все же, перейдя из-под опеки Новикова под влияние Едунова, ребенок, сам того не замечая, как бы сделал в своей жизни шаг вперед.

Будет, пожалуй, неточно сказать, что суворовское училище подобно кузнице, кующей кадры для пехотных, артиллерийских, инженерных и других училищ нашей армии. Это скорее лаборатория, в которой ни на минуту не останавливается очень кропотливая, требующая большого мастерства и внимания работа по формированию и шлифовке человеческого характера.

Офицеры — воспитатели и педагоги — приложили много настойчивости и старания, чтобы как можно лучше выполнить эту трудную, но благородную задачу.

Наш герой на все смотрел расширенными от мальчишеского счастья и любознательности глазами и впитывал в себя, как губка, те науки, что изо дня в день преподавались в классах училища.

Он хочет стать офицером? Хорошо. Но для этого требуется очень многое.

Прежде всего нужно быть всесторонне развитым, высококультурным человеком. Значит, надо хорошо учиться. Нужно быть внимательным и вежливым, чутким и справедливым, дисциплинированным и точным, если дело касается выполнения приказаний, ибо одна из суворовских заповедей, с которой воспитанников познакомили в первый же день, гласит, что тот, кто не умеет повиноваться, не умеет и повелевать.

Суворов — любимый герой ребят.

Было прочитано много книг о жизни, походах и сражениях великого полководца. На одном из вечеров, посвященных Суворову, Валентин Федоров сделал доклад о его детстве. Делали доклады и другие ребята.

...Шли дни, месяцы. Училище с утра до вечера гудело встревоженным ульем. В классах шли уроки, в клубе занимались кружки, готовились диспуты, конференции, на спортивных площадках тренировались физкультурники.

Мальчики росли, мужали, переходили из класса в класс, знания их становились все обширнее и прочнее.

Суворовская «Наука побеждать», «Слово о полку Игореве», походы Александра Македонского, «Война и мир» Толстого, «Чапаев»...

Но не только военная история, подвиги великих полководцев владели сердцами и умами суворовцев. Они знакомились с русской и западноевропейской культурой: музыкой, живописью, произведениями Тургенева и Диккенса, Чайковского и Верди, Репина и Тициана, — а главное, с теми великими достижениями и победами, которых добился наш советский народ под руководством партии Ленина — Сталина.

Окончив училище, получив аттестат зрелости, они уже прочно стояли на собственных ногах.

Они станут офицерами. Им есть что защищать, есть ради чего вести в бой солдат.

Фашистские мракобесы из-за океана кричат об атомной бомбе. Подражая гитлеровцам, они хвалятся, что в будущей войне разрушат много городов, убьют много женщин и детей. Курсант-отличник пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР, бывший суворовец, Валентин Федоров говорит о них с усмешкой сильного и правого. Он изучает историю военного искусства, тактику боя. Но не к разрушению городов, не к уничтожению безоружных и беззащитных готовит он себя, а к защите памятников Москвы и Праги, полотен Рубенса и Саврасова, к защите того, что создано человечеством за столетия, того, что создано талантливейшим нашим народом за годы победоносных сталинских пятилеток.

За его спиной стоит взрастивший его непобедимый советский народ. И слава великого полководца, чье имя носил он в течение нескольких лет, вдохновляет его.

Сержант Валентин Федоров со своим отделением на тактических занятиях.

Фото Н. Маторина

За мир!

Мы верим в победу

Заместитель председателя Всекитайского комитета сторонников мира Лю Нин-и, возглавляющий китайскую делегацию, прибывшую в Москву на первомайские праздники, рассказал корреспонденту «Огонька»:

— Накануне моего отъезда из Пекина под воззванием Постоянного комитета сторонников мира были поставлены первые подписи на китайском языке.

Люди подписывали воззвание, волнуясь. Они гневно проклинали поджигателей войны и говорили о своей страстной вере в единство трудящихся всех стран, сплачивающих свои силы в борьбе за мир.

Недавно в Пекине состоялась конференция представителей всех слоев населения. Две тысячи пекинцев от имени жителей китайской столицы выразили свою решимость всеми силами поддержать решения Стокгольмской сессии. Такие же конференции прошли в одиннадцати других городах Китая. Вслед за этим крупнейшие организации страны: Всекитайская федерация профсоюзов, Всекитайская демократическая федерация женщин, Федерация демократической молодежи и Федерация студентов — совместно опубликовали заявление, в котором от имени десятков миллионов своих членов заявляют: «Мы должны неуклонно вести борьбу против действий империалистов, пытающихся поработить народы всего мира и, используя атомное оружие, истребить бесчисленное множество невинных людей...»

— Много лет империалисты и гоминдановцы терзали китайские земли, выматывали силы народа,— говорит Лю Нин-и. — Нам надо много строить. Если мысленным взором окинуть нашу страну, то можно увидеть, что вся она представляет собой после освобождения гигантскую стройку. Китайский народ не хочет войны. Мы убеждены, что, строя новый, демократический Китай, мы защищаем мир от наглых посягательств поджигателей войны.

Мы не просим, а требуем мира и боремся за него. И мы убеждены, что народы не допустят развязывания новой войны. Порукой этому наша дружба с великим, могучим Советским Союзом — оплотом народов в борьбе за мир во всем мире.

Борется весь народ

(По страницам французской печати)

Движение за мир охватывает во Франции все новые слои населения. Примеру докеров, отказывающихся разгружать американское оружие, следуют рабочие-металлисты, шахтеры, железнодорожники, крестьяне, интеллигенция.

Демонстрации и митинги протеста против политики правительства, ведущей Францию к войне, возникают ежедневно; борьба за мир сливается с борьбой трудящихся за свои материальные нужды и демократические права.

◆ Крестьянин Девиль, живущий в маленькой деревушке Маскарвиль в районе Тулузы, не смог заплатить налог, и его жалкое имущество было описано судом. Тысячи крестьян окрестных деревень собрались, чтобы требовать отмены судебного решения. Сходка крестьян стихийно вылилась в огромный митинг борьбы за мир. Крестьяне пришли с плакатами, которые гласили: «Хлеб, мир, свобода!», «Мы требуем сельскохозяйственных машин, а не танков и пушек!»

◆ В старом университетском городе Бретани — Ренн газета «Уэст-Матен» напечатала описание зверств французских колонизаторов во Вьетнаме. Редактор газеты профессор права Анри Дени был приговорен к трем месяцам тюрьмы. При выходе из суда профессор был встречен огромной толпой, которая кричала: «Борьба за мир продолжается!» На митинге протеста против «грязной войны» во Вьетнаме присутствовали десять тысяч человек.

◆ Работницы, крестьянки, домашние хозяйки Франции самыми разнообразными способами помогают выиграть битву против поджигателей новой войны.

Недавно в профсоюз докеров Марселя пришла телеграмма от ста жительниц города Периге. Они предлагали взять в свои семьи и содержать до конца забастовки сто детей докеров, отказавшихся грузить оружие. Подобные письма и телеграммы приходят в Марсель со всех концов Франции.

◆ Жены докеров всех портов Франции прислали в Париж делегацию. Женщины требовали прекращения американских военных поставок. Когда Бидо отказался принять делегацию, жены докеров опубликовали заявление, в котором говорится: «Попрежнему во всех французских портах мы будем поддерживать наших мужей! Они не будут разгружать вооружение!»

◆ Семь матросов были заключены в Тулонскую военную тюрьму за распространение листовок, направленных против войны во Вьетнаме. Жители порта ответили на арест моряков демонстрациями. С своей стороны тридцать моряков собрали деньги и табак для бастующих докеров. Моряки пишут в своем письме:

«Товарищи докеры, мы приветствуем вашу борьбу против войны. Мы, рабочие, находящиеся сейчас на военной службе, хотим, чтобы вы знали: мы с вами! И если нам прикажут бороться с вами — забастовщиками, мы этого не выполним! Мы принадлежим французскому народу и не предадим дела рабочего класса!»

◆ Повсюду во Франции организовываются кружки призывников в армию. Недавно на заводе Келлерманн состоялась дружеская встреча призывников 1950 года. Молодых товарищей пришли приветствовать все рабочие завода. Новобранцы дали клятву: «Мы заявляем рабочим завода, что не будем принимать участия в капиталистической агрессивной войне. Сегодня мы — рабочие мира. Завтра, когда мы наденем военную форму, мы станем солдатами мира!»

◆ В городах и деревнях Франции, на заводах и шахтах, в учебных заведениях создаются комитеты защитников мира. Рабочий крупного завода в Сюрен рассказывает на страницах «Юманите»: «Во время недавней 35-дневной забастовки у нас, рабочих, было время хорошенько поговорить друг с другом. Мы все осудили правительство, которое не дает денег для постройки школ, домов и больниц, но находит деньги для того, чтобы производить вооружение. Мы решили создать у себя на заводе комитет сторонников мира. Товарищам пришла хорошая мысль дать нашему комитету имя выдающегося друга мира Жолио-Кюри».

Так ширится и крепнет во Франции всенародный фронт борцов за мир.

Ты тоже можешь помешать войне!

Перед нами плакат, выпущенный итальянским комитетом сторонников мира. На плакате написано:

Пять обязательств в защиту мира!

Требуй от своего депутата и членов муниципалитета голосовать за:

1) запрещение атомного оружия; 2) разоружение; 3) мирное соглашение между великими державами; 4) прекращение гонки вооружений; 5) прекращение преследования сторонников мира.

Под каждым из пяти требований сторонников мира стоят подписи крупнейших деятелей итальянской культуры — писателей, художников, артистов. Обращение подписывают рабочие и докеры, батраки, крестьяне.

Тридцать тысяч национальных, областных, городских, провинциальных и сельских комитетов защиты мира, созданных в Италии, мобилизуют трудящиеся массы на активную борьбу против американских военных поставок. Под обращением Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира стоят подписи крупнейших деятелей итальянской культуры—писателей, художников, артистов. Обращение подписывают рабочие и докеры, батраки, крестьяне.

Последовательно и решительно борются за мир члены общества «Италия — СССР», объединяющего 450 тысяч человек. Общество опубликовало резолюцию, в которой осуждает антисоветскую кампанию, инспирируемую американским империализмом. Резолюция призывает все отделения общества усилить борьбу против кампании ненависти и клеветы по адресу Советского Союза, против военного психоза, доставки военных материалов, против политики, толкающей Италию на путь катастрофы.

Пятилетие освобождения Чехословакии Советской Армией

Народы Чехословакии радостно отметили свой великий национальный праздник — пятую годовщину освобождения республики и ее столицы Праги доблестной Советской Армией.

В народных торжествах приняла участие прибывшая в Прагу советская правительственная делегация во главе с заместителем Председателя Совета Министров СССР Маршалом Советского Союза Н. А. Булганиным. В составе делегации — секретарь ЦК ВКП(б) М. А. Суслов, заместитель министра иностранных дел СССР В. А. Зорин и дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант А. И. Родимцев.

Шестого мая в Праге состоялось торжественное заседание. Собравшиеся горячо приветствовали советскую правительственную делегацию. Речь премьер-министра Антонина Запотоцкого неоднократно прерывалась овациями в честь Советской Армии, Советского Союза, великого вождя народов И. В. Сталина.

С огромным интересом была выслушана речь главы советской правительственной делегации, Маршала Советского Союза Н. А. Булганина.

Участники торжественного заседания с огромным воодушевлением приняли приветствие освободителю и лучшему другу чехословацкого народа Генералиссимусу И. В. Сталину.

На следующий день в Праге состоялся парад войск и торжественное шествие, в котором приняли участие десятки тысяч трудящихся.

С речью к народу обратился президент республики К. Готвальд.

Великий праздник освобождения во всех городах и селах республики вылился в могучую манифестацию вечной и нерушимой чехословацко-советской дружбы.

СТРОЯ РЕСПУБЛИКУ, УКРЕПЛЯЕШЬ МИР!

Беседа с доктором О. ИОНОМ, председателем Национального собрания Чехословакии

Вопрос о мире всегда привлекал к себе пристальное внимание нашего народа. Это происходило отчасти потому, что Чехословакия лежит на перекрестке европейских дорог и с давних пор представляла собой объект вожделений империалистических хищников.

После 1945 года, когда доблестная Советская Армия освободила чехословацкие земли, определились два пути, по которым могла пойти наша республика: путь социалистический — путь мира и дружбы между народами — и путь антидемократический. Пойти по второму пути означало стать вассалом западных империалистических акул, уже в то время готовившихся к развязыванию новой мировой бойни.

Наш народ избрал первый путь, отвечающий его лучшим надеждам и чаяниям, отвечающий его жизненным интересам. И пусть неистовствуют поджигатели войны,— мы твердо идем по новому, социалистическому пути!

Ныне, когда агрессивность антидемократического лагеря, возглавляемого США, усиливается, когда опасность военных авантюр со стороны этого лагеря становится все более зримой и ощутимой, народ Чехословакии решительно выступает в защиту мира. Простой рабочий люд, крестьяне, наиболее жестоко страдавшие от навязанных им войн, извлекли уроки из прошлого. После второй мировой войны агентам империализма не удалось и не удастся расколоть единство трудящихся.

Из всех лозунгов, выдвинутых в послевоенное время в Чехословакии, самым популярным сейчас является лозунг «Строя республику, укрепляешь мир!»

Чехословацкий народ хорошо знает, что успешное строительство социализма — это его лучший вклад в дело защиты мира. Перевыполнение двухлетнего плана, готвальдовская пятилетка — наш ответ поджигателям войны всех мастей.

Как только развернулось движение сторонников мира, вся Чехословакия горячо приветствовала его, хорошо понимая те великие и благородные задачи, которые это движение перед собой ставит. Миллионы чехов и словаков с готовностью стали под знамена Всемирного конгресса сторонников мира.

Мы следим за всеми происками обезумевших авантюристов так же внимательно, как следили в годы войны с фашизмом за сводками боевых действий. Мы радуемся каждому успеху лагеря демократии в борьбе за мир и делаем все, что в наших силах, чтобы эти успехи множились.

Комитет сторонников мира Чехословакии много и плодотворно работает. С каждым днем ширится его деятельность, с каждым днем она становится все более глубокой.

Агенты Ватикана, действующие по указке англо-американских поджигателей войны, еще стараются исподтишка вредить нашему народу. Но все их попытки заканчиваются позорным провалом. Последние процессы, проходившие в Праге, показали всю продажность и лицемерие врагов чехословацкого народа, пытавшихся подорвать народно-демократический режим, помешать нам идти к новому, лучезарному будущему. Все эти судебные процессы ясно показали народу сущность тех коварных целей, которые ставят перед собой англо-американские реакционеры. Процессы в то же время показали, что еще никогда вся Чехословакия не была так сплочена вокруг своей коммунистической партии, как она сплочена теперь.

Роль коммунистической партии Чехословакии в преобразовании нашей страны, в борьбе народа за мир огромна. Наша партия возглавляет эту борьбу, направляет ее. Политика верной, нерушимой дружбы с Советским Союзом — оплотом народов в борьбе за мир,— политика, которую неуклонно проводит в жизнь коммунистическая партия, с огромным энтузиазмом поддерживается всем народом.

Рабочий класс и крестьянство Чехословакии, наши женщины, молодежь, интеллигенция — все мы видим в Советском Союзе нашего лучшего друга, нашего могучего защитника, самого верного и последовательного борца за сохранение мира.

Мне привелось недавно быть свидетелем нескольких грандиозных манифестаций в защиту мира, состоявшихся в нашей стране. Они оставили неизгладимое впечатление.

В старом шахтерском городе Соколове, на границе с Западной Германией, проходила конференция всех организаций и партий, входящих в Национальный фронт. Семьсот делегатов — рабочих, крестьян, интеллигентов — собрались в Доме горняков, чтобы обсудить вопрос, как лучше организовать в Карловарской области борьбу за мир. Я сидел в зале, где происходила эта конференция, и всматривался в лица делегатов. Их речи были полны решимости и мужества.

— Наш рудник включается в борьбу за мир,— сказал делегат горняков.— Мы изо дня в день перевыполняем план добычи угля, и мы намерены ввести усовершенствования, которые в значительной степени повысят производительность труда.

— В нынешнем году мы обрабатывали больше земли, чем обрабатывали когда-либо раньше,— так заявил делегат единых сельскохозяйственных кооперативов.— Мы соберем урожай, какого еще никогда не видели в Карловых Варах, и это будет наш вклад в дело защиты мира.

— Мы становимся на вахту мира,— заявил рабочий-слесарь,— а это значит, что наш завод увеличивает выпуск продукции.

— Я выступаю от имени пионеров,— сказал мальчик, поднявшись на трибуну конференции.— Мы тоже боремся за мир. Наш отряд посадил 100 деревьев в школьном саду. Они уже привились.

Так выступали на конференции люди разных возрастов и профессий. Каждый из них говорил о себе, о своем деле, но в речи каждого чувствовалась глубокая забота о сохранении мира, и каждый проклинал заокеанских людоедов, готовящих новую войну.

Такие же конференции в защиту мира состоялись в Праге и в других городах страны.

Сейчас наш народ вместе с трудовыми людьми всего мира обсуждает и подписывает воззвание Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира.

Мы ставим свою подпись под этим суровым предостережением поджигателям войны. Вместе с нами под ним подписываются десятки миллионов простых людей всего мира.

Мы полны глубокой веры в то, что крепнущее единство трудящихся всех стран, их воля к миру и их борьба за мир сорвут коварные замыслы англо-американских атомщиков, предотвратят угрозу войны, которую готовят темные силы мировой реакции.

Концерты польских артистов

Слева направо: Станислав Сивик-Рой, Станислав Шпинальский, Галина Стефаньска-Черны, Тадеуш Вроньский и Ежи Лефельд.

Фото Е. Явно

Исполнилось пять лет со дня подписания договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской республикой. В ознаменование этой славной годовщины в Москву приехала группа видных музыкальных деятелей Польши: лауреат первого Международного конкурса пианистов имени Шопена профессор Познаньской консерватории Станислав Шпинальский, лауреат четвертого Международного конкурса пианистов имени Шопена Галина Стефаньска-Черны, пианист профессор Ежи Лефельд, солист Варшавской государственной филармонии скрипач Тадеуш Вроньский и солист Варшавской государственной оперы Станислав Сивик-Рой.

Концерты польских артистов состоялись в Большом зале Московской консерватории и в концертном зале имени Чайковского. Один из этих концертов был посвящен сольным выступлениям артистов, в другом принял участие Государственный симфонический оркестр Союза ССР под управлением К. Элиасберга.

Большой интерес представили в концерте произведения современных польских композиторов — мазурка Млынарского, сонатина Шелиговского, ария из оперы «Легенда о Балтике» Нововейского и другие.

Исполнение польских музыкантов проникнуто искренностью, теплотой и подлинным артистизмом. Яркий, певучий тон, блестящую технику показал скрипач Тадеуш Вроньский в передаче концерта Моцарта и отрывков из произведений Баха для скрипки соло. С большой внутренней силой были спеты Станиславом Сивик-Рой ария дон-Хозе из оперы «Кармен» и ария Йонтека из оперы «Галька».

Профессор Станислав Шпинальский, уже знакомый музыкальной Москве по своим прошлогодним концертам, прекрасно сыграл скерцо и ноктюрн Шопена.

Высоко одаренная пианистка Галина Стефаньска-Черны с художественной глубиной и тонким поэтическим обаянием исполнила первый концерт Шопена, его мазурку, фантазию-экспромт, вальс и этюд.

Б. ЯГОЛИМ

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СУВОРОВСКОГО МУЗЕЯ

На улице Салтыкова-Щедрина в Ленинграде стоит здание Суворовского музея. Оно было построено в начале века на средства, собранные по подписке русскими солдатами, матросами, офицерами и учащимися. 13 ноября 1904 года музей был открыт.

Этот памятник славы отечественного оружия украшают два мозаичных панно, сделанные искусными руками русских мастеров из многих тысяч кусочков разноцветной мозаики.

Во время Великой Отечественной войны в здание музея А. В. Суворова попала фугасная бомба, но картины по счастливой случайности сохранились.

Минувшей зимой в музей пришли строители. Началось возрождение здания в первоначальном его виде. Для размещения экспонатов подготовлено пять залов. Оборудуются библиотека, читальный зал, комната для научных занятий.

Пока в здании хозяйничают строители, музейные работники берут на учет каждую суворовскую реликвию, все места, где жил и воевал Александр Васильевич, его личные вещи.

Собрано много, но неутомимый исследователь директор музея В. Н. Грусланов продолжает поиски. Суворовский фонд непрерывно пополняется: то это шпага генералиссимуса, найденная после длительных поисков, то семейные реликвии, хранившиеся у праправнучки полководца Агаджановой...

Все экспонаты бережно хранятся до открытия Суворовского музея в Артиллерийском историческом музее, готовящемся отметить свое 250-летие. Здесь знамена суворовских полков, сражавшихся в Северной Италии, штурмовавших Очаков, бравших Измаил; крепостные ключи от Измаила, Килии, Тульчи; трехфунтовые и шестифунтовые единороги, первоклассные для своего времени русские пушки; личное оружие, мундир Александра Васильевича в чине генерал-майора, его ордена и орденские ленты; походный столовый прибор в футляре из кипарисового дерева; походная фляга и чайник, подзорная труба полководца; книги из домашней церкви в Кончанском с надписями, сделанными рукой Суворова, посмертная маска...

В дни Великой Отечественной войны суворовские фонды были бережно сохранены. Новые материалы рассказывают о партизанском отряде имени А. В. Суворова и кавалерах ордена Суворова.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Успех народного займа

Беседа с заместителем министра финансов СССР
К. Н. ПЛОТНИКОВЫМ

Пятый государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР, выпущенный 3 мая на сумму 20 миллиардов рублей, успешно, с большим превышением размещен среди населения.

Исключительная быстрота реализации нового займа — еще одна яркая демонстрация советского патриотизма, свидетельство незыблемого морально-политического единства нашего народа, сплоченного вокруг партии большевиков и любимого вождя — великого Сталина.

Едва радио разнесло по стране весть о выпуске займа, как повсюду: на фабриках и заводах, в шахтах и полевых станах колхозов — прошли митинги и собрания, на которых трудящиеся единодушно одобрили решение правительства.

— Каждому советскому гражданину известно, куда идут средства от займов,— сказал фрезеровщик Кировского завода в Ленинграде тов. Савич,— на наших глазах Родина становится все более могучей и богатой.

Знатный горняк Кузбасса, проходчик тов. Фахрутдинов заявил:

— Наши трудовые рубли, которые мы одалживаем государству, возвращаются к нам в виде новых машин, облегчающих труд, благоустроенных домов, школ, клубов.

В Узбекистане колхозник артели имени Ворошилова, Калининского района, Ташкентской области, тов. Абдулаев заявил:

— Советское государство правильно, по-хозяйски распоряжается народным рублем. Сбережения, которые мы вкладываем в займы, попадают в верные руки.

В этих простых, идущих от сердца словах наших людей безграничное доверие к родной партии, к советскому правительству, беспредельная преданность делу строительства коммунизма, непоколебимая вера в завтрашний день.

В предвоенные годы советский народ дал взаймы своему государству около 50 миллиардов рублей. В период Великой Отечественной войны эта сумма была превышена более чем в полтора раза, достигнув 76 миллиардов. На восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства после войны Родина получила от займов свыше 100 миллиардов рублей.

Самоотверженный стахановский труд наших людей позволил уже к концу прошлого года превзойти довоенный уровень развития народного хозяйства. За четыре послевоенных года построено, восстановлено и введено в действие 5200 государственных предприятий. Трудящиеся получили за этот период 72 миллиона квадратных метров новых жилищ в городах и рабочих поселках и 2300 тысяч домов в сельских местностях.

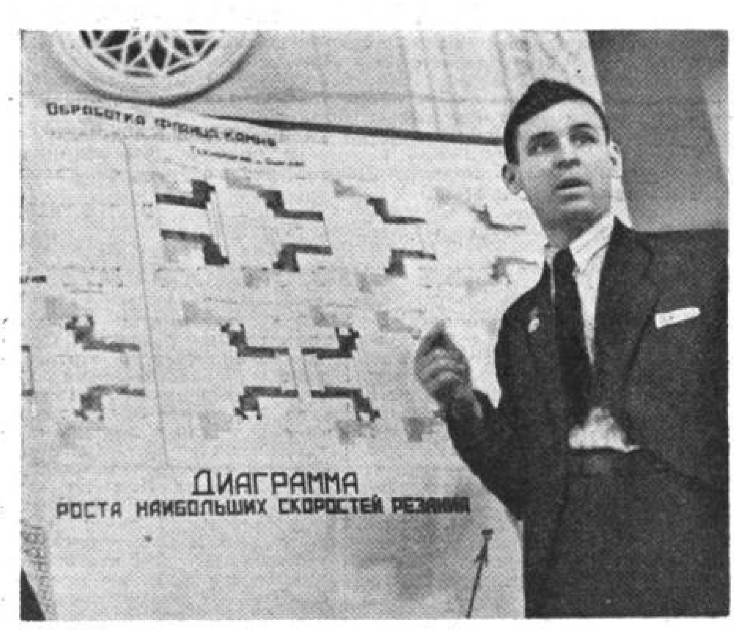
Неуклонно повышается благосостояние советских людей. Только от третьего, самого значительного, снижения цен, проведенного 1 марта нынешнего года, население выигрывает 110 миллиардов рублей в год. Эта сумма почти в пять раз превышает размещенную сумму нового займа.

И это в то время, как в капиталистических странах неуклонно растет дороговизна, а трудовой народ облагается дополнительными налогами для финансирования военных авантюр. Всякие займы в условиях капитализма ложатся тяжелым бременем на плечи простых людей.

У нас, в стране социализма, государственные займы служат источником доходов для населения. За время существования массовых займов в СССР держателям облигаций государством было выплачено в виде выигрышей 27,5 миллиарда рублей. Из года в год растет сумма выигрышей по займам. Если в 1949 году эта сумма составила 2,5 миллиарда рублей, то в 1950 году она достигнет уже 3,5 миллиарда.

О большой популярности наших займов в народе говорит и то, что общее количество держателей облигаций возросло с 6 миллионов в 1927 году до 65 миллионов в настоящее время. Можно с уверенностью заявить, что с завершением подписки на Пятый государственный заем восстановления и развития народного хозяйства эта цифра возрастет еще более.

Люди и скорости

Лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета СССР токарь П. Быков знакомит участников совещания скоростников со своими методами работы.

На завод позвонили из министерства: Борткевича вызывали в Москву. Признаться, ему не очень хотелось именно в эти дни уезжать в командировку. Недавно в цехе были созданы два скоростных участка, и они нуждались в помощи инструктора. К тому же учеба в институте: программа велика и сложна. И, наконец, маленькая дочка, родившаяся несколько недель назад...

Но лететь надо. В Москву съезжались 400 выдающихся новаторов станкостроения — токари и фрезеровщики, технологи и наладчики, профессора и конструкторы. Многому можно у них поучиться, о многом рассказать им. Перед отъездом Борткевич заглянул в свой механический цех. Год назад в нем было всего лишь 9 скоростников, теперь на всех 24 станках сталь обрабатывается в три раза быстрее.

На совещании в столице шел большой, государственный разговор о скоростях. Докладов не было. В 15 минут, отпущенных регламентом, каждый из выступавших, оперируя фактами, цифрами, технологическими схемами, чертежами, сообщал, что сделано им, его бригадой, цехом, заводом в борьбе за новые скорости.

Лауреат Сталинской премии токарь Иван Подвесько поднялся на трибуну и, водя указкой по диаграмме, показал, как на харьковском заводе высокие скорости привели к конвейерной сборке деталей. Московский токарь лауреат Сталинской премии Павел Быков прочитал, как выразился потом один из видных ученых, интереснейшую лекцию о проблеме сокращения вспомогательного и увеличении машинного времени. Быков демонстрировал диаграмму: в 1935 году он точил со скоростью 70 метров в минуту, в 1946 году — 800, а в 1950 — 1880 метров. Сейчас Быков работает на станке, дающем 3000 оборотов шпинделя.

Выступления участников совещания — еще одно яркое свидетельство того, как в нашей стране преодолевается противоположность между физическим и умственным трудом. Новаторы производства смотрят далеко вперед.

— Мы не можем стоять на месте, — страстно говорил одесский токарь лауреат Сталинской премии Григорий Нежевенко. — У нас уже есть тысячи скоростников. Теперь должны быть созданы скоростные цехи и заводы. Скорость работает на нас, на коммунизм!

Новаторы гонят время вперед. Начальник участка завода «Калибр» В. Васильев видоизменяет резцы. Коломенский фрезеровщик Д. Макеев занимается переоснасткой станка. Горьковский конструктор В. Питяшин вместе со скоростниками разрешает проблему устранения шума, вопросы виброустойчивости. Невозможно перечислить всё, что создается пытливым умом и неутомимыми руками скоростников.

...Через несколько дней Борткевич вернулся в Ленинград. Он пришел к знакомым станкам, размышляя о том, как всем цехом, всем заводом овладеть еще большими скоростями. В этом теперь главное.

Н. МАР

Новый театр в Калинине

Быстро возрождается разрушенный гитлеровцами старинный русский город Калинин. Появились кварталы новых красивых домов, восстановлены предприятия, школы. Посажено много деревьев и кустарников. Калинин становится еще более нарядным, нежели до войны.

В центре города, на Советской улице, достраивается монументальное здание городского драматического театра.

Авторы проекта, архитекторы А. Максимов и П. Кухтенков, решили довольно сложную задачу: соорудить новое здание объемом в 80 тысяч кубометров на фундаменте старого, сожженного гитлеровцами театра.

В новом драматическом театре зрительный зал на тысячу мест. Здесь — новейшие акустические устройства, вращающаяся сцена, механизированная по последнему слову техники. Потолки зала и фойе будут расписаны лучшими мастерами живописи.

В здании театра имеется также концертный зал филармонии с отдельным фойе.

Сооружение театра в основном будет закончено в нынешнем году.

М. АМШИНСКИЙ

Здание драматического театра в Калинине.
Фото В. Вронского

«Александр Попов»

Новый художественный фильм

7 мая 1895 года. Петербург. Заседание физического отделения Русского физико-химического общества. Александр Степанович Попов демонстрирует свой грозоотметчик — первый в мире радиоприемник, принимающий сигналы «передатчика». Тогда не было еще произнесено слово «радио». Великий русский ученый Менделеев, присутствовавший на демонстрации, назвал грозоотметчик телеграфом без проводов.

Если бы не было этого гениального открытия, мы не имели бы возможности смотреть звуковой фильм, посвященный Александру Попову: звуковое кино — одна из многочисленных отраслей техники, науки, промышленности, культуры, которые своим возникновением и развитием обязаны радио.

Вместе с Александром Поповым (артист Н. Черкасов) и его ассистентом Рыбкиным (А. Борисов), вместе с верными друзьями изобретателя — профессорами Менделеевым (И. Судаков), Петрушевским (Ю. Толубеев), адмиралом Макаровым (К. Скоробогатов)— мы проходим увлекательный путь от первых лабораторных опытов со звонком, зазвонившим без проводов, до спасения двадцати семи рыбаков при помощи радио. По радиограмме, переданной с берега Финского залива на остров Гогланд, ледокол «Ермак» вышел в море и снял рыбаков с оторвавшейся льдины...

Николай Черкасов — выдающийся мастер перевоплощения. Им создана целая галерея незабываемых кинопортретов различных людей разных эпох. Для роли Попова артист также нашел точные и тонкие характерные особенности. Высокий, открытый лоб, умные глаза, отражающие неустанную работу мысли. В жестах, интонациях обаятельная скромность человека большой культуры. Он почти не повышает голоса, но каждая фраза звучит убежденно, полноценно и веско, во всем чувствуются принципиальность, благородство натуры. При внешней сдержанности исполнения зритель все время ощущает огромную внутреннюю силу, темперамент Попова.

И каким гневом, презрением загораются глаза артиста в тех сценах, когда, по образному выражению Менделеева, «пигмеи пытаются связать великана». Английские торгаши, капиталисты всех стран подсылали к Попову своих тайных и явных агентов, пытались купить русского «великана». Безродный космополит, полуирландец-полуитальянец Маркони попросту украл чертежи, опубликованные Поповым, и присвоил себе приоритет гениального открытия. Вор был пойман с поличным.

Гордостью проникнуты звучащие с экрана заключительные слова ученого-патриота Александра Попова о служении Родине, народу, о том времени, когда русская наука получит возможность свободного развития.

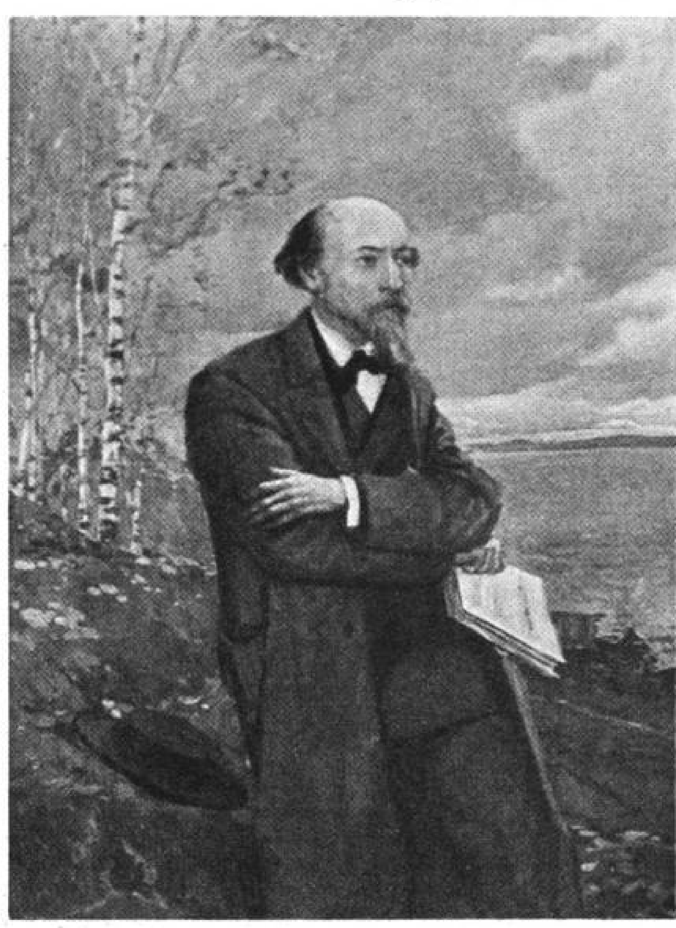
Александр Попов твердо верил в светлое будущее Отчизны, в переустройство общества на новых, справедливых началах.

Это будущее — наш сегодняшний день. И фильм «Александр Попов» — дань народов Советского Союза, выражение их чувства любви и благодарности своему великому предку.

О. ЛЕОНИДОВ

Сценарий А. Разумовского, постановка Г. Раппапорта и В. Эйсымонта, производство киностудии «Ленфильм». 1949.

ПРАЗДНИК СОВЕТСКОЙ КНИГИ

Н. А. Некрасов. — Работа художника В. Серова.

В День печати в залах Академии художеств СССР открылась традиционная выставка книги, графики и плаката. Представлены работы крупнейших издательств Советского Союза.

Центральный раздел посвящен трудам классиков марксизма-ленинизма. Таблицы цифр говорят о гигантских тиражах изданий гениальных произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

В этом же зале находятся работы Н. Жукова, воссоздающего образы вождей мирового пролетариата.

В создании книги, помимо писателя, участвует и художник. Он может быть и оформителем и иллюстратором. В этой области работает много мастеров изобразительного искусства. И настоящая выставка — их творческий отчет.

В основе иллюстраций к произведениям советской литературы лежит внимательное изучение художниками нашей действительности, пристальный интерес ко всему новому, значительному, что происходит в нашей стране. И отсюда удачи В. Хвостенко, иллюстрировавшего «Белую березу» М. Бубеннова, М. Клячко, работавшего над «Необыкновенным летом» К. Федина, рисунки А. Горпенко к «Кавалеру Золотой Звезды» С. Бабаевского, В. Щеглова к книге Б. Полевого «Мы — советские люди» и других графиков.

Киргизский график Л. Ильина, известная читателям по ее работам над эпосом «Манас», выступила с отличными гравюрами к книге Т. Сыдыкбекова «Люди наших дней».

Особенно повезло «Фоме Гордееву» Горького. Совсем недавно иллюстрации Кукрыниксов к этому произведению были удостоены Сталинской премии, а теперь В. Серов выступил с блестящими акварелями на ту же тему. Серов показал также свои последние листы к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». И среди иллюстраций — портрет самого поэта. Некрасов как бы задумался над судьбой могучей и обильной, многострадальной матушки-Руси. Поэту-гражданину, певцу народной печали, народных чаяний вторит грустный осенний пейзаж.

Удалые русские богатыри (работы Е. Кибрика и П. Соколова-Скаля) восхищают храбростью и силой. Улыбку и жалость вызывает рыцарь печального образа Дон-Кихот Ламанчский в серии Кукрыниксов. Белорусский художник А. Волков как-то по-своему, по-новому разрешил извечные образы пушкинских сказок.

Посетители задерживаются у стенда, где выставлены произведения Мориса Тореза, Пабло Неруда, Говарда Фаста и других отважных борцов за мир.

Портрет И. В. Сталина с ленинской книгой в руке на фоне библиотеки показывает на выставке В. Иванов. В портрете глубоко раскрыт образ Иосифа Виссарионовича — корифея марксистской науки.

КОЛХОЗНЫЙ ПОЭТ КИРИЛО ЗВАРИЧ

В селе Дубравка, Журавновского района, Дрогобычской области, живет 64-летний колхозник Кирило Савич Зварич. С юношеских лет слагал он песни о тяжелой доле односельчан, а когда овладел грамотой, начал записывать свои стихи и песни.

Советская власть открыла перед сельским поэтом новые горизонты. После воссоединения трудящихся западных областей Украины в единой Украинской Советской Социалистической Республике, в первые же дни свободной и радостной жизни, стихотворение Кирила Зварича «Слава освободителям» было напечатано в газете «Радянська Україна». Поэт-крестьянин устами миллионов пел здравицу великому вождю:

Нас визволив з неволі
Рідний батько Сталін.
Розцвітати нашій долі.
В радянській державі.

Кирило Зварич одним из первых на селе вступил в колхоз. Любимой его темой стали радостный артельный труд, большие перемены, совершающиеся на селе. Колхоз строит клуб, разбивает парк. Дети бывших бедняков учатся в школах и высших учебных заведениях. Только в институтах Львова и Дрогобыча занимается 20 детей колхозников Дубравки.

Все явления новой жизни находят отражение в песнях и стихах Кирила Зварича.

Колхозники высоко ценят его деятельность. Он член правления артели, депутат сельского совета. Поэт часто выступает с чтением своих произведений перед односельчанами, колхозниками Журавновского района.

Н. РОТИН

с. Дубравка,
Дрогобычской области.

Первый месяц

Розыгрыш первенства СССР по футболу

Никогда еще розыгрыш первенства страны по футболу не сопровождался таким числом неожиданных результатов, сенсационных побед и поражений.

Все прогнозы и предположения специалистов в кавычках и без кавычек оказались несостоятельными. Молодые команды, для которых прошлогодний сезон был лишь пробным камнем, вышли теперь на поле как более опытные бойцы. Кто этого не понял, тот поплатился поражением. Составленные из молодых игроков коллективы «Шахтера», «Даугавы», «Динамо» (Ереван), «Динамо» (Минск), «Локомотива» (Харьков) многому научились у первоклассных команд страны. Молодые футболисты лучше стали владеть мячом, смелее и оригинальнее решать тактические задачи. В их игре много молодого задора и коллективизма, основанного на хорошей спортивной дружбе. К сожалению, этого не хватает некоторым опытным нашим командам.

Проигрыш чемпионов страны — московских динамовцев — «Даугаве», ничьи с «Нефтяником» и ереванскими футболистами; проигрыш обладателя «Кубка СССР» — московского «Торпедо» — «Спартаку» (Тбилиси) и минским динамовцам; наконец, проигрыш «Спартака» (Москва) сталинградским торпедовцам и «Даугаве» — яркая иллюстрация к сказанному. Правда, нужно отметить, что не все еще команды окончательно определили свои составы, не все вошли в необходимую спортивную форму, но едва ли это может быть оправданием.

Класс советского футбола поднимается. Все большее и большее число команд овладевает высокой техникой футбола и выходит на широкую дорогу соревнований. Все труднее и труднее становится борьба за лидерство, и это самая характерная и приятная черта нынешнего чемпионата.

Другой отличительной чертой является упорная борьба команд. Больше десяти встреч закончились результатом 0 : 0 и 1 : 1. Подавляющее большинство побед определилось перевесом в один мяч. Наиболее результативны пока нападающие «Зенита»: они вбили 15 мячей за 5 матчей. Вслед за ними идут молодые форварды ВВС.

Защитники команды «Крылья Советов» пока не пропустили в свои ворота ни одного мяча, несмотря на то, что играли против сильных нападающих ЦДКА, «Спартака» и ВВС.

Защитники ЦДКА пропустили в свои ворота лишь 2 мяча, а футболисты московского «Локомотива» и «Даугавы» — по 3 мяча.

Пока, после 5 туров, наибольшего успеха добились команды «Локомотива» (Москва) и «Зенита» (Ленинград). Железнодорожники из 5 встреч не проиграли ни одной. Они 3 матча выиграли и 2 свели к ничьей. Ленинградские футболисты выиграли 4 встречи и одну проиграли.

Успешно выступают динамовские команды Ленинграда и Тбилиси, ЦДКА, «Даугава», ВВС и «Крылья Советов».

В нижней половине таблицы пока находятся столичные коллективы — «Динамо», «Торпедо» и «Спартак».

Так начался сезон 1950 года. Он обещает интересную и напряженную борьбу, полную неожиданных исходов.

М. М.

СИЛЬНЕЙШИЕ КОЛХОЗНЫЕ ШАХМАТИСТЫ

В. Мезенев.

В закончившемся втором всесоюзном турнире колхозных шахматистов после упорной борьбы первое место завоевал садовод колхоза имени Кирова, Дымерского района, Киевской области, Виктор Мезенев. Его результат — 14½ очков из 19 возможных.

Второе и третье места поделили чемпион Российской Федерации Григорий Журавлев и Вальдур Тийт (Эстонская ССР), набравшие по 13½ очков. В группу призеров вошли также Михаил Уруймагов (РСФСР) и Ишанхан Акбаров (Киргизская ССР) — по 13 очков.

Солнце над Милянфанем

Поэт Ясыр Шиваза читает колхозникам артели имени Фрунзе свои стихи.

Председатель Милянфаньского сельсовета Ванахун Нусваза рассказывает о большой судьбе советских дунган.

Е. РЯБЧИКОВ

Фото В. Евграфова

Специальные корреспонденты «Огонька»

Поток дымчатого золота прорвал фиолетовую мглу «Небесных гор»—киргизского Ала-Тоо. Солнце, поднявшееся над зубчатыми вершинами, отразилось в белых гранях ледников и окрасило алым цветом пенистые струи водопадов. Растаял туман, и взору открылась плоская долина, едва заметно склоняющаяся к пенистой Чу.

Жители Милянфаня давно облюбовали для рисовых плантаций заболоченные места долины близ реки. Чтобы попасть к прославленным рисоводам, мы свернули с голубовато-черной автомобильной дороги вблизи Канта и поехали по узкому, затейливо петляющему проселку. Утренний ветер шумел в кустах, весело журчали арыки, в облаках пыли появлялись и исчезали дома, глинобитные дувалы, тополевые аллеи, раскидистые тутовые деревья.

Мы спросили у нашего спутника поэта Ясыра Шивазы, что значит слово «Милянфань».

— Рисовая долина, — ответил Шиваза. — Это по-китайски.

* * *

Машина остановилась у прекрасного каменного здания клуба. Густые деревья бросали короткие тени на его белоснежные стены.

Ясыра Шивазу обступили мужчины и женщины. Они оживленно заговорили на незнакомом языке.

— Хома! — Поэта приветствовала молодая женщина с туго заплетенной черной косой. В длинном, синем халате и пестрых шароварах, заправленных в матерчатые туфли, она была удивительно похожа не только костюмом, но лицом и фигурой на китаянку.

К Ясыру подошел водяной надсмотрщик колхоза Боваза Шисир, в меховой круглой шапке со стеганым верхом. За ним — худощавый, гибкий мальчик с китайской скрипкой — сыхуза — в руках.

Создавалось впечатление, будто мы, свернув с автомобильной дороги у Канта, внезапно оказались где-то в Китае. Рисоводы называли здесь свои дома фанзами, селение—«шон-чжуон», дорогу—«лув», а рисовое поле — «до-ди»... Узоры настенных ковров, бумажные веера и фонарики в клубе, казалось, сошли со старинных китайских гравюр.

Как очутились здесь, у подножья Ала-Тоо, выходцы из далекого Китая? Как перенеслись сюда многие традиции, навыки, язык и архитектурные особенности, присущие провинциям Китая — Шэньси и Ганьси? Граница с великой страной проходит по снежным хребтам Коок-Шаала, до которых отсюда много километров. Ледяные пики и вечноснежные перевалы отделяют Китай от этих колхозных пашен и фанз. Очевидно, в далеком прошлом нужно искать те пути, по которым пришли из Китая отцы и деды советских людей, живущих в Милянфане.

* * *

В провинциях Китая, главным образом в северо-западных, насчитывается более тридцати пяти миллионов дунган — китайских мусульман. Наука еще не дает точного ответа на вопрос, откуда и как пришли в Китай дунгане. Существуют предположения, что предки дунган были арабскими воинами. Они слились с народом Китая и отличаются от него только тем, что сохранили мусульманскую религию. По другой версии, дунгане — потомки воинов среднеазиатских завоевателей, оставшихся навсегда в Китае. Одни лингвисты утверждают, что слово «дунгане» происходит от уйгурского «тургане», что означает «оставшиеся», другие считают, что слово «дунгане» — «искаженное «чжоу юаньжэнь»: «человек Срединной земли», китаец.

Судьба дунган была полна мрака и горя. В течение веков находились они под неимоверным гнетом правивших клик, считавших мусульман низшими существами. К этому прибавлялся жесточайший произвол мусульманских феодалов. Многомиллионный народ не раз подымался против своих поработителей. Дунганские восстания охватывали значительную часть населения.

— Мы овладеем техникой,— говорит колхозный шофер Хахаза Мугаза.

Крупнейшее такое восстание в Китае вспыхнуло в 1862 году. На подавление его были брошены императорские войска. Но восстание продолжало расширяться. Мощное народное движение выдвинуло бесстрашного полководца, известного под именем Бэй Янь-ху, что значит «Отважный тигр». Более десяти лет дунгане под руководством Бэй Янь-ху отражали атаки правительственных войск. Отряды повстанцев переходили из провинции в провинцию, всюду находя помощь и сочувствие китайского трудового народа.

Император посылал все новые армии против Бэй Янь-ху. Силы повстанцев истощались. Они отходили к северным рубежам страны. Понеся огромные потери, обескровленные, измученные, дунгане вынуждены были перейти границу и искать спасения в России. В декабре 1877 года, в месяц жестоких бурь и морозов, отряды воинов под водительством Бэй Янь-ху стали переправляться через горы. Отражая атаки преследователей, страдая от стужи и нехватки пищи, но оберегая своих жен и детей, повстанцы одолели горные вершины и очутились в долине.

Более тридцати тысяч дунган поселилось в так называемом Семиречье — на территории Киргизии и Казахстана. Жизнь дунганских переселенцев в старой России мало чем отличалась от их жизни под игом императорской власти в Китае. Только советская власть раскрепостила их, как и миллионы трудящихся всех национальностей, живших в царской России.

* * *

Почтенный Ванахун Нусваза, председатель Милянфаньского сельского совета, пригласил нас в свою фанзу.

— «В каждом месте — свой обычай, на каждых десяти ли — свой говор», — привел он народную пословицу. — Гость идет сначала в фанзу, потом занимается своими делами.

Мы вышли на широкую улицу Милянфаня. За садами и глинобитными заборами белели опрятные домики. Вдоль арыков тянулась шеренга электрических столбов. С рисовых плантаций доносились песни и звуки сыхузы. Услыхав песни, Ясыр Шиваза встрепенулся, глаза его сверкнули.

— Твои песни люди поют, Ясыр! — значительно сказал Ванахун.

Фанза председателя сельского совета стоит на улице, носящей имя его родного брата. Мы вошли в дом и увидели на стене, обшитой цыновками, фотографию узкоглазого юноши. Бумажные цветы и узоры обрамляли его красочным венком.

— Когда человек жертвует собой за народ, — сказал Шиваза, — ему не страшна и смерть. Наш народ гордится Ванахуном Манзусом: он отдал свою жизнь за Родину, за народ. Он Герой Советского Союза.

Агитатор колхоза водяной надсмотрщик Хахаза Манваза читает свежий номер газеты колхозницам Цунчеза Мамеза и Ванахун Амие.

Хозяйка фанзы, Хапуза, усадила нас на кане — плоской, широкой печи-лежанке, застланной толстыми узорчатыми коврами. На кан поставили низкий столик, а вдоль стен уложили пестрые подушки. Мы уселись, поджав под себя ноги. Хапуза подала пресные булочки-пампушки, рис, рыбу и пиалы с горячим чаем.

Весть о приезде поэта распространилась по колхозу. Повидать Ясыра Шивазу, послушать его новые стихи и поговорить с приезжими пришли председатель колхоза имени Фрунзе Василий Алексеевич Хаминов, его заместители Воилоер Дедиза и Насыза Хаваза, бригадиры Янфу Джамали, Мумуза Молода, знаменитый в колхозе мастер на все руки, строитель и архитектор Дауза Хуаза, заведующий овцеводческой фермой орденоносец Фунлоер Суваза, колхозники — рисоводы и животноводы.

— Наш колхоз имени Фрунзе— один из многих дунганских колхозов,— сказал нам Василий Алексеевич Хаминов. — До революции дунгане и в России вымирали от болезней и тяжелой жизни. Отцы и деды дунган батрачили у кулаков и баев. Теперь народ растет и крепнет. Заметьте: дунганские колхозы в Киргизии и Казахстане — «Кызыл Шарк», наш колхоз, «Дыйшин» и еще два — колхозы-миллионеры. Государство передало нашей артели на вечное пользование 3326 гектаров земли. Под рисовыми плантациями у нас занято 465 гектаров. Мы имеем свою электростанцию, мастерские, гараж, большой парк сельскохозяйственных машин.

Ванахун предложил нам осмотреть хозяйство артели. Мы вышли из гостеприимной фанзы и направились на колхозный двор. Всюду звучала музыка, принесенная в «Рисовую долину» радиоволнами из Москвы. На колхозном дворе стояла колонна грузовиков. Василий Алексеевич Хаминов познакомил нас с водителями машин — дунганами Лалазой Арбуду, Хахазой Мугаза и их товарищами. Загорелые, веселые шоферы вышли из кабин и горячо приветствовали своего поэта Шивазу.

Из кузницы доносился веселый перестук молотков. Молодой кузнец Назиза Арзи со своим учителем, старым, опытным кузнецом Иваном Рыбалкиным ковали оси для бричек.

— Готовимся к уборочной,— пояснил Насыза Хаваза. — У нас пра-

Птичница Цунчеза Мамеза.

Юные дунгане получили новые книги.

Научные сотрудники Киргизского филиала Академии наук СССР дунгане Юсуп Яншансин и кандидат исторических наук Хасан Юсуров.

Председатель колхоза имени Фрунзе Василий Алексеевич Хаминов (слева) и ветеринарный фельдшер колхоза Лома Мамаза.

вило: заранее готовить все хозяйство и к севу и к уборочной.

В шорной мастерской трудились Диваза Ламзар и Маназа Хахаза. Груды отремонтированных хомутов свидетельствовали о старательности и искусстве мастеров. Около механической мастерской мы увидели трактористов Хахазу Мухаме, Фушанло Исмазу и комбайнера Лалазу Исхара. Они сидели в тени и рассматривали чертеж.

— Наши трактористы и комбайнеры славятся в районе и не только в районе, — с гордостью сказал Воилоер Дедиза. — Они перевыполняют планы, экономят горючее и сами ремонтируют машины.

Три дня пробыли мы в Милянфане, и каждый из них открывал перед нами новые страницы жизни советских дунган. Колхозные электрики Сушила Мухаиза, Лома Вундизи, Сушила Исмаза и Гурба Иблаза занимались проводкой новых электрических линий: к осени в колхозе будет работать более десятка электромоторов. Известный в Кантском районе ветеринарный врач дунганин Лома Мамаза сделал доклад животноводам артели. Колхозный национальный ансамбль дал концерт, на который собралось множество зрителей...

Заведующий почтовым отделением в Милянфане Маданза Лейбуза рассказал нам: колхозники получают 148 экземпляров газет, 62 экземпляра журналов, много писем и телеграмм. Заведующий колхозным книжным магазином Харки Лючиза дал еще более интересную справку: магазин ежемесячно продает разной литературы в среднем на 4 тысячи рублей. Многие члены артели теперь имеют собственные библиотечки.

— Колхозники очень интересуются жизнью нового, свободного Китая, — рассказывал Харки Лючиза. — Книги о нем расхватываются мгновенно. Газеты и книги с очерками о победившем революционном Китае переходят из рук в руки. Мы бесконечно рады, что теперь, под руководством коммунистической партии и ее вождя Мао Цзе-дуна, китайский народ зажил свободной, счастливой жизнью.

* * *

Мог ли мечтать отец Хасана Юсурова о том, что его сын будет кандидатом исторических наук? Мог ли кто-нибудь в роду Юсупа Яншансина предполагать, что Юсуп создаст дунгано-русский словарь, станет видным ученым-филологом? И ни одна дунганка, конечно, не смела раньше думать о том, что женщина ее народа может стать ученой. Но сбылось казавшееся невозможным. Хасан Юсуров и его товарищ Юсуп Яншансин трудятся в Киргизском филиале Академии наук СССР. В братском содружестве с русскими и киргизскими учеными развивают они науку. Рука об руку с ними работает женщина-ученый дунганка Шин Ло-лоджар.

Среди дунган — рабочих, колхозников, ученых, врачей и инженеров — немало людей, удостоенных высоких правительственных наград. Из колхоза имени Фрунзе вышел Герой Советского Союза Ванахун Манзус, колхоз «Кызыл Шарк» славится двумя Героями Социалистического Труда. В этом колхозе почти все члены артели имеют правительственные награды.

Спустя несколько дней мы отправились самолетом из Фрунзе, через высочайшие хребты Тянь-Шаня, в Ошскую долину, чтобы увидеть дунганский колхоз «Кызыл Шарк». Командиром нашего воздушного корабля оказался дунганин Салих Шимов. Худощавый, подтянутый летчик вел корабль слепым полетом. Пробивая облака и туманы, самолет шел над вечноснежными пиками, над льдами и зловещими пропастями.

В Джалал-Абаде, во время недолгой стоянки, мы разговорились с летчиком. Отец Салиха был укладчиком папирос на табачной фабрике. Советская власть дала возможность ему и всей семье Шимовых учиться, работать по призванию. Мать Салиха, Зулейха Шилазовна, поехала в московский медицинский техникум; сейчас она работает в детской поликлинике во Фрунзе. Отец, Сулейман Таирович, ставший офицером Советской Армии, погиб во время Отечественной войны в лесах Смоленщины. У Салиха было два брата — Джамар, аспирант Киргизского сельскохозяйственного института, и Али, солист Киргизского театра оперы и балета. Оба они ушли на фронт и пали смертью героев.

Салих, окончив школу, учился в педагогическом институте. Но его влекло небо. Комсомол помог Салиху поступить в авиацию. Во время войны Шимов готовил летчиков для фронта. В 1946 году он демобилизовался и с тех пор работает в гражданской авиации.

— Сколько вы налетали километров? — спросили мы Салиха.

— Миллион. Я летал на самолетах самых различных типов и конструкций, — ответил летчик.

К командиру корабля подошел бортмеханик Николай Солдатов и доложил, что самолет готов к вылету. Шимов надел защитные зеленые очки, предохраняющие глаза от яркого горного солнца, перекинул через руку плащ и пошел к машине. Волевое лицо его, освещенное солнцем, было спокойно. Уверенно повел он корабль на большой высоте, доступной лишь горным орлам.

...Колхозные умельцы, летчики, ученые, поэты, механики... Светлый путь открыт перед советскими дунганами. В братской семье народов Советского Союза нашли они свое большое счастье.

Летчик-миллионер Салих Шимов перед полетом через хребты Тянь-Шаня.

Суворовские чудо-богатыри на марше.

Суворов и Кутузов перед штурмом Измаила.

Рисунки О. Верейского.

В. И. Суриков. ПЕРЕХОД СУВОРОВА ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ В 1799 году.

СУВОРОВ В ПРАГЕ.
Рисунок О. Верейского.

У БРОДА

Рассказ

Ион КАННА

Рисунок В. Климашина

Не забыть мне то лето, когда части Советской Армии освободили Молдавию от оккупантов. Стояли знойные дни и звездные ночи. В нашем колхозе «Путь Ильича» работы хватало по горло. Особенно доставалось строительной бригаде: она и лес заготовляла, и колхозную конюшню достраивала, и дома колхозников ремонтировала.

Как-то вечером зовет меня бригадир и говорит:

— Вот что, Штефан, ты хотя и молодой, но расторопный, я на тебя надеюсь больше, чем на кого-либо другого. Отбери трех человек, коней и подводы и айда в Оргеевские леса на заготовку. Вот тебе и наряд райисполкома.

Только я собрался с мыслями, а бригадир повернулся и ушел. Хотел его догнать, да передумал. Нравится или не нравится — вопрос особый, но если хочешь кушать пироги с яблоками, то от работы не отлынивай.

Привели мы в порядок телеги, запаслись провизией и кормом для лошадей и на рассвете тронулись в путь.

Оргеевские леса знаете? И до чего они красивые: кряжистые, старые дубы, стройные березы! Хорошо поспать бы там ночку, да не пришлось. Нагрузили мы подводы и под вечер двинулись в обратный путь.

Кони у нас крепкие, упитанные, только взмахнешь кнутом — рысью бегут. Как, однако, ни подгоняли, а солнышко нас опередило: село оно за Днестр, и темнота наступила. У переправы встретили паромщика Ирофте. Человек он старый, седой, как лунь, лицо иссечено морщинами, зубы стерты от времени. На голове у него кушма [1], на плечах старенький зипун.

— Распрягайте коней,— предложил Ирофте мягким голосом,— разведите огонь, поужинайте и ложитесь спать. А чуть свет я вас на ту сторону перевезу.

Подтянули мы подводы к Днестру, распрягли коней и дали им зерна, смешанного с половой. Тимофте и Василь отправились собирать щепки, Андроник пошел к колодцу по воду, а я стал готовить ужин.

Вскоре запылал костер. Достали мы из мешка сало, хлеб, жареную утку и бурлуй [2] с вином. Выпили мы за счастливую жизнь. Стакан, конечно, не миновал и Ирофте, а в стакане добрых пол-литра. Согрелся старик, пожевал хлеб с утиной ножкой и стал расспрашивать про колхозную жизнь. А Тимофте ему отвечает:

— Ты нам, дед Ирофте, расскажи что-нибудь про Штефана великого, про его доблестную армию.

Андроник время от времени подбрасывал в костер щепки, и тогда огонь озарял наши лица. Ирофте при свете огня напоминал сказочного лешего. Глаза его были прикрыты густыми бровями, сросшимися на переносице, острый нос с горбинкой резко выделялся на побуревшем от старости лице, но слова его, задушевные и спокойные, лились, как родниковая вода.

Он рассказывал, как молдаване обороняли от турок Оргеев и Хотин, Бендеры и Аккерман, как лилась кровь предков, защищавших родную землю от врага.

— Турки были сильнее, потому они нас и разбили. А теперь нас, молдаван, снова объединил в одну семью великий человек. Имя его — Сталин.

Паромщик достал из-за пояса кисет и, высыпав в сухой кукурузный лист самосад, свернул длинную цыгарку и закурил. Кольца табачного дыма, лениво поднимаясь над костром, исчезали в ночной тьме.

— Место, у которого мы сидим, — продолжал Ирофте, — называется Суворовским бродом.

— Почему его так назвали? — спросил Андроник.

— По имени великого русского полководца, — ответил Ирофте. — Дело это было давно, при деде моем Онике. Жили тогда молдаване в лачугах. Платили они туркам дань золотом и овцами, раз в четыре года отдавали самых красивых девушек. Однажды ночью турки окружили деревеньку, в которой жил мой дед, и стали грабить. Женщин и девочек связали, чтобы увезти в Константинополь, а мужчин и мальчиков согнали к костру, чтобы сжечь живыми. И вдруг с другого берега Днестра трижды пропел петух.

«Что бы это значило?» — с удивлением спросили друг у друга осужденные на смерть. Тогда Оника поднял высоко голову и сказал: «Если петух пропел, — значит, скоро ночь кончится». И только произнес Оника эти слова, как тьма расступилась, свет поднялся над землей, в степи раздались ружейные выстрелы. Турки испугались, бросились бежать, а за ними гнались какие-то люди и на лету рубили им головы острыми шашками. Женщины и девушки плакали от радости, а мужчины громкими криками выражали свое ликование. Потом въехала в деревню старая бричка, запряженная рыжими откормленными лошадьми. В бричке сидит сухощавый генерал, глаза у него светлые и умные-умные. Грудь вся в крестах и медалях. Подошел к нему Оника, поднес хлеб с солью и говорит:

— Спасенные от смерти благословляют тебя и народ, из которого ты вышел.

Принял генерал хлеб, поцеловал Оника трижды — это у них так водится — и сказал:

— Передай молдаванам, что не видать им больше турок. Отныне будете жить с русскими.

И уехал.

Стоят старики, радуются и все не верят, что остались жить.

— А кто же этот генерал? — спросил один из жителей, и все пожалели, что не узнали его имени.

Побежал тогда Оника к своему дому, вывел коня, вскочил на него и ускакал быстрее вихря. Догнал он генерала и машет ему рукой. Остановил генерал лошадей и спрашивает:

— Чего тебе надо, голубчик?

— Молдаване просят сказать, как тебя зовут, чтобы вечно помнить о тебе.

— Пусть помнят русских солдат, — ответил генерал, — а меня зовут Суворовым.

Генерал махнул рукой, кучер тронул лошадей. А Оника вернулся в деревню. И решили молдаване назвать место на Днестре, где русские перешли реку, Суворовским бродом.

Мы внимательно слушали паромщика. Когда он закончил, Андроник хотел было что-то спросить, но Ирофте поднял старую, костлявую ладонь, давая понять, что рассказ не закончен.

— Теперь мы это место называем бродом двух Суворовых. Не спрашивайте, почему, — я сам расскажу. Вы, правда, детьми были, но румынских бояр все же помните. Не лучше турок были. Мы, старики, терпели, но знали, что правда придет с востока. Знали, что настанет день, когда Сталин скажет: «Нет с нами молдаван — наших братьев с правого берега Днестра. Настало время их освободить».

И этот день пришел. Поднялись за Днестром самолеты и перелетели через реку. Дети наши бегут и кричат: «У них на крыльях красные звезды!» А потом перешли через Днестр танки и машины. И такое пошло по всей Молдавии! Народ встречает сталинских героев с хлебом и вином. Вышел и я на улицу, подхожу к танку, а возле него стоит молоденький командир, вот такой, как ты, — дед ткнул Андроника пальцем в грудь, — спрашиваю: «Кто ты есть?» «Я, говорит, дедушка, советский лейтенант, командир танка, первый переправился через Днестр без твоего парома». Поцеловал я его трижды, как полагается у русских, выпили с ним по стакану вина и крепко пожали друг другу руки. Потом лейтенант ловко вскочил на танк, как я в молодости на коня, и говорит: «До свидания, братья». А я его спрашиваю: «Как тебя, сынок, зовут?» «Лейтенант Суворов», — ответил он, дал знак, и танк сорвался с места.

Я не знаю, кем он приходится генералу Суворову, но только теперь мы это место называем бродом двух Суворовых.

Ирофте умолк.

Над влажной землей всходило солнце. По Днестру медленно стлался предутренний дымок.

Переправившись на другой берег, мы двинулись в путь. Позади нас остался брод двух Суворовых.

Перевод с молдавского Ф. ГАРИНА

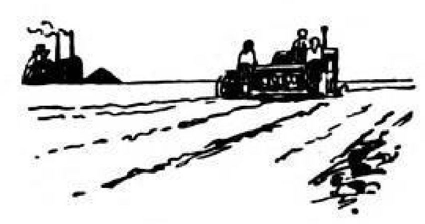
[1] Высокая шапка из мерлушки.
[2] Глиняный горшок с узким горлышком.

За синим морем

Андрей **МАЛЫШКО**

Рисунки Л. Бродаты

Весна этого года

Начинается ручейками,
Что на зорях ведут разговор
Меж лугами да меж полями,
Меж высоких Карпатских гор.

Наполняет реки до края,
Каждый кустик проснуться зовет,
И от Волги, Днепра, Дуная
Аж до синих морей цветет.

То пронизана солнечным блеском,
То за тучками целый день
По смоленским идет перелескам
И по плавням реки Ирпень.

Словно сказочная жар-птица,
В класс ребят провожает селом
И на грудь пионера ложится
Золотистым своим крылом.

Вот уж первый подснежник глянул,
Первый жаворонок в небе встал,
Первый дуб над своей поляной
Голубями заворковал.

Теплым ветром озимь колышет,
И заботы и ласки полна,
И, моторное эхо заслышав,
Откликается эхом она.

Блещет зайчиками в автоле,
В проводах сверкает, как жар.
И на девичьи руки в поле
Первый солнечный лег загар.

Первый трактор идет пригорком,
В кузне первую ладят деталь,
И одна за другой вдогонку
Льются первые борозды вдаль.

А она, в труде неуёмна,
По железной реке идет,
А она на горячие домны
В Запорожье багрец кладет.

И с литейщиками-мастерами
Дружно делает дело свое:
Разливает она ковшами
Для плугов, для машин литье.

И в Москве — в голубую
рóздымь, —
Чтоб сияли тысячу лет,
Поднимает Кремлевские звезды —
Коммунизма великий свет.

И проносится над берегами
И в Нью-Йорке, за далью морей,
Разговаривает с врагами
Словом гнева и правды своей.

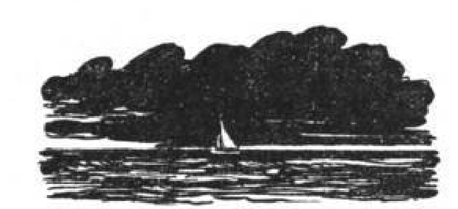
И заводчики брови хмурят,
И от страха бледен банкир,—
То громá ее, словно бури,
Потрясают их черный мир.

Перевел с украинского
Михаил ИСАКОВСКИЙ

В заокеанской стороне

В заокеанской стороне,
Где побывать случилось мне,
В холодных тучах помню дали,
Закат и нá море волну.
Передо мной огни вставали...
Я помню шум, и тишину,
И паровоза крик печальный,
Я помню небо в сентябре
И одинокий парус дальний
На угасающей заре.

В заокеанской стороне,
Где гостем быть случилось мне,
Я дорогих друзей нашел.
Садился с ними я за стол,
Я пробовал хлеб-соль и джин их.
И мы беседовали там
И, как у нас на именинах,
Сердца делили пополам.

Мы радовались мысли жгучей, —
Беседа дружная велась
Про Сталинград, и Днепр, и кручи,
Где буря битвы пронеслась.
Про милые мои края
Мы говорили как друзья,
Полны взаимопониманья.
Но там встречал я и врагов,
Ясны мне были их желанья, —
Враги глядели из углов,
Где притаились...
отравили
Они меня бы, опоили
Отравою, сожгли в огне,
Распяли в тяжкую годину
За радостную Украину
Советскую в семье единой,
Которой нет дороже мне.
За то, что их друзья в могиле,
А мы, как видите, живем
И черной кровью окропили
Поля за нашим рубежом;
За молодые вишняки,
За гул победоносной славы,
За то, что мыслью не лукавы.
Не смеют!
Руки коротки.

Как хорошо,
что наш народ
Плоды победы бережет,
Что добрый конь на всякий случай
У нас оседланным стоит,
Что наших стягов жар могучий
Дунай и Эльбу золотит,
Что наши руки не устали,
Что порох держим мы сухим,
Что воронье мы разогнали,
Что мы работаем, творим,
Что край советский, расцветая,
Шумит, поет, многоголос,
Что нынче ночью мать родная
Не проливает горьких слез.

Припомнилось все это мне
В заокеанской стороне —
В далеком Сáтбори, в Канаде.
Прощай же, Сáтбори, прощай,
Я возвращусь в родимый край,
А ты счастливой жизни ради
Иди по верному пути:
Сверкни разгневанной грозою
И на гнездо фашистов злое
Ты молот гнева опусти.

Перевел Ник. УШАКОВ

В лифте

Лифт в высоту поднимает нас
Утром, и в полдень, и в поздний
час.

Не темен, но и не зáлит светом...
Входишь в гостиницу,—
увидав,
Тебя негритянка встретит
с приветом,—
Работа ее: всё ап и давн [1].

Ей, уже старой, дела немало —
С утра и до ночи рука навесу...
Хоть на работе седою стала, —
Одни — наверху,
а она — внизу!

Жизнь, словно лифт, пред нею
проходит,
Разве удержишь скупую слезу!..
Одни здесь живут, всем
верховодят,
Одни — наверху,
а она — внизу!

В лифте свои обычаи;
знаю,
Мистер к ним с детства еще
привык:
Пред белой лифтершей шляпу
снимает,
Пред черной лифтершей стоит,
как бык,

Шляпу поглубже натянет на уши,
Топчется, словно подошвы —
в огне,
Словно его донимает удушье.
Ехать с такими приходится мне.

Вот их с десяток набилось
в кабину.
Морды, как ростбиф,
у них из-под шляп...
Черные руки ведут машину
Выше и выше,
всё ап да ап.

Все отвернулись — черная рядом.
Грузно, по-бычьи топчутся стадом.
Не горняки, что закончили смену,
Не из таких —
бизнесмен к бизнесмену.

[1] Ап — вверх; давн — вниз.

Нет, меня, помню, учила другому
В детские годы наставница-мать:
Кланяться низко старшему в доме
И перед матерью шапку снимать.

И целовать ей усталые руки
(Белы иль черны — беды никакой!)
За материнские тяжкие муки,
За труд материнский, великий,
святой.

Только, быть может,
встретясь в дороге,
Не поклонился бы женщине той,
Что родила этих злобных двуногих,
Едущих — в серых шляпах —
со мной!..

Дверцу открыла нам на стоянке...
Кланяясь, кепи снимаю один.
Кланяюсь низко тебе, негритянка,
Так, как поклонится матери сын.

За то, что в глазах
и честных и чистых
Боль неизбывную вижу твою;
За сыновей твоих —
трех коммунистов,—
Их линчевали в черном краю.

Как засверкала слеза тоскою!

Заговорили, меняя тон,
Гангстеры-мистеры между собою:
— Совьет Унион!
— Совьет Унион!

Лифт, уже вниз спускаясь,
колышет,
А негритянке сдается, что вот
Счастье все выше, выше и выше,
Словно на крыльях, ее несет.

Канадская песенка

Работал в шахте он семь лет, —
Ручьями пот, а денег нет.

Не поседел с досады,
Хоть доля солона.
Канада ж ты, Канада,
Веселая страна!

Еще не знал солдатских ран —
Пошел на фронт за океан.

Бьют бубны, словно рады,
Что ждет его война.
Канада ж ты, Канада,
Веселая страна!

Вернулся, раненный в бою,
С войны в хибарку он свою.

Ни встречи, ни парада,
Да что там ордена!
Канада ж ты, Канада,
Веселая страна!

Вновь проливать на шахте пот —
И вот стоит он у ворот.

Нет, рук его не надо.
Работа, где ж она!
Канада ж ты, Канада,
Веселая страна!

Мрачна солдатская душа:
Уже в кармане ни гроша.

Не то он слышал, в бой спеша,
Да богачи ведь гады,
Порода их одна...
Канада ж ты, Канада,
Веселая страна!

Перевел Анатолий КУДРЕЙКО

Надписи на камне

1. ЛИСИЦА-ДИПЛОМАТ

Буквы на гробнице говорят:
Мистер Фокс, лисица-дипломат.

Начал он карьеру в Вашингтоне,
Как знаток и страж народных прав.
Выступая в лицемерном тоне,
Был угодлив, ловок и лукав.

Когти он точил, но мех свой рыжий
Под руном овцы умел скрывать.
Полдесятка лет брехал в Париже,
Что стоит за мир и благодать.

Защищал фашистов и вишистов,
Обелить старался чанкайшистов.

Подкупом людей ловил он в сети
И немало захватил земли...
А теперь ему на этом свете
Только три аршина отвели!

2. ПОЛИЦЕЙСКИЙ ИНСПЕКТОР

Здесь лежит, забыв свою родню,
Тот, кто жил на пятой авеню.

Пожил он продажно и тревожно,
Не ходил без палки никуда.

В чемоданах шарил он в таможне
И в карманах рылся без стыда.

С виду был он полицейским бравым.
Был не человеком — псом лягавым.

Он любил с народом расправляться,
А в расправе лют был и жесток.
И, боясь рабочих демонстраций,
Сам стрелял или свистел в свисток.

Но, поймать желая коммуниста,
Лопнул он от собственного свиста...

На его могиле вырос мох,
И свистит над ним чертополох!

3. ШПИК

Здесь под серым камнем погребен
Заурядный уличный шпион.

Был он вездесущ в своем квартале,
Пролезал во все дверные щели,—
Только бы его не услыхали,
Только бы его не разглядели!

Двое негров, выйдя на прогулку,
«Полюшко» запели без боязни.
Проводил он их по переулку,
А потом довел до места казни.

В ту же ночь он на работу вышел
Разузнать, что говорят в квартале, —
Только бы никто его не слышал,
Только бы его не увидали!

За студента ждал шпион награды,
Но начальство лишено учтивости:
Поскупилось, — и старик с досады
Умер от такой несправедливости!

На работу больше он не выйдет.
Ночью совы куст над ним колышут...
Но зато никто его не видит,
Но зато никто его не слышит!

4. «ЗОЛОТОЙ КОРОЛЬ»

Здесь под насыпью спит без прóсыпу
Тот, кто прежде владел рудником
И рабочих сгонял на россыпи
До рассвета протяжным гудком.

Кто платил им за золото мелочью
И плевал безработным в лицо,
Сам же ел с золотой тарелочки
Золотыми зубами мясцо.

А его золотая руда
Крови стоила людям труда.

Но óднажды в публичном доме
Он почувствовал в сердце боль,
И нечаянно взял да и помер
Золотых рудников король.

Был зарыт он осенней порою.
Частый дождь барабанил в гроб...
И не золотом — глиной сырою
Завалил его землекоп!

Перевел С. МАРШАК

Визит

Нынче зашли повидаться со мною
В номер гостиницы на Бродвее
Те бедняки, что дружны с землею,
В давние годы сроднившись с нею.

Те, что на фермах и жнут и косят,
Сеют и пашут под теплым небом...
Только зимою их дети просят
Дать им хоть цент на кусочек хлеба.

Те, что на фермах встают до зорьки
И молоко увозят на рынок,
А сами жуют зачерствелую корку
И запивают водой из крынок.

Те, что, за лето работу осилив,
Не получив настоящей платы,
В позднюю осень ногами босыми
Меряют Соединенные Штаты.

Не из банкирской породы-янки, —
Люди, в которых душа живая...
В памяти — Русов и Бородянка,
В памяти — Косов и Лозовая.

Некогда в путь из родимых хижин
Голод их выгнал — куда же деться!
Год девятьсот двенадцатый выжжен
Черным рубцом на бедняцком сердце.

И, попрощавшись, они покидали
Землю свою на рассвете туманном,
Как журавли, улетая в дали
Счастье отыскивать за океаном.

Но у конвейера, за станками
Как ни трудились с темна до света,

Как ни ловили его руками,
Горе узнали, а счастья все нету.

Очи на лоб от натуги лезли
В доках портовых в слепые ночи...
Там без труда их нашли болезни,
Только вот счастье найти не хочет.

А на земле арендатор грозен,
Жалкие хаты бедны и плохи.
Есть и мозоли, и пот, и слезы,
Только вот счастья — увы! — ни крохи.

Гости присели и в промежутке
Крутят махорочные самокрутки...
Руки сильны — горы б двигать такими,
Впору скрутить поджигателей ими!

— Ты расскажи нам, ведь мы с весною
Вновь безработицу ждем и горе...
Встал я тогда — и пшеница за мною
Поля колхозного встала, как море.

— Правда, что землю крестьянам отдали?..
Встал я — и словно за мной спозаранку
Земли колхозные встали садами
В Косове, Русове и Бородянке.

— Правда, что больше сохою не пашут,
Песни летят над полями, лугами!..

Встал я — и строем тракторы наши
Двинулись в поле, сверкая плугами.

— Правда ли это!.. А правда стояла
Тут же за мной, за моими плечами,
Песню вела и зерно наливала,
Плавила сталь огневыми ночами;

Шла Бородянкою и Лозовою,
В школу букварики детям давала,
Шла с трактористами ширью степною
И агрогород в степи подымала.

С лесополос от весеннего шума
Шла, раскрывая народную думу,
Прямо в столицу...
А гости не знают
И задают мне десятки вопросов.
Правду, пришедшую в Русов и Косов,
Матерью родичи их называют,

С ними она поля засевает,
С ними она в Кремле заседает.

— Кто вам помог расправиться с лихом,
Поднял страну, истекавшую кровью!
— Сталин, — сказал я взволнованно тихо.
— Сталин, — они повторили с любовью.

А как пошли после встречи короткой,
Вижу — упругою стала походка.
Вижу — крылатыми руки их стали,
Вижу — глаза огнем заблистали.

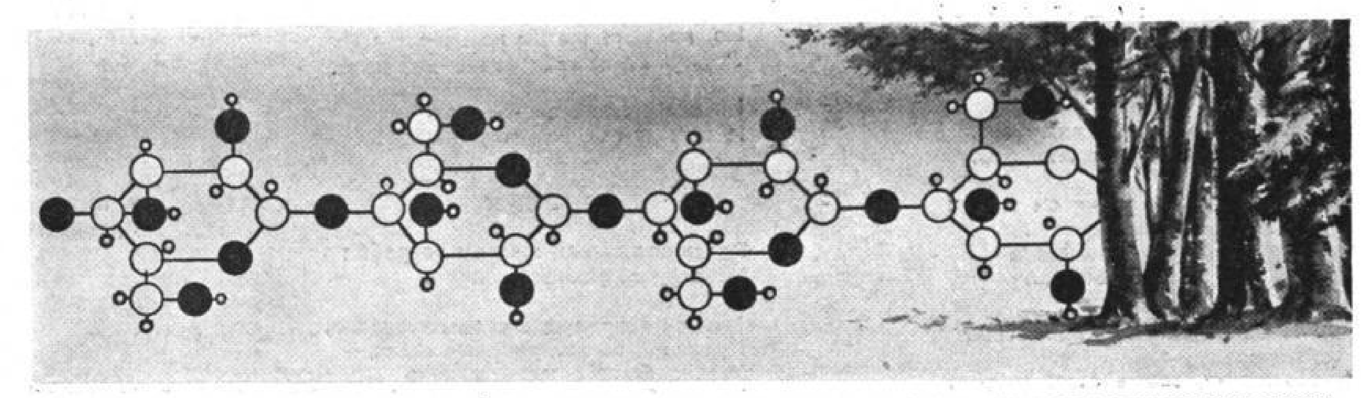
И, оглушенные шумом и криком,
Площади слушали звуки их речи...
С именем мудрым, простым и великим
Так и пошли они — солнцу навстречу.

Перевел Марк СОБОЛЬ

БОЛЬШИЕ МОЛЕКУЛЫ

Олег ПИСАРЖЕВСКИЙ

НАУКА ОБ АРХИТЕКТУРЕ МОЛЕКУЛ

Молекулы целлюлозы напоминают по форме длинную узловатую нить или цепочку из тысяч одинаковых звеньев.

История каждой науки знает переломные эпохи, когда между разрозненными данными, еще, казалось бы, неустановившимися, противоречивыми, обнаруживается взаимная связь и они укладываются в последовательную, стройную систему.

Внезапно словно рассеивается дымка, скрывающая далекую перспективу, и перед наукой открываются неожиданно величественные просторы. Обычно этот перелом бывает связан с фундаментальными открытиями и широкими обобщениями всех ранее накопленных знаний.

Такие события, превратившие органическую химию из собрания случайных рецептов, из суммы неуверенных догадок и произвольных допущений в строгую науку, готовую к новому наступлению на тайны природы, произошли в 60-х годах прошлого века.

Эти огромной важности открытия были сделаны в Казани, в лаборатории молодого тогда русского химика Александра Михайловича Бутлерова — ученика знаменитого Н. Н. Зинина. И весть о них тотчас облетела весь мир, нигде не встречая равнодушия. С одной стороны их встретило сопротивление рутины, злобная зависть, тупое высокомерие, с другой — восхищенное признание и поддержка, тем более радостные, что они исходили и от Д. И. Менделеева, мирового светоча естествознания.

В то время виднейшие химики Франции, Германии, Англии только-только, с трудом, — кстати, при активной помощи русских химиков Зинина и Менделеева — договорились о признании существования молекул — химических построек из атомов (а многие еще продолжали не доверять реальности атомов!). В недоумении останавливались они перед такими загадками, как различие в свойствах веществ, совершенно одинаковых по размерам и составу частиц.

Робкие умы все еще толкозали о таинственной, мистической «жизненной силе» для того, чтобы оправдать кажущуюся непостижимость строения и предполагаемую неповторимость в лаборатории веществ органического мира. Кое-где проскальзывали лишь первые догадки о существовании у разных атомов разного числа «скреп», связей, «атомных рук», способных захватывать разное количество других атомов в химическом соединении.

А Бутлеров уже шел дальше! В химической лаборатории Казанского университета им была заложена основа новой органической химии — наука об архитектуре молекул. Так можно назвать созданную им теорию химического строения. Она была опубликована в ученых записках университета и, как гром с ясного неба, прозвучала в докладе молодого исследователя со съезда естествоиспытателей в Германии. «Выступление Бутлерова было встречено холодно», — бесстрастно отмечал один из его биографов. А на самом деле оно вызвало бурю, которая не улеглась до сих пор.

До наших дней творцами теории химического строения часто называют на Западе тех, кто пытался ее отрицать, когда она была впервые высказана. И не только высказана! Бутлеров в десятках великолепных опытов показывал воочию, как атомы сцепляются в молекулы. Разным строением молекул одинакового атомного состава он объяснил казавшееся загадочным различие их свойств. Пользуясь своей теорией, он предсказал существование целого класса не открытых еще органических соединений. Потом он сам же обнаружил их... Жизнь жестоко надсмеялась над маловерами. Науке нельзя предсказывать неудачу!

Руководствуясь открытыми Бутлеровым законами строения — архитектуры молекул, — химики уверенно перешли от конструирования маленьких атомных «построек» к химическим «зданиям-гигантам». Сейчас они уже подходят к тому времени, когда не остается почти ни одного вещества в природе, которое не могло бы быть воспроизведено по бутлеровским «химическим чертежам». Мало того, химики создают вещества, которых нет в природе и которые наделены свойствами, специально для них запроектированными.

Развитие этой увлекательной области творческого соревнования человека с природой опиралось в первую очередь на достижения русских и советских ученых.

Осуществляется мечта Менделеева: все более разветвляется могучее дерево современной химии. И вместе с тем для создания новых материалов, красок, лекарств ученые пользуются все более простыми — «повсюдными», — как говорил Менделеев, повсеместно распространенными элементами.

УГОЛЬ И КРАСКИ

Какой набор красок и лекарств мы смогли заимствовать прямо у природы? Коричневые настои ольховой коры? Желтые экстракты из чешуи лука? Дорогой подарок южных стран — индиго, черный краситель из кампешевого дерева, алую краску из кошенили, некоторые окиси металлов, охру, мел? Да, это почти все, что добровольно уделила природа человеку из всего богатства созданных ею ярких красок.

Нам мало этих источников красящих веществ, особенно, если вспомнить, что нужны тысячи и тысячи тонн разнообразнейших красок для расцветки домов и тканей, для создания защитных покрытий на машинах и для живописи, украшающей нашу жизнь.

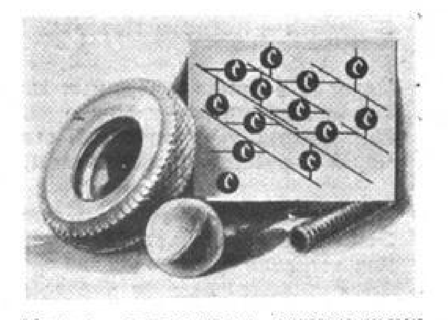
Мы обращаемся к «лесной аптеке» с ее валериановым корнем и липовым цветом, мы добываем пенициллин из плесени, разводимой в воздухе, навесу, в гигантских заводских баках. Но многие наиболее ценные лекарства изготовляются на заводах.

Уже Менделеев предвидел, что каменный уголь и нефть должны быть прежде всего химическим сырьем и лишь попутно — источником тепла. Только в наши дни сбывается это предвидение. Сильный нагрев в закрытых сосудах позволяет разложить уголь на составные части. По воле химика они выделяются для разных нужд. Расчлененные, потерявшие прочные связи молекулы, входившие в состав угля, варят нам пищу, когда мы зажигаем газ. Часть их собирается в виде темной, густой, резко пахнущей жидкости — каменноугольного дегтя. Это главный источник искусственных духов, пахнущих лилией и фиалкой, и это сырье для получения пирамидона, сальварсана, стрептоцида, сульфидина и многих других лечебных препаратов, фотографических проявителей, сахарина и красок.

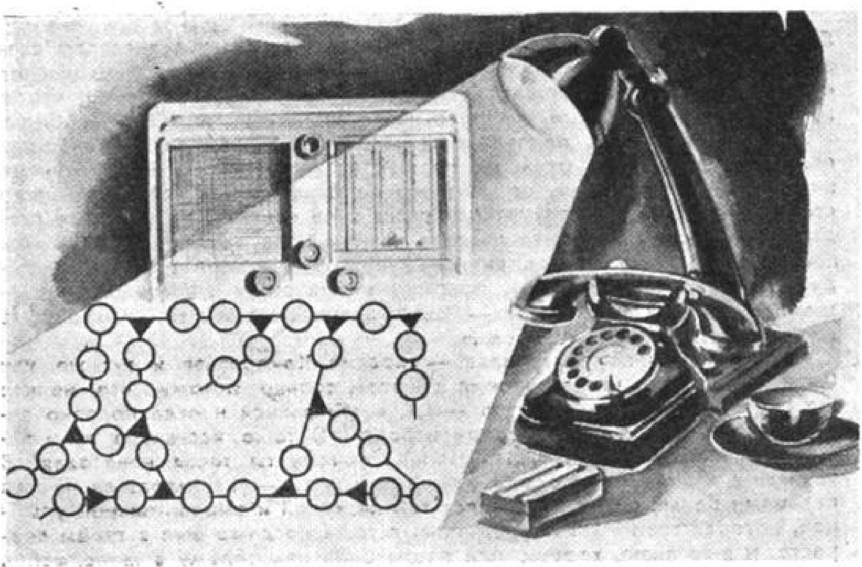
В ряду бесчисленных химических реакций, которые позволяют создавать столь разнообразные конструкции из простого сравнительно набора атомов, одна из первых и наиболее значительных была открыта учителем А. М. Бутлерова, знаменитым химиком Н. Н. Зининым. Работая над главной составной частью каменноугольного дегтя — бензолом, — он получил из бензола нитробензол, пахнущий горьким миндалем, а нитробензол превратил в анилин. Анилин — это основа промышленности синтетических красок. Анилиновые краски всех видов, какие только может придумать воображение художника, производятся теперь сотнями тысяч тонн.

Несмотря на то, что мы имеем здесь дело с относительно небольшими атомными постройками, их конструкции далеко еще не до конца изучены. Разрывая кольца молекул бензола и соединяя их в новых сочетаниях с другими атомами, химики все время будут открывать новые лекарственные, красящие и душистые вещества. Свидетельство тому — совсем недавнее присвоение Сталинской премии большой группе советских химиков, получивших новые соединения из каменноугольного дегтя.

Успешно работают также и те из наших химиков, которые посвятили себя изучению еще более сложных и крупных молекул. Область соединений, в которых участвуют большие молекулы так называемых высокомолекулярных соединений, очень заманчива и интересна. Их огромная величина придает им совершенно особые свойства...

Между отдельными нитевидными молекулами каучука перебрасываются короткие мостики из атомов серы.

Молекула пластмассы растет одновременно во всех направлениях в пространстве.

ПРИРОДА МАЛОИЗОБРЕТАТЕЛЬНА

Давно миновало время, когда химики занимались лишь усовершенствованием клейкого сока тропической гевеи и других поставщиков природного каучука. Природный каучук набухает от воды, размягчается в тепле, твердеет и ломается на холоде.

Когда случай помог впервые превратить каучук в резину, никто еще не понимал, каким образом действует применяемая для этого сера. Неясно было, почему при добавлении небольшого количества серы получается мягкая резина, еще способная к набуханию, а большая добавка серы делает ее тверже и жестче.

Впоследствии открылось, что атомы серы, как бы скрепляя длинные, запутанные, нитевидные молекулы каучука, превращают эти гибкие клубки в жесткий каркас. Молекулам растворителя уже не удается не только разъединить скрепленные таким образом молекулы-нити, но даже растолкать их.

Еще в прошлом веке молекулу каучука удалось раздробить на составные части, которые оказались в конечном счете атомами водорода и углерода. Они образуют маленькие молекулы, сцепляющиеся, в свою очередь, в длинные нити. Одна такая нить, увеличенная в десять миллионов раз, вытянулась бы на восемь метров змейкой толщиной в четыре миллиметра... Подобные нити свиваются, сплетаются в причудливом беспорядке. Если их растянуть, они снова стягиваются. Отсюда упругость каучука. Одним из промежуточных звеньев, из которых скована тонкая нить каучука, является соединение углерода и водорода — углеводород-изопрен.

Мы говорим об отдельных молекулах изопрена, но химик имеет дело одновременно с миллиардами их. В совокупности они представляют собой прозрачную жидкость. Она получается при разложении натурального каучука или душистых смол сосны, ели, кедра. Из нее можно снова создать каучук, что, впрочем, вряд ли обещает большие выгоды...

В 1906 году ученик А. М. Бутлерова Алексей Евграфович Фаворский открыл способ искусственного получения изопрена. Его находкой Россия воспользовалась только после Октябрьской революции, став родиной синтетического каучука. Этому предшествовал ряд других открытий.

Природа мало изобретательна в своих химических конструкциях. Во всеоружии учения Бутлерова об архитектуре молекул исследователь легко мог представить себе длинную молекулу со свойствами каучука, но составленную не только из изопрена, а из небольших молекул несколько иного строения.

Смело отказываясь от слепого подражания природе, выдающийся русский ученый Сергей Васильевич Лебедев нашел еще более простой углеводород — бутадиен или дивинил, который способен превращаться в каучук. Его работы, начатые еще в 1907 году, тоже не были поддержаны в царской России. Только с приходом советской власти его талантливые искания получили действенную помощь.

Лабораторный процесс создания искусственного каучука из бутадиена, слагаемого, в свою очередь, из осколков двух спиртовых молекул, стал в 1926 году промышленным способом. Спустя пять лет в Ярославле вырос крупнейший завод синтетического каучука. Знаменитый «СК» начал свое победное шествие по всему свету. Это было не только торжеством передовой науки, но и одним из первых знамений великих преимуществ советской социалистической системы.

При участии выдающегося советского химика, Героя Социалистического Труда академика Н. Д. Зелинского был разработан способ производства еще одного типа синтетического каучука.

Каждый вид искусственного каучука имеет свои особенности. Это обусловлено своеобразным строением их нитевидных молекул. Выбор их формы и строения теперь не случаен. Теория химического строения, созданная Бутлеровым, получила мощное подкрепление от физиков. Они принесли в химию тончайшие методы физического исследования.

За развитие физико-химического направления в исследовании больших молекул в 1950 году Сталинская премия присуждена члену-корреспонденту Академии наук СССР В. А. Каргину.

Советские физико-химики изучают не только «архитектуру» молекул, но и сложнейшую электрическую природу внутримолекулярных связей между атомами. Физико-химик наших дней подробно исследует влияние на эти связи — скрепы атомной конструкции — электрических полей, температуры и других физических воздействий. Таким образом, он получает возможность расширить «техническое задание» для синтеза нового вещества.

Можно, например, подобрать такое сочетание исходных строительных «блоков» сложной молекулы-цепи, которое будет наилучшим образом сопротивляться воздействию электричества. Так конструируются совершенные изоляторы.

Можно «сдвинуть» в любую сторону предел подвижности молекул при изменении температуры. С учетом этой возможности конструируется морозостойкий каучук, мало твердеющий в самые сильные холода.

МОЛЕКУЛЯРНЫЕ РЕШЕТКИ

Скоро о соревновании природного каучука с современным, искусственным говорить будет так же трудно, как о состязании коробчатого змея с реактивным самолетом. Перед растениеводами никогда не стояла задача создать каучук, одинаково пригодный и для водолазных костюмов и для тончайших покрытий на оболочках стратостата. Только мичуринская агробиология сумеет в будущем так разнообразить «задания» для природных каучуконосов... Но это уже сейчас в состоянии сделать химик по отношению к искусственным каучукам.

Для автомобильных шин применяются такие «СК», которые лучше других сопротивляются истиранию. Есть такие, которые совсем не набухают от бензина,— из них делают гибкие трубопроводы для нефтепромыслов. Есть синтетические каучуки, которые лучше прочих держат воздух в камерах автомобиля, и так далее.

Вулканизированный, то есть обработанный серой, каучук, в котором нитевидные молекулы образовали решетку со скрепами из атомов серы, — это прообраз многих других пластических масс, или, как их у нас сокращенно называют, пластмасс. В больших молекулах, из которых создаются пластмассы, часто присутствуют составные молекулярные «блоки». Они играют роль, подобную той, какую играет сера в резине, — скрепляют молекулярные решетки.

Меняя количество этих молекулярных «скреп», вводимых в пластмассу, пользуясь различными исходными продуктами, химик может конструировать пластмассы с более частыми или более редкими решетками — хрупкие или гибкие. Физико-химия и здесь открывает ему способы создания веществ с запланированными свойствами: светлых и темных, прозрачных и матовых — поглощающих световые лучи или свободно их пропускающих.

Пластмассы могут быть получены также и из больших молекул, между которыми нет особых молекулярных «скреп». Молекулы в таких веществах связаны между собой менее прочно, зато их можно лить под давлением.

Можно заранее рассчитать химическую стойкость формируемых в заводских смесителях молекулярных конструкций и делать их огнестойкими или, наоборот, горючими. Есть пластмассы, соперничающие в прочности со сталью, сопротивляющиеся воздействию кислот не хуже керамики.

Лучшие в мире пластмассы создаются на основе особенных, виниловых смол, способ получения которых более пятидесяти лет назад открыл академик А. Е. Фаворский. Виниловые пластмассы наиболее химически стойки и водоупорны, наименее растворимы. Их легко штамповать, избавляясь от затраты труда на обработку поверхностей получаемого предмета, будь то бесшумная шестерня для машины, пуговица или телефонный аппарат. Их можно лить под давлением, вытягивать из них волокна и пленки. Из подобных пленок делаются, например, цветные непромокаемые плащи.

Другие вещества, в разработке которых участвовал А. Е. Фаворский, послужили исходным материалом для создания прозрачных пластмасс.

МОЛЕКУЛЫ-НИТИ

Из гигантских молекул, не спутанных, как в каучуке, а объединенных в параллельные пучки, построены текстильные волокна. Молекула целлюлозы, из которой состоят обыкновенные хлопчатобумажные ткани — ситец, сатин, — слагается из сорока — ста тысяч атомов!

Эти громадные молекулы могут располагаться различным образом. Природные волокна не являются наиболее совершенными молекулярными конструкциями. Современному химику, который хочет в этой области померяться силами с природой, приходится работать, например, над тем, чтобы обеспечить значительно более равномерное расположение молекул по отношению друг к другу. Это дает возможность повысить крепость волокна. Только путем изменения расположения отдельных молекул можно резко повысить прочность искусственного волокна.

Однако природное и искусственное целлюлозное волокно обладает весьма ограниченным набором свойств. Природа не знает волокна кислотостойкого, устойчивого к действию бактерий, к действию высоких температур. Здесь приходит на помощь химия больших молекул. Из коротких атомных «цепочек» можно конструировать синтетические молекулы-нити различного состава. Изменяя состав исходных материалов, химики получают волокна разных свойств. Умело сочетая различные короткие атомные цепи, советские химики создали волокна, превосходящие природный шелк.

За создание одного из новых видов искусственного волокна большая группа советских химиков под руководством И. Л. Кнунянца и З. А. Роговина получила в 1950 году Сталинскую премию.

Советская «химия больших молекул» может гордиться своими достижениями. Но химики считают, что они сделали еще очень мало. Они осваивают большой путь, освещенный бессмертной теорией химического строения, созданной А. М. Бутлеровым. Советская система хозяйства вооружила их всеми возможностями наиболее быстрого продвижения вперед, к заманчивой цели создания совершенной химической технологии нашего времени.

СВЕТ НАД ЗЕМЛЕЙ

Из второй книги романа

Семен БАБАЕВСКИЙ

Весна и начало лета в верховьях Кубани чаще всего выдаются дождливыми. Бывает в иной год, что в июне не выдастся такого дня, чтобы в горах не гремел гром. Обычно с рассветом над станицей — ни облачка; солнце подымается из-за лесистого холма и заливает все вокруг таким слепящим светом, что глазам больно смотреть; воздух стоит тяжелый, горячий — душно даже в тени, а уже к обеду все небо в тучах, и с долины повеет приятной дождевой свежестью. К ночи же непременно польет такое, что по улицам загремят потоки и зашумят, как в бурю, сады.

Зато какое прелестное бывает утро после ночного дождя! Земля еще теплая и сырая, сады матово-сизые, листья в бисере росы. Еще не всходит солнце, а степь, с ее частыми курганами и пригорками, уже охвачена белым паром, и если посмотреть в такое утро с горы, то покажется, будто станица, со всеми своими садами и крышами строений, чуть покачивается и плывет в облаках... Иной день обойдется и без дождя, но к вечеру, когда потухнет заря и по-ночному шумно заговорят на перекатах вспененные реки, а по темным, еще в лужах, улицам зажгутся огни, — где-то там, над перевалом, засинеет небо и вместе с запахом трав и влажным ветром долетит в станицу глухой, но уже близкий отзвук грозы.

В один из таких вечеров по освещенным огнями улицам Родниковской проехала «победа». Забрызганные ее бока и залепленные жидкой грязью фары говорили о том, что пришла машина издалека и по дороге нелегкой. Объезжая лужи, она с трудом выбралась на край станицы и остановилась возле двухэтажного здания с красочной вывеской: «Красный кавалерист». Вверху, над крупными буквами, была изображена лошадиная голова.

Из машины, нагибаясь в дверцах, вышел секретарь райкома Николай Петрович Кондратьев, с непокрытой головой, в рубашке с расстегнутым воротом и в сапогах, испачканных грязью. Поправив под поясом рубашку, он мельком взглянул не то на гордую лошадиную голову, не то на лампочку, висевшую над вывеской, улыбнулся и пошел в дом.

По коридору, светлому, но не очень чистому, с мокрыми от ног следами на полу, Кондратьев проходил неспеша и так просто, точно был здесь хозяином; открывая то одну, то другую дверь, заглядывал в комнаты и, если встречал людей, здоровался и проходил дальше; сторожу, еще моложавому на вид старику, читавшему газету без очков, пожал руку и спросил, какие новости в газете. Сторож — старый казак-служака — считал, что секретаря райкома можно приравнять к чину, скажем, генерала, поэтому вытянулся и хотел было отрапортовать по всем воинским правилам, но Кондратьев положил руку старику на плечо и сказал:

— Хворостянкин у себя?

— Никак нет! — все еще вытягиваясь, крикнул сторож. — Игнат Савельевич были в своем кабинете днем, а потом уехали на тачанке и вечером быть не обещали... Бухгалтерия разошлась по домам — работа кончилась. Два учетчика еще сидят. Наверху также есть Антон Антонович Бородулин — все что-то выписывает.

— А Нецветова здесь?

— Татьяна Николаевна внизу, книги читает. Это она мне газетку дала.

— Ну вот я к ней и пройду.

Татьяна и в самом деле читала, только не книгу и не газету, а протоколы партийного бюро за последний месяц. В этих кратких записях она видела начало своей новой жизни, и ей хотелось посмотреть и на себя и на свою работу как бы со стороны и точно заново пройти по уже пройденному пути, но такое чтение вызвало у нее лишь грустную улыбку. Читая, она видела, что начало ее новой жизни сложилось как-то неудачно — итоги проделанной работы были совсем незначительные; что многие пункты решений, особенно касавшиеся Хворостянкина, сохранились простой записью на бумаге, а Хворостянкин какой был, такой и остался. «Кондратьев верит в мои силы, а я совсем слабая и ничего не умею делать», — подумала она, и от этой мысли, от сознания своей беспомощности ей стало так больно и горько, что к горлу подступил острый комок, а на глаза навернулись слезы обиды.

В таком горестном, подавленном настроении и увидел ее Кондратьев. Пожимая Татьяне руку, он посмотрел на нее тем коротким, но внимательным взглядом, от которого не укрылись ни разложенные по столу протоколы, ни удручающая тоска в ее светлых, но виновато глядящих глазах, ни нарочито веселая улыбка на исхудавшем и как бы постаревшем лице. «Вижу, вижу,— душой болеешь, а причину разгадать не могу, — подумал он, присаживаясь к столу и все еще изучающе посматривая на Татьяну. — Если о деле печалишься, — хорошо, а если о пустяках,— не годится...»

— Протоколы просматривала? — спросил Кондратьев и тут же, как бы давая понять, что заговорил об этом только потому, что нельзя же сидеть молча, сам ответил: — Да, в эти записи иногда полезно заглядывать — для лучшего самоконтроля... Я тоже частенько этим занимаюсь и других приучаю... А только почему ты такая невеселая? В твои лета и быть такой сумрачной — не к лицу. — И Кондратьев, трогая пальцами белый висок, улыбнулся той ласковой и выразительной улыбкой, которая говорила: «Эх, Татьяна, я тоже когда-то был в твоем возрасте, и я-то знаю, хорошо или плохо быть невеселому в молодости».

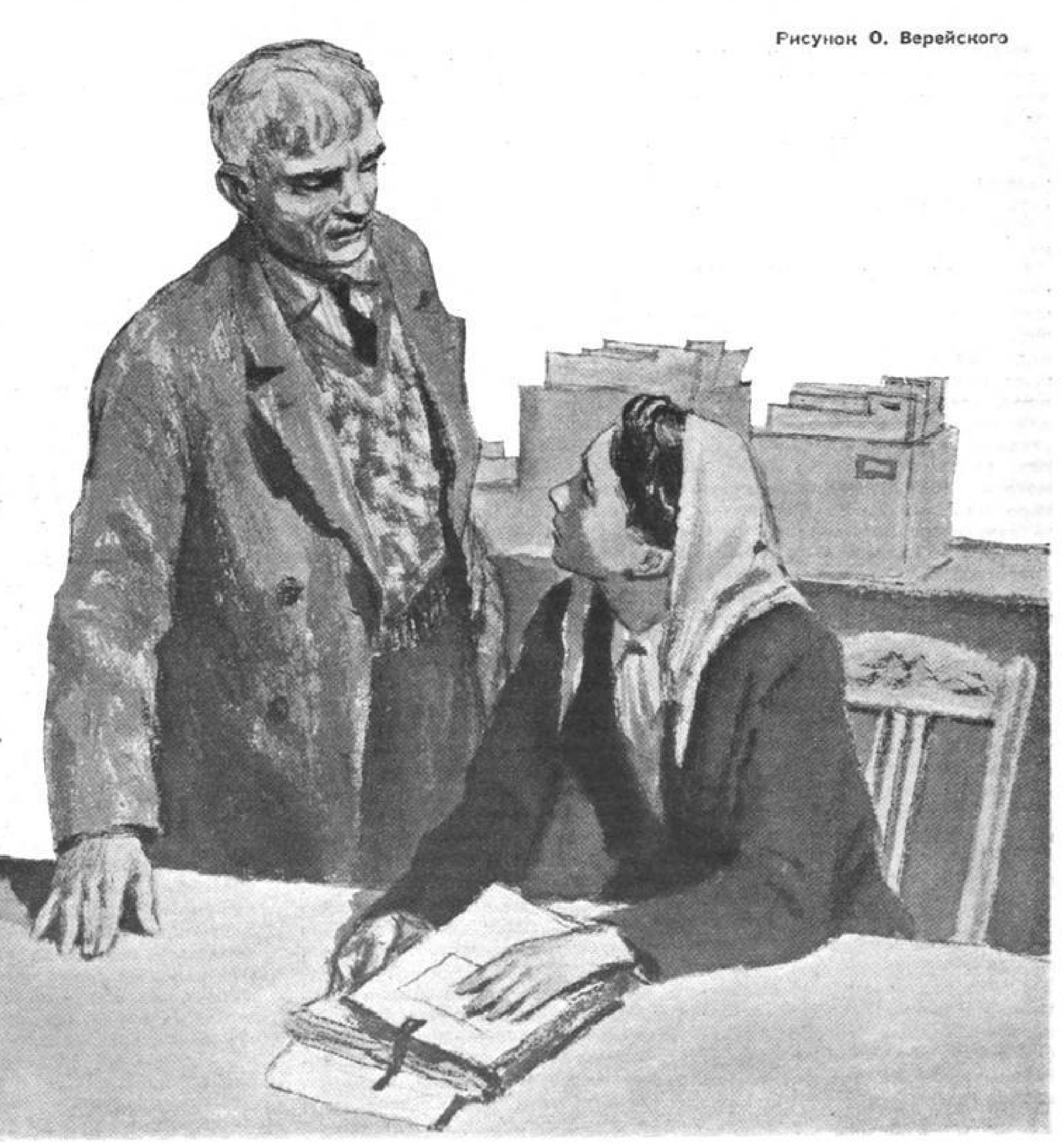
— Да что вы, Николай Петрович, я же обыкновенная, и мне весело, как всегда, — сказала Татьяна скороговоркой и с той наигранной веселостью, которую никак не могла скрыть, а острый комок еще больнее сдавливал горло. Ей хотелось склонить голову на плечо к этому седому человеку, как бывало в детстве она припадала к отцу, и выплакать все свое горе.

— Татьяна Николаевна, не хитри, не хитри, — добродушно заговорил Кондратьев. — Ты можешь обманывать, скажем, нашего редактора или еще кого — это твое женское дело, но мне ты всегда открывай душу и говори правду. Мы с тобой делаем одно дело, и скрывать ну тебе, ни мне решительно нечего... Я вижу и понимаю — трудно тебе... А ты не стесняйся и скажи, в чем нужна помощь. Давая согласие на твое избрание, я знал — нелегко тебе будет, но я верил и верю сейчас — тебе под силу эта работа.

— Николай Петрович, — Татьяна встала, наклонилась над столом и быстро-быстро стала собирать в папку протоколы, — я работы не боюсь, и с нашими людьми мне легко, но как же...

Она запнулась, как бы чего-то испугавшись, и промолчала. Не в силах далее скрывать то, что ее так волновало и тревожило, она посмотрела на Кондратьева смело, широко открытыми, полными слез глазами. Кондратьев, казалось, только этого и ждал, утвердительно кивнул головой, как бы говоря: «Ну, досказывай, досказывай, и ниче-

Рисунок О. Верейского

го, что слезы на глазах...» В это время послышался порывистый и тревожный шелест белолисток за окном, а затем долетел близкий и резкий звук грозы.

— Беда, опять гремит, — проговорила Татьяна и тут же поняла, что сказала совсем не то, о чем просил ее Кондратьев, покраснела и поправила под косынкой волосы. — Николай Петрович, я хотела сказать, хотела просить... Никакой помощи мне не надо... Заберите из колхоза Хворостянкина... Больше ничего не прошу.

— И куда ж его? — спросил Кондратьев так спокойно, точно давно уже приготовил именно этот вопрос.

— Куда-нибудь. — Она опять посмотрела смело, но какими-то жалостливыми и просящими глазами. — Я не могу его перевоспитать. Обещала, а не могу, понимаете, не могу, мне это не под силу... У нас было много решений, а что изменилось?

— Вот оно как: решение есть, а дела нету?

И Кондратьев поставил локоть на стол и любезно, но почему-то с хитрой усмешечкой посмотрел на собеседницу, изучая ее взглядом и при этом как бы говоря: «Я-то знаю, почему решение у тебя есть, а вот дела покамест нету, и меня этим не удивишь и не испугаешь».

— Вот вы на меня смотрите, и я знаю, о чем думаете, — заговорила Татьяна, то раскрывая, то закрывая папку, как будто там хранилось именно то, что она хотела сейчас сказать. — Вы думаете о том, что я не сумела правильно организовать партийную работу, не сумела подойти к Хворостянкину... Да как же подойти, когда к нему и подступиться невозможно! Людей он боится, и если кто о нем скажет хоть одно критическое слово, сразу в крик: я председатель колхоза, а ты мой авторитет подрываешь! Ни с чьим мнением не считается, ни к какому совету не прислушивается, а к тому же не учится, хотя всюду кричит, что учится; ничего не читает, ни книг, ни газет, хотя везде говорит, что читает... А я же хорошо знаю, что обманывает и себя и других, — остановился и стоит на дороге, как пень... Ну как с ним быть? Разве его поставишь на правильный путь? Корчевать надо этот пень, не иначе!

— А, по-моему, корчевание не даст нужного эффекта, — сказал Кондратьев, откинувшись на спинку стула и все еще храня на загорелом до черноты лице добрую, но хитрую усмешечку. — Тут требуется свежий ветер, да еще и сквознячок. А сказать проще: нужна хорошая большевистская критика, чтобы она сбила с этого человека скорлупу зазнайства, — но не дубинка, дубинкой нетрудно оглушить и не такого «героя», как Хворостянкин, а что-то вроде отличной наждачной бумаги, которой сгоняют ржавчину...

— Я не могу понять одного, — проговорила Татьяна, закрывая папку и о чем-то думая, — на вид — простой человек, посмотрите его биографию: вышел из бедной крестьянской семьи, в молодости много лет батрачил, выдвинулся на руководящую работу исключительно благодаря советской власти — откуда у такого человека эти амбиция и чванство?

— Думаю, от недостатка ума, — ответил Кондратьев и снова поставил локоть на стол, — иной причины не вижу...

Ветер на дворе разыгрался не на шутку, порывистые, сильные струи воздуха, казалось, падали сверху; ветки деревьев нагибались чуть ли не до земли, фонарь у подъезда раскачивался и бросал на подоконник дрожащую тень, а белолистки теперь шумели непрерывно и еще более тревожно. Гроза подходила все ближе и ближе к станице, все чаще и чаще сквозь тучи пробивался режущий глаза свет молнии, и тогда стекла окон делались глянцевито-синими.

— Да, мокрое идет к нам лето.

Кондратьев прислушался и к грому, и к тревожному шелесту листьев, и к тому тягучему и непрерывному шуму, который говорил, что где-то совсем близко стеной идет дождь; потом, как бы услышав именно то, что ему было нужно, и поняв, что до утра на машине никуда не уедешь, он угрюмо поднял голову, пригладил седой чуб и сказал:

— Убрать Хворостянкина — задача легкая и весьма простая, и она не требует от нас большого ума... Значительно сложнее и труднее исправить нашу же ошибку, что мы и начали делать...

— Да в чем же наша ошибка?

— В том, Татьяна Николаевна, — и Кондратьев снова прислушался, улыбнулся, но так скупо, что Татьяна не могла понять, относится ли эта улыбка к ее вопросу или же к тому, что об окна и по крыше застучали косые и редкие, но очень крупные капли дождя, — в том наша ошибка, что долгое время возле Хворостянкина находился не партийный руководитель, а мягкотелая мямля, трус и подхалим, словом, такой человек, которому никак нельзя было доверить бразды партийного правления, а мы, к стыду своему, доверяли... — Он снова чуть заметно улыбнулся, и теперь Татьяна видела, что ему хотелось говорить с ней так, чтобы она понимала каждое его слово, и она кивнула головой, как бы говоря, что ей все понятно. — Ну, теперь на этом посту стоит Татьяна Нецветова, и мне хотелось бы, чтобы она уяснила себе одну простую истину: на нас, коммунистов, самой историей возложена великая миссия — избавить людей от тех пороков, которые порождены капитализмом, — ты сама знаешь, задача почетная и смелая, но необыкновенно трудная. И тут дело не только в Хворостянкине. К сожалению, в характере каждого из нас еще есть черты положительные и отрицательные, с той лишь разницей, что у одних, в силу условий жизни, больше хорошего, а у других — больше плохого. К людям, у которых больше плохого, принадлежит Хворостянкин. И мы знаем: все плохое в человеке отомрет, но отмирание это произойдет не сразу, не само по себе и не безболезненно, — вот об этом надо всегда помнить...

За окном играла гроза и лил сильный дождь с ветром. По стеклу окна текли ручейки, свет фонаря освещал мокрые стволы белолисток. Кондратьев, о чем-то думая, долго смотрел на водяные бугорки на стекле, на стволы деревьев и на падавшие и липшие к земле листья.

— Я понимаю, — сказала Татьяна, и мускул на ее лице дрогнул, и она, желая сказать что-то важное, наклонилась к Кондратьеву. — Николай Петрович, теоретически все кажется легко и просто... А вот как практически?

— А практически, по-моему, прежде всего надо заставить Хворостянкина выполнить решение партбюро.

— А как? Я уже заставляла...

— Не ты должна заставить. Обсудите поведение Хворостянкина на партийном собрании. Вслед за этим поставьте его отчет на общем собрании колхоза и пустите в действие «наждачную бумагу». С Хворостянкина необходимо сбить спесь, излечить от мании величия, а сделать это могут сами колхозники, если коммунисты им помогут.

Прошло более часа, дождь за окном то утихал, то снова припускал, а они все сидели и разговаривали. Посмотришь на них со стороны и невольно скажешь: да ведь это же старые добрые друзья сошлись на совет, и мужчина по праву старшинства учит молодую женщину простой, но еще неизвестной ей житейской мудрости... Беседа, сама по себе оживившись, затянулась, и смысл ее в кратких словах сводился все к тому же: нелегко провести уборку урожая или построить гидростанцию, обводнить степь или вырастить леса, обновить станицы или проложить шоссе, но еще труднее из людей нынешних растить и воспитывать людей будущего. И если бы можно было увидеть и услышать, с какой любовью Татьяна всматривалась в лицо своего старшего друга и сколько было в словах Кондратьева искреннего желания и горячего сочувствия помочь ей советом, то всякий, видя это, сказал бы: вот они, современники, люди нашего золотого времени! И ничего, что Кондратьев годится Татьяне в отцы; и ничего, что они впервые вели такой важный и задушевный разговор, — все это было сейчас не главное; главное же состояло в том, что мысленно они давно и встречались и говорили именно об этом, что так же давно их сближают общие интересы, и что они, эти интересы, как кровное родство, корнями своими входят в глубь нашей еще молодой истории... Так бывает в лесу: рядом с могучим дубом поднимается к солнцу стройный и курчавый, полный жизненных соков молодой дубок, и по облику его, по сочным листьям уже видно, от какого корня поднялся такой славный побег; видно, кто дал ему эту силу, видно, кто его взрастил и взлелеял...

Два стихотворения

Платон ВОРОНЬКО

ПЕСНЯ СТАРОГО ВЕТЕРАНА

Зовешь меня дедом, а разве ж я дед,
А разве же в сердце решимости нет!
Какой же я дед! Я — солдат-ветеран,—
В японской войне штурмовал Ляоян.

В пятнадцатом годе — я вновь на войне,
В семнадцатом годе — в Октябрьском огне.
В сраженьях с фашизмом — я был партизан.
Какой же я дед! Я — солдат-ветеран.

Не зря и теперь я расходую дни,—
В работе, попробуй, меня догони!
Какой же я дед! Я — солдат-ветеран,
На теле ношу я четырнадцать ран.

С пятнадцатой раной, в грядущем бою,
Готов умереть за Отчизну свою.
Так выпьем же, братцы! Налейте стакан.
Какой же я дед! Я — солдат-ветеран!

ПО СТЕПЯМ — ВЕСНА

По степям — весна,
По степям — красна.
Не до сна мне нынче утром,
Ой, да не до сна.

Соберу букет
И пошлю привет
Нашим правнукам-потомкам
Аж за сотни лет.

Я в счастливый час
Думаю о вас,—
Наши дальние потомки,
Вспомните про нас.

Путь, что вас ведет,
Начал наш народ,—
Он о вашей светлой доле
Думал наперед.

Перевел с украинского М. ИСАКОВСКИЙ.

Поэзия в защиту мира

Среди голосов, призывающих к борьбе за мир, громко и мужественно звучит голос советской поэзии. Выражая чаянья и чувства всех передовых и честных людей, советские поэты клеймят мировых гангстеров, американских бизнесменов, факельщиков новой войны, мечтающих снова нажиться на поставках самолетов и танков, на материнских слезах и человеческой крови.

В новой книге «В защиту мира!» собраны стихи многих поэтов. Всех их роднит

пламенная любовь к советской Родине, вера в победу коммунизма, кровная заинтересованность в судьбах народов. Певцы Советской страны поднимают свой голос за свободу и мир, труд и творчество, свет и справедливость. Строки русского поэта Александра Твардовского перекликаются со строками молдавского поэта Емелиана Букова. Песня русского поэта Михаила Исаковского вдохновлена той же любовью к Родине, что и песня татарского поэта Ахмета Ерикеева. Стихи белорусского поэта Максима Танка дышат той же ненавистью к поджигателям войны, что и стихи узбекского поэта Гафура Гуляма.

К женщинам мира — матерям и невестам, подругам и сестрам — обращается Маргарита Алигер. Она призывает их к бдительности и зоркости, к стойкости и единству:

Ваша красота не оскудела!
Нету вашей верности
предела.
Вы старинной силою сильны.
Время, чтобы явственно
и смело
ваша воля в мире
прогремела
гневным заклинаньем
от войны.

Миллионы людей ставят сегодня свои подписи под коротким, но полным большого смысла и значения воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Здесь подпись прославленного ученого стоит рядом с подписью скромного ткача и углекопа и подпись писателя, книги которого знает весь мир, рядом с подписью матери, с тревогой думающей о счастье своего ребенка. От лица всех этих людей и говорит Александр Твардовский:

И отзовется громогласно
В любом краю, в любой
стране
Призыв борьбы и веры
страстной,
Наш клич уверенный
и властный:
— Победу — миру! Смерть —
войне!

Волю и решимость простых людей отстоять грудью мир славит белорусский поэт Аркадий Кулешов:

Что ж? Если снова навяжут
Войну нам магнаты,
Люди простые сумеют
Ответить, как надо.

Советские поэты не обходят вниманием ни один важный факт или событие международной политической жизни, ко всему прислушиваясь, на все откликаясь, все принимая близко к сердцу. Так, молодого белорусского поэта Велюгина тревожит положение народов, живущих у склонов Гиндукуша, а азербайджанский поэт Мамед Рагим вглядывается в кромешный мрак тавризской тюрьмы, где томятся его друзья и собратья.

Стихи советских поэтов исполнены твердой веры в то, что дело мира победит, что никому не дано затмить утреннее солнце, встающее над советской землей. Об этом и говорит Максим Танк:

Мы приветствуем мирного
солнца восход.
Пусть же знают
Противники мира,
Что им
Не затмить наше солнце
Туманом своим.

Спокойно и уверенно глядя в будущее, заявляет казахский поэт Касым Аманжолов:

История пойдет не так,
Как хочет этого банкир.

Да, история пойдет не так, как этого хотели бы финансовые тузы Уолл-стрита. Человечество сумеет надеть на них смирительные рубашки и крепкие намордники. В том торжественно клянутся народы, об этом свидетельствуют и их певцы.

Живут в нашей поэзии боевые традиции Владимира Маяковского. Об этом еще раз с новой силой свидетельствует книга «В защиту мира!». Подобно тому, как наш лучший поэт в борьбе с врагами Родины применял все роды и виды поэтического оружия, советские поэты широко используют самые различные поэтические жанры. Мы читаем короткую и метко бьющую в цель эпиграмму Маршака, гневные сатирические стихи Безыменского, острые, полные народного украинского юмора стихи Степана Олейника, высмеивающие американских радиоклеветников и злопыхателей.

Хочется пожелать, чтобы наши поэты еще шире использовали в битве с врагами человечества грозное оружие советской сатиры.

Выезжая за границу, посещая дальние края и земли, Маяковский появлялся всюду как полпред нашей страны, как посланник народа. Он не был любопытствующим туристом и равнодушным путешественником. На всех параллелях и меридианах мир делился для него только на людей труда и правды и на людей наживы и лжи. Именно этот зоркий и пристрастный большевистский взгляд свойственен «заграничным» стихам Константина Симонова, Турсун-заде, Миколы Бажана и Андрея Малышко, напечатанным в сборнике.

Поэт Константин Симонов говорит:

Я шкурой знал, когда сквозь
строй прошел там,
Знал кожей сжатых кулаков
своих:
Мир неделим на черных,
смуглых, желтых,
А лишь на красных — нас
и белых — их.
На белых — тех, что, если
приглядеться,
Их вид на всех материках
знаком,
На белых — тех, как мы их
помним с детства,
В том самом смысле. Больше
ни в каком.
На белых — тех, что в
Африке ль, в Европе,
Их красные — в пороховом
дыму,
Как мы — своих, прорвут на
Перекопе
И сбросят в море, с берега,
в Крыму!

Ведя яростный огонь по врагам, советские поэты с величайшей нежностью и братской любовью говорят о наших друзьях — солдатах армии свободы, людях чистой совести и смелого сердца.

Героическим горнякам Франции, отстаивающим свои права под огнем пулеметов, адресует свое стихотворное послание старейший шахтерский поэт Павел Беспощадный.

В далекой Оклахоме негры поют песню о русской девушке Катюше, и от трогательных слов этой песни становится светлее у них на душе. Об этом рассказал нам в своих стихах Малышко.

Широк и необъятен фронт мира, он проходит через моря и горы, через границы государств и сердца людей. Его участники — солдат Китайской народной армии и болгарский труженик, живущий в стихах Семена Кирсанова. Его участники — славный чилиец Пабло Неруда, которому посвящает свои стихи Николай Тихонов, и рабочие польского завода «Урсус» — герои стихов Павла Тычины. Его участники — и рабочие угрюмого, закопченного Шеффильда, тайком от хозяев рассматривающие портрет товарища Сталина, вырезанный ими из газеты (стихотворение Миколы Бажана — «Встреча в Шеффильде»).

Сегодня во многих государствах и странах из рук в руки переходит эстафета мира. Эту эстафету сжимают жесткая ладонь рыбака и твердые, не боящиеся огня пальцы сталевара. Точно так же переходит из уст в уста, от одного поэта к другому песня мира, которая все громче и громче звучит сейчас по всей земле.

Мих. МАТУСОВСКИЙ

В защиту мира! Стихи советских поэтов. «Советский писатель». 1949 г. 224 стр. Цена 5 руб.

Урок истории

Во Франции есть песня, которую вот уже более сорока лет распевает народ. Это песня о 17-м пехотном полке, отказавшемся выступить на усмирение восставших крестьян-виноградарей.

Таких примеров история знает много.

25 октября 1918 года не выполнили приказа о выводе флота в открытое море и подняли красный флаг немецкие матросы. Их призыв к восстанию подхватили рабочие портовых городов и пролетариат Берлина. Революция положила конец первой мировой войне.

В июле 1919 года солдаты американской армии, посланные империалистами против молодой Советской республики, потребовали вернуть их из Архангельска обратно на родину. Точно так же поступили и солдаты французского 21-го колониального полка.

Книга французского революционера, видного деятеля коммунистической партии Франции Андре Марти воскрешает в памяти читателей один из таких эпизодов истории — восстание в 1919 году французских солдат и матросов, отказавшихся бороться против революционной России.

Книга документально излагает события.

В ноябре 1918 года прекратились боевые действия на фронтах мировой войны. Принеся в жертву войне два миллиона убитых и шесть миллионов изувеченных, французский народ, как и все народы, ждал мира. Но вместо этого правительство Клемансо, находясь в кабале у англо-американского капитала и выполняя волю собственных монополистов из Комитэ де Форж, послало войска и флот на захват юга Советской России.

Всего через месяц после перемирия, 17 декабря 1918 года, французские военные корабли встали на якорь перед Одессой. Через день на берег с боем высадилась 156-я дивизия, доставленная морем из Салоник. Присланные на смену дивизиям кайзера французские солдаты и матросы оказались вместе с немцами на стороне белогвардейцев. Сомнений не оставалось: империалисты развертывали новую, еще более преступную войну.

Но не такова была Россия в 1918 году, чтобы можно было свободно душить ее руками рабочих и крестьян. Из ненавидимого раньше на-

родами «жандарма Европы» Россия превратилась в оплот свободы, привлекавший к себе сочувствие всех угнетенных.

Да и Европа была уже не та — по ней катились волны революции. В Германии, Австрии, Венгрии рабочие дрались на баррикадах. В Италии, Испании, Швейцарии пролетариат бастовал. Во Франции народ протестовал против оправдательного приговора убийце Жореса и слушал гневный голос Барбюса. В Париже обличал преступность интервенции депутат Марсель Кашен, и рабочие пели под окнами парламента:

Услышав
Звуки «Красного марша»,
Увидев восставший народ,
Вы содрогнетесь.

Вот почему, ступив на землю революционной России, солдаты и матросы говорили: «Во Франции война окончилась, а здесь мы снова начинаем ее. И против кого мы ее начинаем! Против народа, освобождающегося от рабства!».

А здесь, на русской земле, французские солдаты и матросы увидели, как расстреливают рабочих на улицах Одессы и Тирасполя; узнали, как попирают свободу интервенты и белогвардейцы; услышали про партию, которая вела народ на последнюю борьбу с капиталом, и про ее великих вождей Ленина и Сталина. Французские солдаты и матросы услышали правду о революции, и правду эту вместе с русским большевиком Иваном Смирновым несла к ним в казармы первая француженка-коммунистка, учительница Жанна Лябурб.

В книге Андре Марти приводится список французских полков и кораблей — участников героического восстания 1919 года. Первым в списке числится 58-й пехотный авиньонский полк, отказавшийся вступить в бой за город Тирасполь. Именно этому полку принадлежит честь первым заявить французской армии и флоту о своем отказе сражаться против Советской России.

Авиньонцев поддержали потом французские части в Херсоне, Одессе, Севастополе, алжирские стрелки в Констанце, колониальные полки в Бендерах.

В то же время начались выступления на кораблях французского флота. Автор книги, служивший тогда инженером-механиком на миноносце «Протэ», был одним из первых руководителей восстания черноморской эскадры. Арест его не помешал развитию событий. 19 апреля в Севастополе подняли красный флаг матросы флагманского корабля «Жан Бар» и линкора «Франс». Матросы вышли на улицы вместе с севастопольскими рабочими.

Волнения во французских войсках и во флоте росли по мере того, как Красная Армия усиливала свой натиск на юге. С советской земли они перебросились на землю и в порты самой Франции. С требованием прекратить военные действия против революционной России выступили команды французских военных кораблей в Тулоне, Константинополе, Бизерте, Венеции, Бейруте, в греческих портах, в Балтийском море. Движение против преступной войны перерастало в уличные сражения против самих правителей Франции. Последние вынуждены были объявить демобилизацию и отказаться от дальнейшей посылки флота на борьбу с Советами.

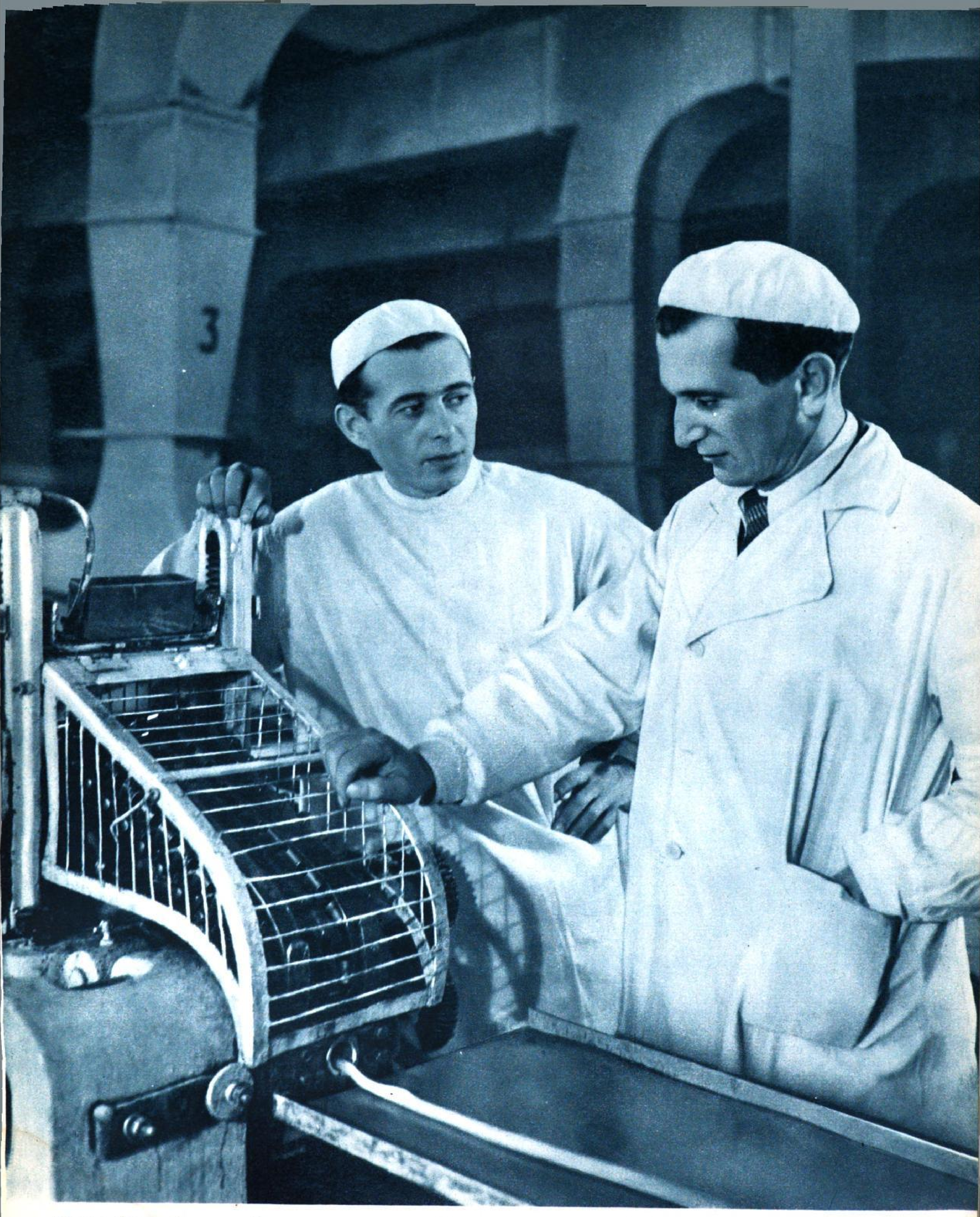
Таков урок истории. Он выражен словами рядового 7-го инженерного полка сапера Лесюера, который, стоя с винтовкой наперевес, заявил своим офицерам: «Вчера командовали вы! Сегодня командуем мы!» А молодые рабочие — матросы Тийон, Вийльмен, Лавье и Брунетти — выразились еще лаконичней, скомандовав адмиралам: «Налево, кругом марш!»

Автор называет восстание на Черном море одним из наиболее серьезных народных движений, которые знала Франция со времен Парижской Коммуны. «Это восстание,— говорит автор,— было направлено против правительства, отдавшего французскую армию и флот на службу империалистическим интересам. Оно полностью отвечало интересам французского народа, которые были преданы правительством, уже тогда находившимся в услужении у международного финансового капитала».

Изданная во Франции к 30-летию восстания книга Андре Марти воскрешает пример активной борьбы трудящихся за мир и свободу.

К. БУКОВСКИЙ

АНДРЕ МАРТИ. Славные дни восстания на Черном море. Перевод с французского. Иноиздат. 1949 г. 136 стр. Цена 5 р. 20 к.

Лауреаты Сталинской премии бригадиры московской кондитерской фабрики «Красный Октябрь» Василий Иванович Санаев (справа) и Виктор Дмитриевич Семенов.

Фото О. Кнорринга

Лауреат Сталинской премии, главный архитектор города Киева, действительный член Академии архитектуры СССР Александр Васильевич Власов.
Фото Н. Козловского

НА СТРОЙКАХ КИЕВА

Беседа корреспондента «Огонька» с главным архитектором Киева действительным членом Академии архитектуры СССР
А. В. ВЛАСОВЫМ

Это было в 1944 году. Советские войска освобождали Украину, линия фронта проходила еще в считанных километрах от Киева, но город уже восстанавливали, и было ясно, что в самом ближайшем будущем строительные работы примут невиданный размах. Тогда по инициативе Никиты Сергеевича Хрущева ЦК КП(б) Украины поставил вопрос о создании в Киеве мощной строительной индустрии.

Термин «индустрия» связывается обычно с металлургией, машиностроением, но отнюдь не с возведением домов. Испокон веков хозяевами строек были плотники, каменщики, штукатуры. А теперь основой нашего гражданского строительства стала индустрия, которая изменила и самый процесс возведения здания и материалы, из которых здание складывается. И сегодня на строительстве нового дома на Крещатике — первого звена большой архитектурной магистрали — плотникам и штукатурам делать почти что нечего.

Заводы шлакоблоков, керамических блоков, гипсовых плит для перегородок, завод, где выпускаются плиты для облицовки, — все эти производства новые, в большинстве своем неизвестные довоенному строительству. Из шлака — отходов доменных печей — мы теперь делаем блоки, превосходно заменяющие кирпич. Их изготовление полностью механизировано.

Но использование шлака и различного рода нововведения на кирпичных заводах — это не главное. Главное — применение пустотелой керамики.

На Черниговщине еще в XVII веке строились сохранившиеся и по сегодня дома с керамической облицовкой. Эта керамика штамповалась в деревянных прессах, предусматривавших сохранение отверстий для гвоздей. Керамика защищала дом от пожара и кроме того давала простор для художественного оформления постройки.

Лес на Украине дефицитен, запасы же глины неисчислимы. Возникла мысль о претворении в жизнь старинного опыта украинского народа. Керамика должна была стать заменителем дерева. Впоследствии оказалось, что она частично заменила даже металл.

Коллектив архитекторов и инженеров Киева долгое время трудился над тем, чтобы создать керамику, которая бы по крепости, огнестойкости и кислотоупорности превосходила другие строительные материалы. Теперь такая керамика не только создана, но и широко используется.

К строящемуся дому на Крещатике одна за другой подъезжают автомашины, груженные длинными керамическими балками, похожими на рельсы. Кран ловко их подхватывает, поднимает высоко в воздух и аккуратно укладывает на нужное место. Такую балку не подточит древесный червь, не съест плесень.

Возникла мысль применить керамику при кладке стен. И уже сейчас на Крещатике дом складывается из пустотелых стеновых керамических блоков. Размером они в несколько раз крупнее кирпича и значительно легче, что убыстряет строительство и позволяет закладывать меньший фундамент. Свойство их удерживать тепло таково, что толщина стены может быть уменьшена с обычных 51 сантиметра до 38.

Это еще не все. К стеновым блокам заранее крепится облицовка. Нетрудно представить себе, насколько это облегчает строительство: ведь облицовочные работы требуют дорогостоящих материалов, большого количества рабочей силы, сооружения лесов. Теперь же многоэтажный дом с первого дня стройки растет в своем окончательном и красивом виде.

В строительство здания активно вмешивается художник. Он дает форму облицовочной детали, орнамент, цветное решение. Керамическая палитра включает самые выигрышные сочетания белого, коричневого, красного и других тонов. Кроме того керамику можно покрыть глазурью.

В основу керамического орнамента для домов на Крещатике положены национальные украинские мотивы. Институт строительных материалов разрабатывает специальные методы окраски, облицовки, нанесения на нее узора.

Керамика заменяет и кровельное железо. Для новых киевских зданий мы применяем усовершенствованные черепичные крыши. На домах Крещатика будет очень красивая «ковровая», бронзового цвета кровля.

Рабочий поселок в Киеве, на Багриновой горе — прекрасное архитектурное сооружение. Здесь построено около пятидесяти домов первой очереди, они утопают в зелени. Строятся детский сад, летний бассейн для плавания, школа.

И на Крещатике и на Багриновой горе основной строительный материал — керамика. Она идет и для подоконников, и для карнизов, и для перегородок. Однако может возникнуть вопрос: как жить в квартире, где в стену не вобьешь гвоздя? Но для перегородок мы используем особую, пористую керамику.

Применение керамики в корне сломало прежние производственные процессы. Рабочие-стахановцы пришли на помощь инженерам; знатный каменщик Ковалев сконструировал специальный станок для укладки стеноблоков. Этот станок автоматически пригоняет блоки, дает готовый шов и, главное, разрешает основную техническую трудность — работу с высокой точностью.

Применение керамики дает также большую экономию. В прошлом году в Киеве ежемесячная экономия превышала миллион рублей.

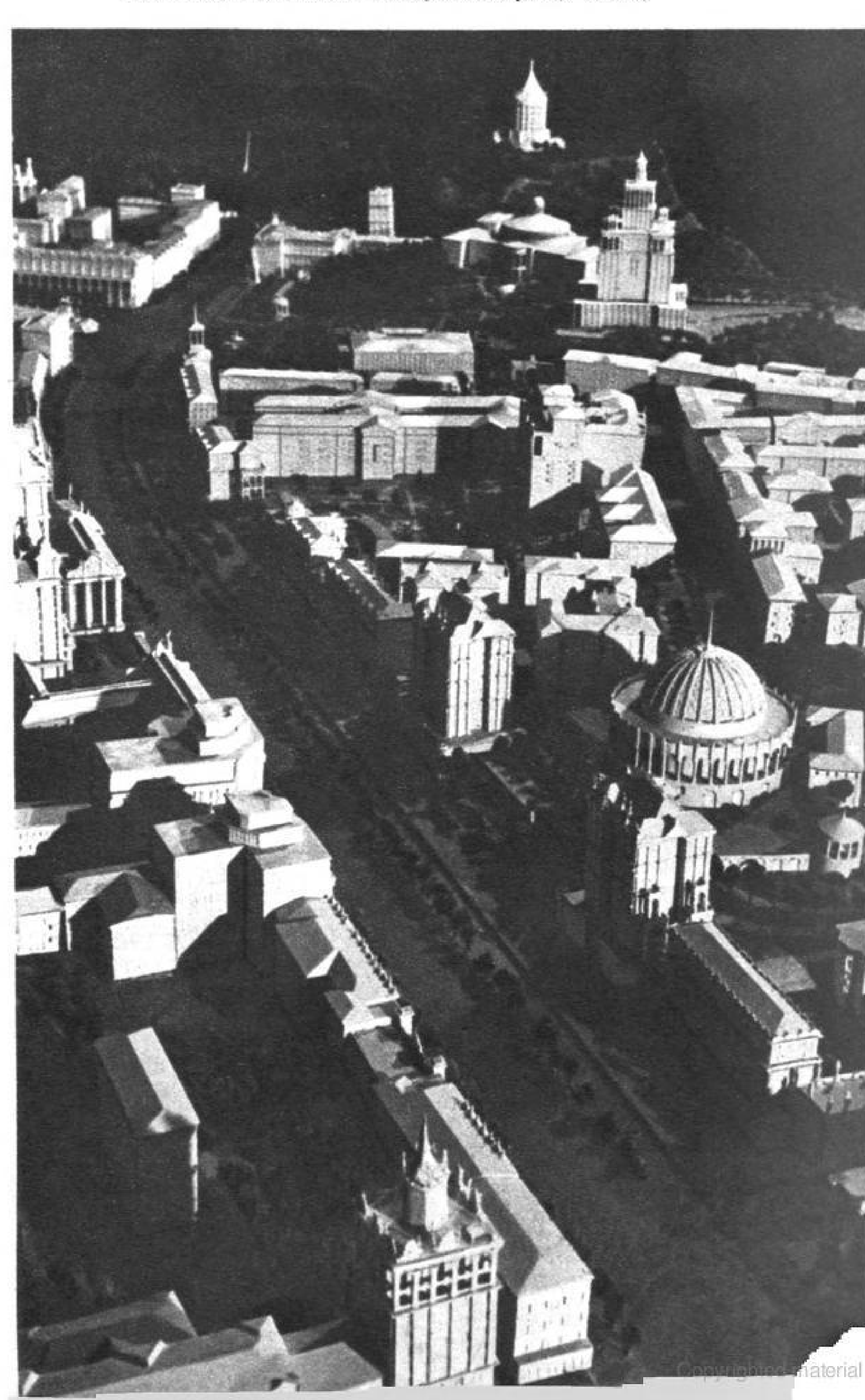
Партия и правительство уделяют серьезное внимание внедрению керамики в строительный быт. На XVI съезде большевиков Украины Н. С. Хрущев особо останавливался в своем докладе на необходимости дальнейшего развития строительной индустрии.

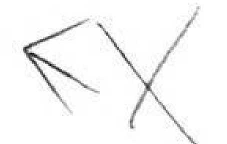
В этом году группе инженеров, технологов и архитекторов города за разработку техники, организацию массового производства и внедрение в строительную индустрию пустотелой строительной и архитектурной керамики присуждена Сталинская премия.

Для распространения нашего опыта мы выпускаем каталоги и альбомы по применению керамики и, разумеется, продолжаем научные изыскания по ее дальнейшему совершенствованию.

Несомненно, что в самом недалеком будущем керамика прочно войдет в строительную практику по всему Советскому Союзу.

Таким будет Крещатик — центральная улица Киева.

„Борис Годунов"

на латвийской сцене

По поводу первого представления народной музыкальной драмы Мусоргского «Борис Годунов», состоявшегося в 1874 году на сцене петербургского Мариинского театра, выдающийся критик В. Стасов писал: «Это было великое торжество Мусоргского... великая художественная сила создала и вручает народу нашему новое, чудное народное произведение...»

В опере Мусоргского, одной из вершин русского музыкального творчества, проходит целая галерея ярких, реалистических образов. Каждый из персонажей наделен глубокой по своей психологической силе и убедительности музыкальной характеристикой.

Государственный театр оперы и балета Латвийской ССР, осуществивший постановку «Бориса Годунова», создал спектакль, отличающийся высокими музыкальными и сценическими достоинствами.

Театру удалось раскрыть идею оперы, заключающуюся в столкновении царя-самодержца и народа. В этом заслуга всего творческого коллектива театра во главе с музыкальным руководителем спектакля дирижером М. Жуковым и режиссером-постановщиком С. Малявиным.

Заслуженный артист Латвийской ССР А. Вилюман в роли царя Бориса.

Выразительны в спектакле народно-массовые сцены, занимающие в опере Мусоргского ведущее место. Великолепно звучат в спектакле хоры, особенно в сцене под Кромами (хормейстер Р. Ванаг).

Оформление оперы художником А. Лапиньш способствует монументальности спектакля. Особенно удачны обе картины в Московском Кремле — царский терем и грановитая палата.

Наиболее трудная задача выпала на долю артистов А. Вилюман и А. Дашкова — исполнителей роли Бориса Годунова, роли сложной и многогранной. Артисты правильно подчеркнули государственный ум Бориса, его широкий кругозор, незаурядную волю. С большим мастерством показана душевная драма царя-убийцы.

В роли князя Шуйского выступает артист А. Якобсон. В его исполнении Шуйский — «лукавый царедворец», умный и коварный враг Бориса. Эпически строг образ летописца Пимена в исполнении артиста А. Лепе.

В эпизодической роли шинкарки артистка А. Лудынь создала образ, насыщенный подлинно народным юмором. Колоритны в спектакле фигуры монахов Варлаама и Мисаила в исполнении артистов Г. Неймана и П. Аболкална.

Расчетливый эгоизм Марины Мнишек, ее властолюбие и коварство убедительно раскрывает артистка В. Крамле. Созданный ею образ соответствует замыслу Пушкина, который писал о Марине: «...у нее была только одна страсть — честолюбие, но до такой степени сильное, бешеное, что трудно себе представить».

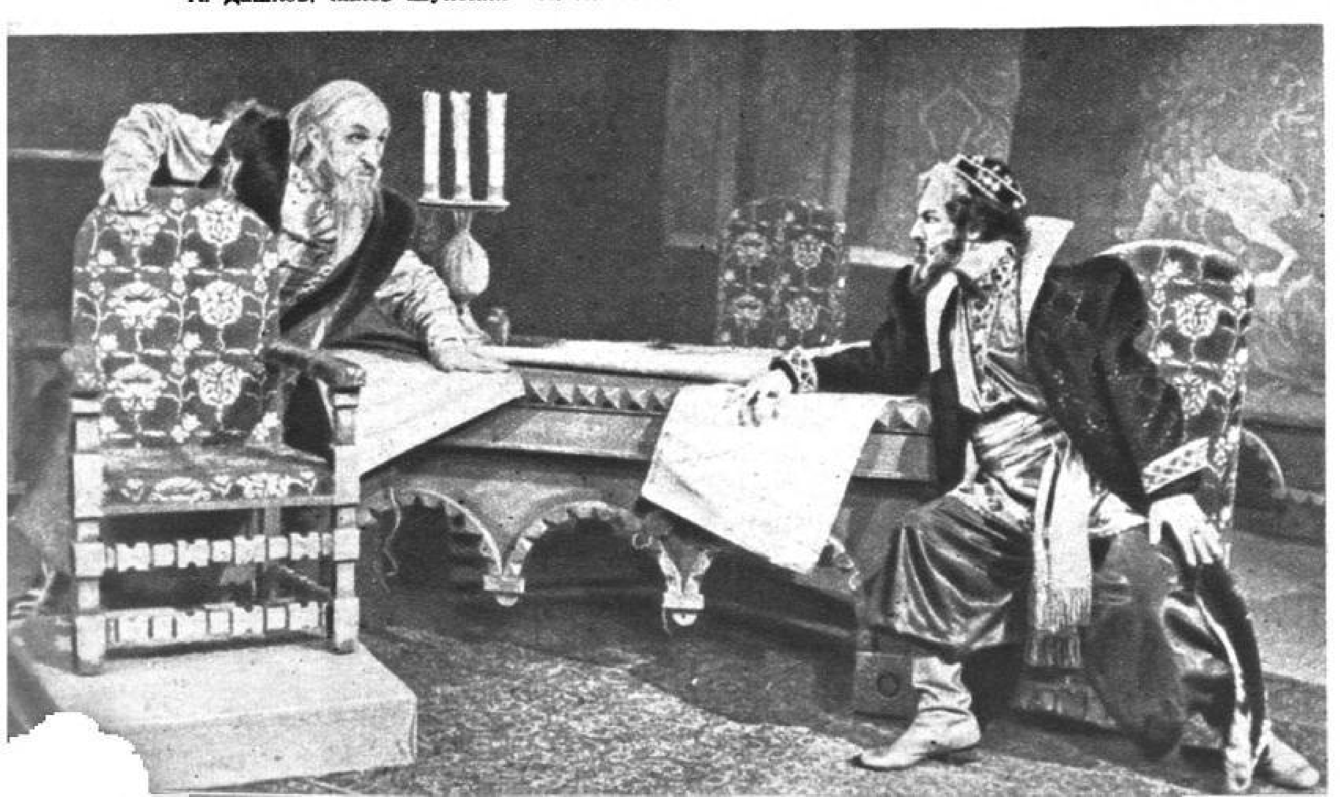
Очень хорош в роли самозванца — предприимчивого политического авантюриста — А. Фринберг, обладающий красивым голосом и хорошими сценическими данными.

Партия юродивого, одна из труднейших в «Борисе Годунове», не вполне удалась А. Ванагу. Артист недостаточно ярко раскрывает глубокий трагический пафос юродивого, устами которого говорит народная совесть, народное горе.

Постановка «Бориса Годунова» в Государственном театре оперы и балета Латвийской ССР отмечена Сталинской премией. Высокая награда — свидетельство расцвета музыкального театра Латвии.

Е. ВАРВАЦИ

«Борис Годунов» на сцене Государственного театра оперы и балета Латвийской ССР. Борис Годунов — заслуженный артист Латвийской ССР А. Дашков, князь Шуйский — А. Якобсон.

Н. А. Титов.

Дедушка русского романса

(К 150-летию со дня рождения Н. А. Титова)

Истоки русского романса восходят к далекому прошлому музыкальной культуры нашей Родины. Многовековая сокровищница народной песни явилась основой, на которой развился наш классический романс, достигший столь блестящего расцвета в творчестве Глинки и Даргомыжского, Чайковского и Римского-Корсакова.

Еще в XVIII столетии вышли в свет первые российские песни-романсы ряда авторов.

Одним из наиболее популярных композиторов-песенников предглинкинского периода был родившийся сто пятьдесят лет тому назад Николай Алексеевич Титов, за которым утвердилось прозвание «дедушки русского романса».

Н. А. Титов происходил из семьи, обильной музыкальными талантами. Его отец и дядя по отцу были одаренными композиторами, авторами нескольких опер; романсы писали его брат Михаил Алексеевич и двоюродный брат Николай Сергеевич.

В доме отца постоянно устраивались музыкальные вечера: играл любительский струнный квартет, выступали и артисты. Однако серьезное музыкальное образование Николаю Алексеевичу Титову получить не удалось, и недостаток музыкальных знаний помешал ему раскрыть полностью свое природное дарование.

Уже первый изданный романс — «Уединенная сосна» — доставил двадцатилетнему автору известность в музыкальных кругах Петербурга. Успех еще более возрос, когда появились другие романсы молодого композитора. «Прости на долгую разлуку», «Коварный друг, но сердцу милый», «Ах, поведайте, люди добрые» — эти и подобные произведения Н. А. Титова пелись чуть ли не в каждом доме столицы. Искренность и теплота чувства, задушевная, простая, легко запоминающаяся мелодия неизменно привлекали к музыке Титова любителей.

Н. А. Титов не был музыкантом-профессионалом, но в течение своей жизни он написал более шестидесяти романсов.

Творчество Титова в известной мере подготовило романсное творчество основоположника русской классической музыки, великого Глинки.

Б. ЯГОЛИМ

Театр И ЕГО ИМЯ

Е. АРХАНГЕЛЬСКАЯ,
заслуженная учительница РСФСР

В зале театра в этот день было немало московских педагогов. Давали премьеру пьесы Игоря Чекина «Дети Авроры» — пьесы, затрагивающей серьезные вопросы воспитания советского юношества. На сцене не раз вспыхивал спор о том, как нужно пестовать и выковывать молодой характер.

К этому спору и к этому спектаклю мы ниже вернемся. Но прежде хочется поделиться некоторыми мыслями, которые приходят на ум еще до того, как переступаешь порог Театра имени Ленинского комсомола.

Эти мысли рождаются при первом же взгляде на репертуарную афишу. «Женитьба» Н. В. Гоголя, «Живой труп» Льва Толстого, «Васса Железнова» Максима Горького, «Нора» Генрика Ибсена, «Месяц в деревне» И. С. Тургенева, «Наш общий друг» — инсценировка по мотивам Чарльза Диккенса, «Особняк в переулке» братьев Тур, «Семья» И. Попова, «Не ждали» Вл. Полякова, «Так и будет!» К. Симонова...

Репертуар, как видите, большой и разнообразный. И если отвлечься от названия театра, то можно возразить только против пошловатой комедии Вл. Полякова и против слащавой, приторной переделки Диккенса. Следовало бы также с досадой отметить отсутствие лучших новых пьес, посвященных современности.

Но должна сознаться, что отвлечься от названия театра я не могу. У меня — да, думаю, и у других зрителей — напрашивается вопрос: почему нет в репертуаре этого театра произведений, прямо адресованных юношеству? Почему нет спектаклей, свидетельствующих об активном участии театра в том самом благородном деле воспитания характеров, о котором так много и так взволнованно спорят персонажи пьесы «Дети Авроры»?

Предвижу возражения. Предвижу заверения, что наш молодой зритель отлично разбирается и во «взрослых» пьесах, что его надо знакомить с такими шедеврами нашей драматургической классики, как «Женитьба», «Васса Железнова», «Живой труп»... Предвижу и соглашаюсь. Более того, как преподавательница отечественной литературы, я очень заинтересована в ознакомлении учащихся с классикой. Вместе с моими воспитанниками я неоднократно бывала на спектаклях Малого, Художественного и других театров Москвы. Бывала с учащимися и в Театре имени Ленинского комсомола.

Но пусть не посетуют на меня руководители этого театра, если скажу, что я не рекомендовала учащимся смотреть «Нору». При всем моем уважении к Ибсену я не вижу в этом смысла. Не думаю также, что пятнадцатилетним комсомольцам следует торопиться посмотреть «Живой труп». Они вполне могут отложить знакомство с этой пьесой по крайней мере на два—три года.

«Две силы наиболее успешно содействуют воспитанию культурного человека: искусство и наука», — говорил Максим Горький. Может ли Театр имени Ленинского комсомола лишать свое искусство активных воспитательных задач? Допустимо ли это в свете требования ЦК ВКП(б), призвавшего деятелей искусства «...воспитывать советскую молодежь бодрой, жизнерадостной, преданной родине и верящей в победу нашего дела, не боящейся препятствий, способной преодолевать любые трудности».

Многие из моих учеников видели постановку «Молодой гвардии». Они смотрели эту волнующую сценическую повесть о героях-комсомольцах Краснодона в Театре драмы, в Театре имени Евгения Вахтангова, в Студии киноактера, но не в Театре имени Ленинского комсомола. Пьеса Маргариты Алигер «Сказка о правде», посвященная подвигу Зои Космодемьянской, шла в двух театрах Москвы, но не в Театре имени Ленинского комсомола. Пьеса о другой героине-комсомолке, о Лизе Чайкиной, ставилась в Драматическом театре. Но опять-таки не в Театре имени Ленинского комсомола! Чем же это объяснить?

Стоит напомнить о тех временах, к сожалению, относительно давних, довоенных, когда театр не забывал о своем долге. Сколько оживленных бесед и споров вызвали спектакли «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Парень из нашего города» К. Симонова! Сколько юношей и девушек, увидевших эти спектакли накануне великих битв, унесли с собой впечатления, которые помогли им в трудное время! А ныне чем помогает театр своим молодым и отзывчивым друзьям? Как готовит он их к жизненной борьбе, к творческому, созидательному труду?

Юные зрители этого театра — пытливые, любознательные, инициативные люди. Они побывают на классических спектаклях в МХАТ, в Малом, в Театре имени Ленинского комсомола. Они охотно посмотрят «Так и будет!» и «Семью». Они видели «Русский вопрос», «За тех, кто в море!»... Но с первых дней комсомольской жизни они по праву считают Театр имени Ленинского комсомола своим театром и требуют от него спектаклей о жизни и борьбе советской молодежи. Они хотят видеть на сцене настоящего героя, они ждут возвышающего примера. Театр должен помочь юноше познать самого себя, обрести свое призвание, найти свое место в жизни. Почему же театр отказывает в этом своим зрителям?

Во избежание всяких ссылок на «объективные причины» следует, видимо, указать на пример Ленинградского театра имени Ленинского комсомола. Такие спектакли этого театра, как «Молодая гвардия», «Сказка о правде», «Два капитана», вполне отвечают духовным запросам молодых зрителей и оказывают на них сильное воспитательное воздействие. В еще более высокой степени оправдал ожидания комсомольцев спектакль «Из искры...», с огромной эмоциональной силой передающий юношеству героику революционной борьбы молодого И. В. Сталина. Не случайно два спектакля этого театра удостоены Сталинской премии.

Однако обратимся к спектаклю «Дети Авроры», — к нему нужно вернуться уже потому, что этой постановкой театр словно бы нащупывает путь к своему главному творческому руслу.

Коллектив театра вводит зрителей в жизнь питомцев советского флота, его будущих офицеров. С интересом следишь за судьбой Коли Торопцова и Жени Бутеева, воспитанников Нахимовского военно-морского училища.

Оба эти подростка заставляют педагога призадуматься над теми вопросами воспитания молодежи, которые выходят за пределы непосредственно учебных, «академических» проблем. Способный и умный юноша Коля Торопцов, сын адмирала, избалован в семье, капризен. Мы видим, как коллектив помогает ему преодолеть его слабости.

А Женя Бутеев?.. Женя влюблен. Любовь к Тоне Соколовой так захватывает его, что он забывает все свои обязанности, ссорится с товарищами, грубит педагогам...

Поведение Жени Бутеева становится настолько вызывающим, что у некоторых воспитателей складывается мнение, будто он неисправим. Вопрос о поведении Бутеева обсуждается на учебном совете. Преподаватели обращаются к драгоценному педагогическому наследию А. Макаренко. Все это интересно и важно. Но надо сказать, что проблемы, затронутые автором пьесы, разрешаются им не до конца. Поэтому спектакль в итоге все же не дает удовлетворения. И самое досадное заключается в том, что спектакль адресуется не столько к юношеству, сколько к его воспитателям.

А хочется, чтобы сам театр не забывал о необходимой чуткости к подрастающему поколению, которую он справедливо защищает устами одного из героев спектакля... Но этой чуткости, внимательности, отзывчивости Театру имени Ленинского комсомола явно недостает. Театр, в частности, не отразил ни в одной из своих постановок ни пылкого стремления к созиданию, которым охвачены наши юноши и девушки, ни их глубокого возмущения военной истерией, разжигаемой империалистами Запада. А ведь все это знакомо каждому, кто общается с советской молодежью, дружно и уверенно подающей свой голос за мир, за труд, за свободу.

Пусть же творчество театра соответствует его славному имени!

Сцена из спектакля «Дети Авроры» в Театре имени Ленинского комсомола. Нахимовцы первой роты (слева направо): Володя Семенов — артист В. Бегтин, Женя Бутеев — артист Л. Марков, Коля Торопцов — артист В. Ларионов.
Фото А. Горнштейна

Кара-Кумы — Черные пески.

Голодную степь орошают теперь воды канала имени Кирова.

Первыми вышли на посадки комсомольцы Сталинграда.

Полезащитная полоса в МТС имени Вильямса.

Растут молодые леса, текут новые реки

«И стало слышно, как растет трава, стало видно, как поднимается молодая поросль деревьев, как возникают ручьи и реки, как ветры поворачивают вспять...» Так закончил бы сказитель свою сказку, но это не сказка, а быль нашего времени.

С исторической даты, 20 октября 1948 года,— со дня постановления правительства о создании полезащитных лесонасаждений — прошло полтора года, и за это время на сотнях тысяч гектаров нашей Родины появились ростки будущих лесных полос, созданы тысячи прудов, каналов. О великом труде советского народа, о его борьбе с засухой повествует цветной документальный фильм «Обновление земли» [1]. Зритель видит, как вырастают леса, как в знойных степях начинают журчать ручьи, как природа уступает воле человека.

Этот документальный фильм — гимн трудовому подвигу. Хроникальные кадры, снятые в самых различных районах страны, кадры, показывающие трудовые будни, — это кинопоэма о борьбе и победе человека над засухой и неурожаями.

На экране проходят леса нашей Родины: лиственные, хвойные, смешанные. Им нет ни конца, ни края...

— Но неравномерно распределила природа эти богатства, — говорит диктор.

И перед зрителем возникают полупустыни и пустыни, проплывают, как застывшее серое море, песчаные, выжженные солнцем барханы. Но эта неподвижность обманчива. Палящий ветер поднимает песчинки, раскаленной стеной обрушивается на селения, несется дальше на запад и сжигает горячим дыханием созревающие злаки, губит посевы. Таков был путь ветров и пятьсот лет назад, и сто, и пятьдесят, и десять...

В кинолетописи, запечатлевшей современные события, нелегко раскрыть дела давно минувших дней. Но создатели фильма сумели органично смонтировать документальные кадры с полотнами наших замечательных живописцев. Появляющиеся на экране картины Репина, Коровина, Иванова показывают те бедствия, засуху и голод, которые вызывались суховеями.

В конце прошлого столетия первым на борьбу со стихией встал замечательный ученый В. В. Докучаев. В Воронежской губернии, в Каменной степи, начал он свой опыт, опыт восстановления плодородия почвы.

Зритель видит небольшую избу, где жил В. В. Докучаев, где находились его лаборатория и библиотека. Но вот на экране появляются большие корпуса зданий. Это созданный в наши дни Институт земледелия имени Докучаева. Здесь трудятся агрономы и почвоведы. Они исследуют почву, воздух, микроклимат.

Один кинодокумент сменяется другим.

Сельскохозяйственная академия имени Тимирязева. Здесь работники совхозов, колхозники — стахановцы полей — делятся своим опытом с учеными. Они совместно решают проблему высоких и устойчивых урожаев. Теории Докучаева, Костычева, Тимирязева, Вильямса, Мичурина, Лысенко проверены на практике сотнями тысяч советских людей.

По инициативе великого Сталина был принят исторический план наступления на засуху, который наш народ назвал сталинским планом преобразования природы.

Наступление началось уже осенью 1948 года. Изучались места будущих посадок, собирались семена. Из лесных районов страны шли поезда с необычным грузом. В вагонах крылатые, похожие на стрекоз, семена клена, плотные коричневые желуди. Паровозы везли на юг и юго-восток будущие леса. Из Сталинграда и Харькова, Челябинска и Нижнего Тагила шли составы с машинами для лесопосадок, тракторами, экскаваторами, бульдозерами.

Зимой изыскательные партии уточняли по снежному покрову трассы лесных полос, составляли карты. В колхозных кружках и на курсах готовились специалисты-лесоводы.

Пришла весна, а с ней и время первых посадок. С песнями вышли на работу комсомольцы Сталинграда, Чкалова. Молодежь страны сажала будущие леса.

И всюду и всегда за людьми следовал киноаппарат. Шесть операторов принимали участие в создании фильма. Они поднимались в воздух на самолетах сельскохозяйственной авиации, шли рядом с агротехниками в знойных Кара-Кумах, ехали вместе с трактористами, присутствовали на лекциях ученых. Кинооператоры фиксировали каждый шаг наступления на природу и первые победы — в Чкалове и Бузулуке, в Голодной степи и Кара-Кумах, на огромном пространстве, площадью в сто двадцать миллионов гектаров. Они создали волнующий кинодокумент о прекрасном труде советского человека.

Мы видим ростки дубов, посаженных по методу академика Лысенко, рис на полях Украины, кок-сагыз в Белоруссии, цитрусы в Узбекистане, виноград под Москвой и воду там, где о ней тщетно мечтали много веков, воду, которую распределяет диспетчер, воду, которую колхозник вызывает по телефону.

В опубликованном 21 апреля постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о ходе выполнения плана полезащитных лесонасаждений сказано:

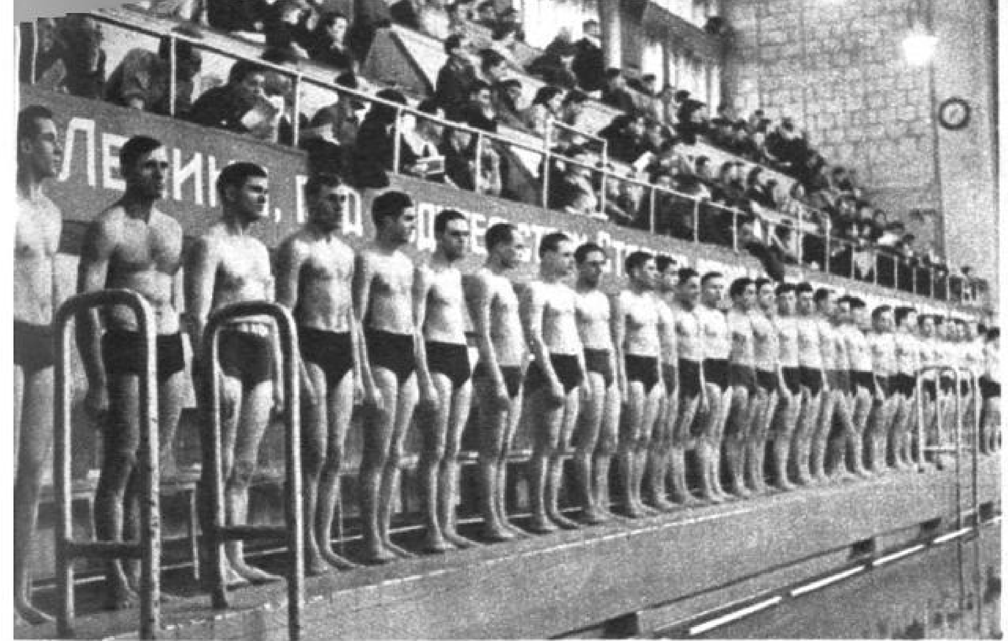
«Многие колхозы, совхозы и лесхозы степных и лесостепных районов Европейской части СССР в 1949 году значительно перевыполнили задания по полезащитному лесоразведению».

Преображается лицо земли. Какие чудесные изменения произойдут, когда покроется лесными полосами весь юго-восток и ныне пустынные земли обретут плодородие. И забудут люди слова «засуха», «неурожай», когда будет полностью претворен в жизнь великий сталинский план — план обновления земли!

Л. АЛЕКСАНДРОВ

---

[1] Производство Центральной студии документальных фильмов. Сценарий и текст Миколы Садковича. Режиссер — Илья Копалин. Главный оператор — Б. Волчек.

Парад участников всесоюзных соревнований по плаванию.

Парад участниц всесоюзных соревнований по плаванию.

На водных дорожках

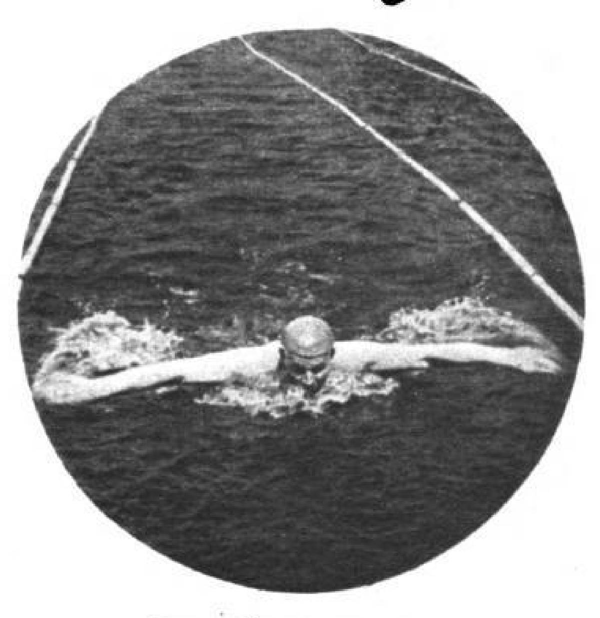
Давно уже не приходилось наблюдать таких интересных по напряженности и примечательных по достижениям соревнований, как недавно закончившееся первенство Советского Союза по плаванию.

Четыре дня на водных дорожках московского бассейна № 1 шла захватывающая борьба за право носить почетное звание чемпиона Советского Союза. Одиннадцать новых рекордов СССР и один мировой — таков итог этих состязаний.

Рекордные результаты родились в соперничестве между опытными мастерами и молодежью. Юные спортсмены сумели постоять за себя, несколько потеснить ветеранов. Произошла знаменательная смена ряда чемпионов. Новые чемпионы достигли успеха благодаря неиссякаемой энергии, а старые — за счет опыта, совершенной техники, упорного труда.

Восемнадцатый сезон выступает заслуженный мастер спорта москвич Виталий Ушаков. Сто раз он улучшал свои всесоюзные рекорды, около пятидесяти раз был чемпионом страны. На минувших соревнованиях он стартовал на 100, 200 и 400 метров вольным стилем. Самую короткую дистанцию он проплыл с великолепной скоростью — 57,3 секунды. За последние полтора года только одному пловцу в мире удалось показать лучшее время.

На другой дистанции — 200 метров — Ушаков побил всесоюзный рекорд, показав международный результат — 2 минуты 08,8 секунды. В. Ушаков — пример для молодежи. Его успехи — плод огромного труда. Ушаков и его тренер Г. Чернов немало потрудились над тем, чтобы улучшить и без того хорошую технику.

Леонид Мешков в заплыве.
Фото Л. Сыркина

Другой ветеран, заслуженный мастер спорта москвич Леонид Мешков, обладает удивительным уменьем одинаково хорошо плавать разными стилями. Он установил новый мировой рекорд в заплыве на 100 метров стилем «баттерфляй» — 1 минута 06,8 секунды. Глядя на его мощные взмахи рук, не верится, что в начале войны он получил тяжелое ранение в плечо. Воля спортсмена и искусство врачей взяли верх, и сейчас Мешков продолжает улучшать рекорды.

Кто же отличился из молодых?

Прежде всего киевлянка Мария Гавриш. Не так давно она выступала по группе девушек, а теперь успешно соревнуется со взрослыми. Но ее выступление — не робкие шаги новичка, а поступь зрелого мастера. В заплывах на 100 и 200 метров стилем «брасс» Гавриш установила новые всесоюзные рекорды. Вместе с ней стартовала юная москвичка Тамара Егорова. В день соревнований ей исполнилось семнадцать лет. Свое последнее выступление Егорова ознаменовала новым всесоюзным рекордом.

Начинающий пловец Владимир Землянский стартовал на 300 метров. Плыл он на боку. Землянский намного опередил своих соперников, и тут с ним произошел необычный случай. Он ошибся в расчете и финишировал слишком рано, проплыв всего 250 метров. Зрители всполошились, но Землянский понял, что сделал ошибку, поплыл снова и сумел все же закончить дистанцию первым с новым всесоюзным рекордом.

Е. ЕВГЕНЬЕВ

Имени С. М. Кирова

По прекрасной идее Сергея Мироновича Кирова расположенные в устье Невы острова должны превратиться в район отдыха трудящихся Ленинграда. Уже сейчас на самом крупном из островов, Крестовском, находится Приморский парк Победы, куда устремляются летом десятки тысяч ленинградцев.

Пока цветники и аллеи занимают только часть острова. Зеленым насаждениям предстоит разбежаться по всему острову и превратить его в сплошной парк. Главным сооружением в нем будет строящийся сейчас спортивный стадион имени С. М. Кирова.

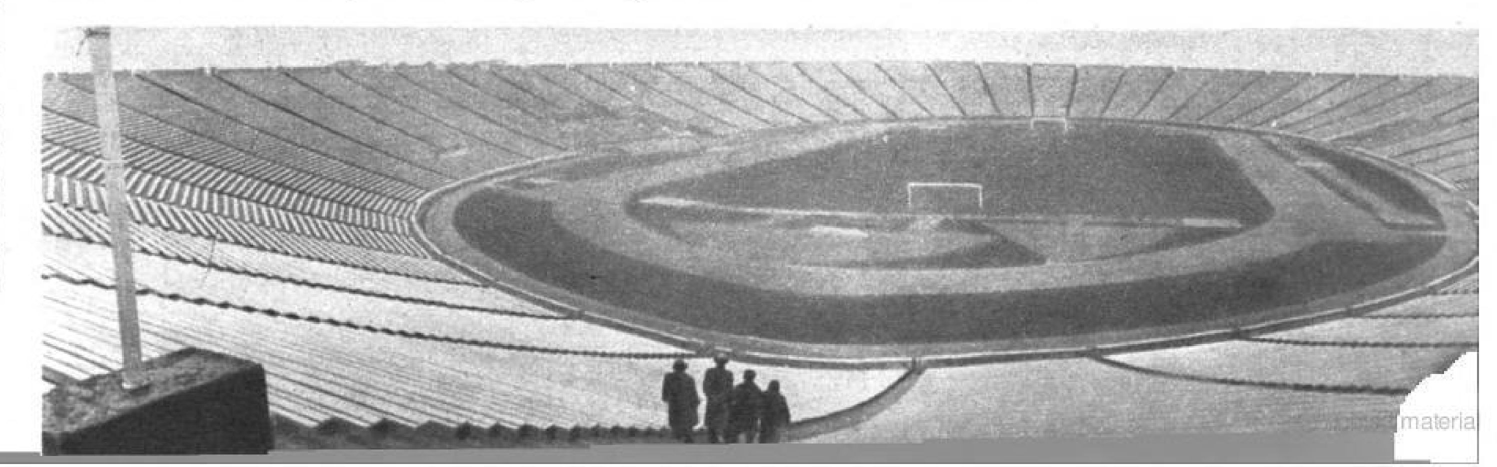
Еще задолго до войны у западной оконечности Крестовского острова начали работать мощные землесосы. Они подняли со дна невских рукавов около миллиона кубометров песку для того, чтобы выровнять строительную площадку и несколько приподнять основание будущего стадиона. Когда это было сделано, понадобился и второй миллион кубометров песку. Из него стал вырастать гигантский овалообразный холм с широким кратером посредине.

Обычно спортивный стадион напоминает по своей форме колоссальных размеров ванну со скошенными во внутрь стенами. Такой стадион не смог бы украсить парка, занять в нем центральное место. У нового же ленинградского стадиона-холма внешняя сторона отлого спускается к парку. Склоны холма покроют кустарники и газоны, опояшут террасы для гуляющих, и стадион органически сольется со всем зеленым островом.

Вскоре после окончания войны сооружение стадиона имени С. М. Кирова возобновилось. Этим летом стадион сможет принять первых спортсменов и первых зрителей. Готовы колоссальный амфитеатр в 55 рядов, футбольное поле, легкоатлетические сектора, беговая дорожка. В июле должна начаться эксплоатация стадиона, хотя еще и будут продолжаться некоторые строительные, главным образом отделочные, работы.

С окончанием строительства первой очереди начнется сооружение верхней, венчающей стадион галереи и 60-метровой башни перед главным входом. Ленинградский стадион имени С. М. Кирова будет не только одним из самых крупнейших в Европе, но и самым величественным и прекрасным по своему внешнему оформлению.

На скамьях стадиона смогут разместиться свыше 80 тысяч зрителей. Проект стадиона (автор его — академик архитектуры А. С. Никольский) предусматривает все необходимые удобства для спортсменов.

Ответы Сергея Гурзо

В. ВАСИЛЬЕВ, Г. ТИНОВИЦКИЙ

— Умеете ли вы хорошо ездить верхом?
— Хорошо? Нет.
— Знаете ли вы приемы борьбы самбо?
— Самбо? Нет.
— Уверенно ли вы себя чувствуете в воде?
— Уверенно? Пожалуй, нет.
— Три «нет» — это плохо,— сказал режиссер.— Герой фильма должен скакать, как джигит, плавать, как рыба, бороться, как мастер спорта. Все-таки, мне кажется, эта роль написана для вас, Гурзо. Все зависит от того, сумеете ли вы через несколько месяцев стать джигитом, пловцом и отличным борцом.

И режиссер вопросительно посмотрел на Сергея Гурзо.

* * *

...Солнце только что выглянуло из-за зубчатых гребней Кавказских гор. Его лучи позолотили вершину Эльбруса, отразились в бурной речушке и залили ровным сияющим светом зеленеющую степь.

Два всадника, словно состязаясь в скорости, скакали по степи на тонконогих кабардинцах. У подножья гор лошади пошли легкой рысью. Всадники вели себя необычно. Они не направили лошадей по удобной проезжей дороге, отлого уходившей вверх, а выбрали крутую козью тропу, то змеившуюся между нависшими громадами гор, то коварно пробегавшую над самым краем бездонных ущелий.

Только после полудня всадники вернулись в степь. Усталые лошади шли шагом.

— Из тебя, Сергей, выйдет настоящий джигит,— прервал молчание всадник в белой папахе, ловко сидевший в седле.

Сергей улыбнулся:

— Скажи это, Ирбек, Нине Павловне.

* * *

...Начало было обидно прозаичным. Нина Павловна Соколова, тренер кавалерийского клуба, встретила нового ученика, как обычно. Она вошла с ним в конюшню и подвела к деннику.

— Вот седло, потник, уздечка, стремя, а вот и щетка для чистки лошадей. Не забывайте и о ней.

Буднично проходили первые занятия. Вместо лихой скачки, смелых прыжков через препятствия, о которых мечтал Сергей,— небольшой манеж, медленная ученическая рысь, скучный шаг.

Лошадь не слушалась Сергея, и Нина Павловна повторяла ему: «Туже шенкель!».

Как ни утомительны были будни первых дней учебы, Сергей терпеливо выполнял все указания тренера. Занимаясь на разных лошадях и по ускоренной программе, он спустя некоторое время чувствовал себя уверенно и на своенравном Дельфине и на упрямом Урагане. Постепенно он так увлекся верховой ездой, что с удовольствием проводил на манеже многие часы.

Настал день, когда тренер сам пошел навстречу нетерпению ученика. Все чаще во время занятий появлялись на манеже препятствия — сначала простые, а затем все более сложные. Вскоре в программу включена была и вольтижировка. Сергей учился делать «ножницы», вскакивать и соскакивать на ходу с лошади, делать в седле «стойку». Затем он выступил в состязаниях.

В упорной схватке со своими одноклубниками он чисто прошел маршрут конкур-иппика и вышел победителем.

Вручая Сергею приз, ему сказали:

— До сих пор мы знали вас как лауреата Сталинской премии, талантливого исполнителя роли Сергея Тюленина в фильме «Молодая гвардия». Теперь мы знаем вас и как многообещающего конника-спортсмена.

Это было первое «да», которым Сергей ответил на один из трех вопросов режиссера.

...Вдали показались строения конного завода. Лошади переходят на легкую рысь. Закончился еще один учебный день. Как репетиции подготовленного спектакля переносятся на сцену с декорациями, так и учеба Гурзо проходила теперь в степях и горах Кавказа, где живет и действует герой будущего фильма. Тренируясь вместе с чемпионом страны по джигитовке Ирбеком Кантемировым, Гурзо постигал вершины смелого и красивого искусства верховой езды.

* * *

...Это был опасный противник. Фашистский разведчик в совершенстве владел приемами бокса и джиу-джитсу. Поединок между ним и героем фильма — один из наиболее драматических эпизодов картины.

Искусство кино позволяло создать иллюзию схватки. Для этого не требовалось глубокого умения бороться. Но постановщики фильма решили с максимальной убедительностью и правдивостью показать этот волнующий эпизод.

Силе и технике гитлеровского офицера должна была противостоять советская система спортивной борьбы. Она называется «самбо» (самооборона без оружия).

Путь от просеки в Сокольниках, где находится манеж, до стадиона «Динамо» лежит через весь город. Подъезжая к стадиону, Сергей уже успевает выключить из сознания все, что связано с манежем. Теперь его заботит иное — он должен стать борцом.

Заслуженный мастер спорта А. Харлампиев с интересом присматривается к своему ученику. У этого юноши все данные для самбиста. Он ловок, силен, вынослив, а главное — у него есть воля, основное качество борца.

И здесь занятия начались с простого — с подножки. Сергей с удивлением узнал, каким грозным оружием может стать этот известный еще с детства прием. Немало неприятностей на первых порах доставили Сергею болевые приемы, применяемые в самбо. Но ни разу ни единым словом не выразил он неудовольствия.

С каждым занятием Сергей чувствовал, как крепли и наливались силой его мускулы, как все увереннее и спокойнее он был в схватке с товарищами. Вскоре он стал одним из сильнейших борцов в своей группе.

...Перед отъездом со съемочной группой на Кавказ Сергей зашел попрощаться к своему учителю Харлампиеву. Тот, крепко пожав Сергею руку, подарил ему свою книгу о самбо. Дома Сергей развернул ее. На титульном листе было написано: «Моему способному и очаровательному ученику Сереже Гурзо».

Это было второе «да» на вопросы режиссера.

Поединок с немецким разведчиком был выигран. Сцену поставил сам Гурзо, и специалисты не нашли в ней ни малейшей погрешности.

* * *

...Голубые озера. Это название звучало как злая насмешка. Низко нависшее хмурое небо, студеная вода сделали озера серыми и неприветливыми. Но плыть нужно: ведь среди голубых озер предстоит сражение с вражеским десантом. И Гурзо с разбега прыгнул в ледяную воду.

В эти минуты он словно забыл, что на него устремлен объектив киноаппарата. Горы, ледяная вода и засевший поблизости враг — все это было знакомо. Ведь не раз, выполняя задание командования, он переходил с огнеметом на плечах горные речушки Карпат.

От жгучего холода на миг перехватило дыхание. Но он плыл саженками, высоко занося руки, чтобы скорее преодолеть сковывающую силу холода. Уставая, переходил на кроль или брасс.

Словно заправский пловец, он ловко и уверенно рассекал воду. А когда Сергей достиг цели, он помянул добрым словом своего тренера Тамару Дробинскую, с которой не раз занимался на водной станции.

Эпизод закончен. Переодевшись, Сергей грелся у костра.

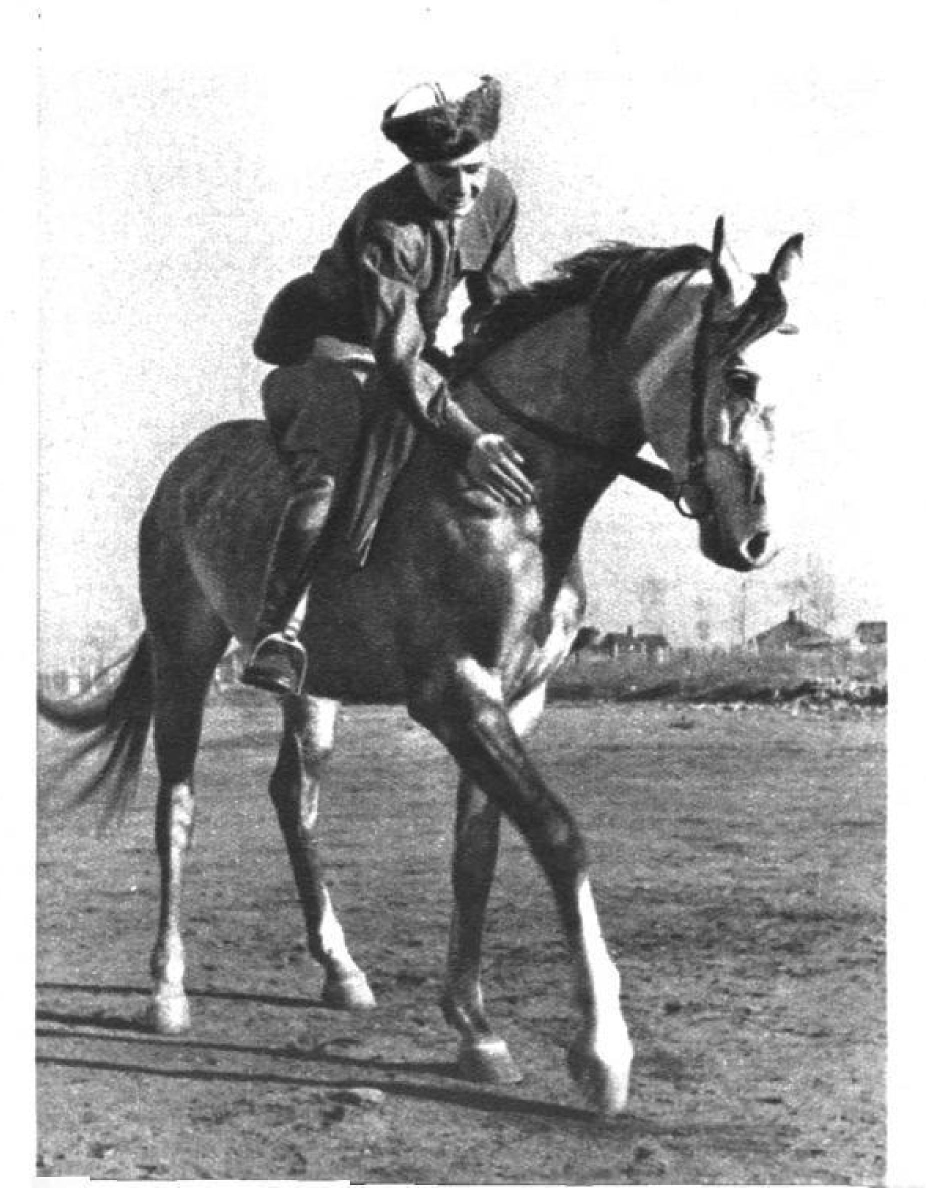
— Сергей хорошо справился со своей задачей,— таково было единодушное мнение всех наблюдавших за проплывом.

Так ответил Гурзо на третий вопрос режиссера.

...Собственно говоря, режиссер должен был задать еще один и, пожалуй, самый главный вопрос: а хватит ли у вас смелости и отваги для исполнения этой роли? Ведь актеру предстоит на полном ходу поезда отцеплять вагоны, с головокружительной скоростью мчаться верхом по гористой местности, укрощать необузданный нрав полудиких скакунов.

Но режиссер не задал этого вопроса. Он хорошо знал, на ком остановить свой выбор, знал, кому можно доверить играть главную роль в фильме, который носит название «Смелые люди».

Артист Сергей Сафронович Гурзо.
Фото А. Гостева

Дяди шутят

Ян САШИН

Посланник США Дональд Хит являлся главным руководителем американской разведки в Болгарии.

(Из газет.)

Когда дневной стихает гам
И опускают шторы,
Когда мигают по углам
Все ярче светофоры
И мимо окон и дверей
Над розовым гранитом
Плывут планеты фонарей
По уличным орбитам,
Когда луне велят: виси!
И в небесах луна,
Как передачи «Би-би-си» [1]
Тосклива и бледна,
Тогда и у широких масс
И также у послов
Просмотра наступает час
Полнометражных снов.

И в час такой вдоль мостовой
Гуляя однажды кто-то...
Быть может, это вор ночной
Собрался на работу!

Но дорогой на нем пиджак,
Портфель из желтой кожи —
Такие люди впрямь никак
С бандитами не схожи.

А между тем то был шпион,
Каких довольно много
Пустил по свету Вашингтон
Со своего порога.
Постиг он высший этикет,
Ходил к банкирам на дом,
Умел в руках держать кастет
И пользоваться ядом.
Его судьба вперед несла,
Хоть не дал бог талантика,
И вскоре в качестве посла
Он переплыл Атлантику.

Не зря спешил он по морям:
Как свойственно «воителю»,
Оружия не килограмм
Развез он по монастырям —
Поближе к вседержителю.
Потом он пастырям отдал
Молитвы новой пламень,
И «атом-костер» прошептал,
И кончил: «Трумэн. Амен!»

[1] Британская радиовещательная компания.

О чем-то данные собрав,
В портфель их спрятав ловко,
Теперь он шел на телеграф,
Чтоб шефу дать шифровку.
Ведь с каждым днем за морем
спрос
Растет на донесения,
И долларами платит босс
За рвенье и радение.
Где только ни трудился он!
И в титовском притоне,
И уоллстритовский закон
Расхваливал он в Бонне.

Бесчестье — кровь его и
плоть,
Предательство — желание.
Трудился он, чтоб расколоть
Берлин и всю Германию.
Готовил взрыв он и раскол
Всей, так сказать, вселенной,
Но вдруг засыпался посол,
Как вор обыкновенный.
Уже пред ним маячит цель —
Итог его «отваги».
Открыл он кожаный портфель,
Но не нашел бумаги!..
Что делать! Катастрофа!!
Крах!!
Смертельная досада.

А документы все в руках
У... словом, там, где надо.

И был он взят за воротник.
При этакой оказии
Главой ворюга не поник,
А даже поднял гневный крик,
Вопя о безобразии.

Какой конфуз! Какой скандал!
Еще «персона грата»!
Не первый это был провал
Матерого пирата!
К послу, конечно, Белый дом
Отнесся крайне чутко,
Желая мир уверить в том,
Что это просто шутка,
Что склонен к юмору-де он
И что он вовсе не шпион,
А просто шутки ради
Он сочинял в тетради.
Мол, здесь излишен резкий
тон,
Его-де оболгали, и
Всё подтверждают Ачесон,
И Трумэн, и так далее...

Шутник отбыл домой. И вот
В Нью-Йорке, в чахлом
скверике,
Он жалкий сочинил отчет
Для «Голоса Америки».
Хотел он бас извлечь
в сердцах
Из шеи-макаронины,
Но голос у него был — ах! —
Довольно вашингтоненький.

Мы можем лишь сказать одно,
На их делишки глядя:
Насчет фантазии бедно,
И плохо шутят дяди!

Рисунки В. Васильева

Женитьба в Чикаго

Виктор ЭРГЕРТ

— Эндрю,— обратился мистер Уокер к молодому человеку,— вот вам сто долларов, уплатите их Фишеру в понедельник утром, так как сегодня уже поздно.

Молодой человек пересчитал деньги, поклонился и вышел.

— Увижу ли я его снова? — пробормотал мистер Уокер, провожая взглядом своего нового клерка.

Мистер Уокер не требовал рекомендаций у поступающих к нему на службу, так как не верил в них. Не любил он и сам давать характеристики на своих бывших служащих. Он имел свою собственную систему проверки новичков, от которых он требовал безукоризненной честности.

— Эндрю,— сказал шеф молодому человеку, когда тот в понедельник положил ему на стол квитанцию,—Эндрю, вы мне подходите, я решил принять вас к себе на службу. Пока что будете получать сорок долларов в неделю. Но скажите, где вы носите ваше оружие?

— А вот где! — скромно сказал молодой человек, направляя на шефа два пистолета, мгновенно извлеченные откуда-то из подмышек.

— Недурно, недурно! — одобрительно покачал головой мистер Уокер.— А теперь займитесь разбором позавчерашней почты.

Эндрю работал честно, добросовестно и старательно. Но одного этого мистеру Уокеру было еще не достаточно, он не успокаивался до тех пор, пока не получал полного представления о способностях и возможностях своих служащих.

Однажды он вызвал к себе клерка и сказал:

— Эндрю, в этом портфеле 5 тысяч долларов, отвезите их в банк.

Молодой человек аккуратно сосчитал связанные в пачки банкноты и положил их обратно в лежащий на столе портфель.

— Между прочим, как вам нравится вот та фотография? — спросил шеф, когда Эндрю застегнул пряжки портфеля.

— Я уже давно заметил ее,— сказал молодой человек.—Девушка действительно очень красива.

— Моя дочь!

— Могу ли я на что-либо рассчитывать? — осведомился Эндрю, снова поворачиваясь лицом к шефу.

— Хм-м, если не наделаете глупостей и удержитесь у меня...— сказал мистер Уокер, прищурив один глаз.

Через два часа Эндрю снова вошел в кабинет своего шефа.

— Из-за аварии машины я приехал в банк слишком поздно,— сказал он,— кассы были уже закрыты.

— А деньги?

— При мне, конечно!

Молодой человек извлек из портфеля пять пачек по тысяче долларов и положил их на стол.

— Ну что ж, ладно,— сказал шеф, пряча деньги в ящик.— Отвезете их завтра. Между прочим, в субботу я устраиваю в своей вилле маленький ужин. Моя дочь, наверное, будет рада видеть вас за нашим столом.

Эндрю с поклоном поблагодарил и вышел.

— Загадочная история! Хотел бы я знать, откуда парень взял деньги? — пробормотал мистер Уокер задумчиво почесывая подбородок и вытаскивая из-под стола портфель, в точности похожий на только что принесенный Эндрю.

В тот момент, когда молодой человек рассматривал висящий на стене портрет девушки, шеф ловко заменил один портфель другим. В одном из них были деньги, а в другом — пара старых книжек. С довольным выражением лица мистер Уокер запер в свой сейф десять тысяч долларов вместо пяти.

Через несколько недель была отпразднована свадьба Эндрю с дочерью его шефа.

— Ну, старина,— обратился к зятю мистер Уокер, когда шампанское ударило ему в голову,— теперь расскажи, как ты проделал тот фокус, принеся мне 5 тысяч долларов, которых не было в портфеле?

— Когда я открыл у окошка кассы портфель,— небрежно сказал молодой человек,— и не увидел в нем ничего, кроме старых книжек, я сразу понял, что ты, старый мошенник, решил сыграть со мной плохую шутку. Но, к счастью, у окошка стоял какой-то кассир, только что получивший 8 тысяч долларов. Я последовал за ним, и, когда он вошел в парадное своей конторы, я просто отобрал у него деньги.

— Ха, ха, ха, ты молодчина, скоро ты будешь хозяином моей фирмы! — сказал мистер Уокер и, вздохнув, добавил с грустью: — Да, будущее принадлежит молодежи!

Перевел с немецкого
В. БОЕВ

Юмор Суворова

Александр Васильевич Суворов своими шутками, афоризмами и остротами стяжал себе славу одного из остроумнейших людей эпохи. До сих пор в народе живут многие из суворовских анекдотов. Мы приводим некоторые из них.

ТРОФЕИ

Во время турецкой войны союзники России воевали очень плохо и несли большие потери. Неприятель захватил значительное количество их пушек. После того как Суворов со своей армией присоединился к союзным войскам, победы стали следовать одна за другой. Разгромив турок под Рымником, Суворов приказал доложить в ставку: «Трофеи разделены по справедливости — отбитые пушки союзников наших отданы по принадлежности, а пушки турецкие взял себе».

В другой раз, когда союзники подняли спор из-за дележа трофеев, требуя, чтобы им была отдана половина захваченных русскими орудий, рассерженный Суворов так решил спор:

— Отдать союзникам все пушки! Где им взять? А мы себе еще добудем!

ТЯЖЕЛАЯ НОША

Суворов имел обыкновение на официальные приемы появляться при всех своих орденах, которых у него было множество. Как-то раз во дворце к нему подошло несколько дам, жен придворных завистников Суворова.

— Ах, Александр Васильевич! — воскликнули они. — Вы такой хрупкий, а на вашей груди столько тяжести! Ведь вам тяжело?

— Помилуй бог, тяжело! Ох, как тяжело! — сказал Суворов. — Вашим мужьям не снести!

ВАСЯ ИЗ ЕВРОПЫ

Когда Суворов жил в Крыму, ему прислали одного офицера, только что прибывшего из Парижа. Он был в буклях, в щегольских башмаках, в атласном кафтане, надушенный и напудренный.

Суворов его нарочно называл по имени — Васей — и предложил участвовать в верховой прогулке. Офицер попросил разрешения переодеться, но Суворов сказал:

— Солдат всегда должен быть готов к несению службы! Нечего туалетами заниматься, время не ждет!

Щеголю так и пришлось ехать — в атласе и бархате.

Через несколько верст Вася едва держался в седле.

А Суворов еще заставлял его делать вычисления для различных фортификационных работ. Офицер не мог справиться с суворовскими задачами.

— Чему же тебя учили в Париже? — воскликнул Суворов. — Этак ты и огород не огородишь! Сбрось-ка, Вася, с себя всю эту дрянь европейскую да надень-ка на себя все родное, тогда и голове сразу легче будет!

Почему мы так говорим

ПОЛТОРА

Мы говорим «два с половиной», «семь с третью» и т. д. И только для обозначения дроби «один с половиной» существует особое слово — «полтора». Это сохранившийся в современном словаре след старинного счисления дробей.

Система обозначения дробей когда-то значительно отличалась от нашей. Дроби сводились к половине, трети или четверти целого числа, для чего применялись слова пол, треть и четь (или четверть). Одна шестая была «полтрети». Одна двенадцатая — «пол-пол-трети», одна двадцать четвертая — «пол-пол-пол-трети». Так же поступали и с четвертыми долями. Например, «пол-пол-пол-чети» означало одну тридцать вторую.

При таком счете применялись также сложение и вычитание. Например, «четь без пол-пол-пол-чети» значило семь тридцать вторых.

Для обозначения целого числа с дробью исходили от количества, недостающего до целого числа. Поясним примерами: полтретьи (то есть после двух на третье половина) значило два с половиной. Следовательно, «полсемы» — шесть с половиной.

«Полтора» и есть пережиток этой системы: так изменилось древнее «полвтора».

Интересно, что мы, не задумываясь над этим, до сих пор пользуемся древним счетом в одной области: для указания часов. Мы не скажем, что ребенку «полчетверты», то есть три с половиной года. Но о времени мы говорим «полтретьего» или (применяя вычитание) «без четверти пять».

Так же считали и числа, состоящие из целого с дробью. Протопоп Аввакум писал: «...годов будет тому с полтретьятцеть». В «Задонщине» Софония рязанца, памятнике XV века, говорится: «А посечено от безбожного Мамая полтретья ста тысещь и три тысечи». Зная, как считали на Руси, мы поймем, что в первом случае речь шла о 25 и во втором о 253 тысячах.

СНОВАТЬ

Сновать — двигаться в одну и другую сторону. Снуют по реке пароходы. Снует из угла в угол человек. Сновать происходит от основа. Основа — нечто неподвижное, незыблемое, часть, служащая опорой остальному, а сновать имеет как будто совершенно противоположный смысл — быстрого движения.

Как же от «основа» образовалось «сновать»?

При тканье одни нити проходят вдоль ткани. Это основа. Другие, переплетая основу, ложатся в поперечном направлении. Это уток (от ткать, уткать). Сновать сначала значило только подготовлять основу для ткани, протягивать нити основы. Говорили также, что снует челнок, в котором уток прокидывается между нитей основы. Потом стали говорить и о всякой мелькающей вещи, что она снует.

Производство тканей — одно из древнейших. Слова, связанные с тканьем, очень древнего происхождения. Давно вошло в язык и слово сновать, связь которого с ткачеством уже не чувствуется.

И. УРАЗОВ

РАВНОВЕСИЕ БЮДЖЕТА ПО-АМЕРИКАНСКИ.
(«Дейли Компас»)

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Шерстяная ткань. 4. Лесистая местность. 6. Русский полководец. 9. Основной источник сведений. 11. Перешеек в Крыму. 13. Персонаж из романа Л. Н. Толстого. 14. Построение пехоты. 15. Документ к передаваемому товару. 16. Город в РСФСР. 18. Знаменитый русский борец. 19. Ягода. 21. Возможная опасность. 23. Шелуха семян какао. 25. Колючий кустарник. 27. Русский изобретатель-самоучка. 28. Сосуд для перегонки. 29. Отдел медицины. 32. Дополнительный тон. 33. Сходное по значению слово. 34. Полоса земли в огороде.

По вертикали:

1. Населенный пункт. 2. Город в РСФСР. 3. Столица европейского государства. 4. Купленная вещь. 5. Советский художник. 7. Народная республика. 8. Столица союзной республики. 9. Геометрический термин. 10. Музыкальное учебное заведение. 12. Трижды Герой Советского Союза. 13. Ревизор. 14. Машина для забивания свай. 17. Оболочка гусеницы. 20. Официальная расписка. 22. Бухгалтерский термин. 23. Комната для занятий. 24. Чуждое организму вещество. 26. Направление в искусстве, литературе. 30. Музыкальный инструмент. 31. Часть удочки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 19

По горизонтали:

1. Миролюбие. 5. Вереск. 6. Объект. 9. Миля. 10. Кулибин. 11. Цирк. 15. Жезл. 16. Аллигатор. 17. Люкс. 21. Рапортичка. 22. Окулировка. 23. Игрек. 24. Стадо. 29. Исаковский. 30. Снаряжение. 32. Танк. 33. Изложница. 34. Цель. 37. Киев. 38. Амфибия. 39. Марс. 42. «Аэлита». 43. «Клятва». 44. Боярышник.

По вертикали:

1. Марш. 2. Республика. 3. Библиотека. 4. Елец. 5. Воля. 7. Тмин. 8. Динго. 9. «Мазепа». 12. Клюква. 13. Василевский. 14. Пролетариат. 15. Журналист. 18. Сказитель. 19. Прогноз. 20. Продажа. 25. Парник. 26. Дипломатия. 27. Антициклон. 28. Индекс. 31. Ужвий. 35. Цена. 36. Кара. 40. Клуб. 41. Штык.

Обо всем

Без кислорода не может существовать жизнь. Однако есть такие живые существа, которым кислород не только не нужен, но даже губителен. Они могут жить лишь в среде, где отсутствует кислород. Эти существа — немногие виды бактерий, например, бактерии, вызывающие газовую гангрену.

* * *

Самый крупный волк, известный натуралистам, был пойман в капкан в 1942 году на Алтае. Зверь весил семьдесят два килограмма. Желудок его был пуст. Кстати, интересно отметить, что волк ест даже фрукты. Волки уничтожают на бахчах немало арбузов, дынь, едят различные злаки. Но, конечно, эти «вегетарианцы» — вреднейшие хищники, и их следует уничтожать всеми возможными средствами.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ «Размещение делегации» (№ 19)

п1	м2	к3	сл4	л5
л4	п5	м1	к2	сл3
сл2	л3	п4	м5	к1
к5	сл1	л2	п3	м4
м3	к4	сл5	л1	п2

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

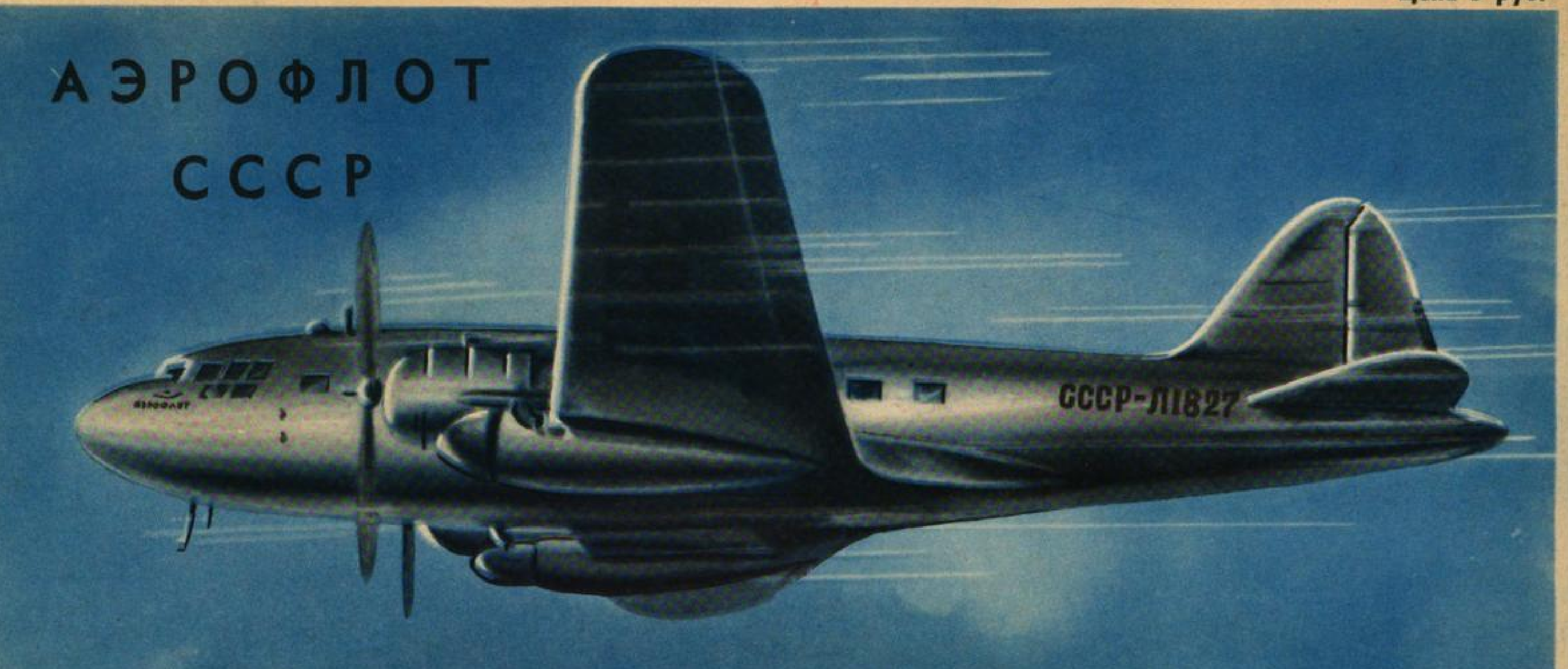
А—00894. Подписано к печати 9/V—50г. Изд. № 318. 5½ печ. л. Тираж 381 000. Заказ 365. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Весенний кросс в Ленинграде.

Фото Б. Уткина

АЭРОФЛОТ
СССР
СССР-Л1827